
ISSN 2225-8272

ВЕСТНИК

ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

**Культурно-просветительский
и образовательный журнал**

Выходит четыре раза в год

Том 11, № 3 2022

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Вестник государственного и муниципального управления» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история;

07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода).

С 2012 года материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) по адресу: <http://eLIBRARY.RU> (Научная электронная библиотека).

Включён в базы данных Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO.

**Список членов научно-редакционного совета журнала
«Вестник государственного и муниципального управления»**

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ (Россия, Санкт-Петербург), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, зав. кафедрой истории России средних веков и нового времени, Московский государственный областной университет (Россия, Москва), e-mail: vardanb@mail.ru

Брузати Лука, Ph.D, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Борисов Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Горин Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им.Г.В. Плеханова (Россия, Москва), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Елисеев Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Залужный Александр Гаврилович, доктор юридических наук, профессор факультета национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Зайцев Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, зам.зав. кафедры правового обеспечения рыночной экономики, Институт государственной службы и управления (МИГСУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Зубарев Виктор Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Караджова Милена Нешева, доктор административного права и административного процесса, Новый болгарский университет (Болгария, София), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Россия, Москва), e-mail: iscander48@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Мелихова Анжела Валентиновна, кандидат юридических наук, Ph.D, доцент Эстонской высшей школы предпринимательства MAINOR (Эстония, Таллин), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Менегуццо Марко, доктор экономики, факультет экономики, профессор кафедры общественного и некоммерческого менеджмента факультета экономики, Университет итальянской Швейцарии (Швейцария, Лагуно), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе и международным связям Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Нехаев Виктор Викторович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия, Тула), e-mail: tulastat@inbox.ru

Нечаев Дмитрий Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры связи с общественностью, Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж), e-mail: nechaevv@mail.ru

Ручкин Александр Борисович, доктор исторических наук, профессор, директор Центра образования и культуры «ГРИНТ» (Россия, Москва), e-mail: alexey.ruchkin@uara.ru

Саран Александр Юрьевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Филонов Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: filonovvi@mail.ru

Редакционная коллегия:

Меркулов Павел Александрович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и государственной политики, и.о. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, председатель редсовета, главный редактор (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Ливцов Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования, зам. директора Среднерусского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Мироненко Надежда Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, зам. редактора журнала по развитию (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Матвеева Евгения Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ответственный секретарь журнала (Россия, Орёл), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права, Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева (Россия, Орёл), e-mail: aronovdv@mail.ru

Арабаджийски Николай Запринов, доктор по экономике, Ph.D, профессор Нового болгарского университета (Болгария, София), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Брузати Лука, профессор, зав. кафедрой управления, Удинский государственный университет (Италия), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Editorial Council of «Journal of Public and Municipal Administration»

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

Astafichev Pavel, Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of Constitutional and International Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Russian Federation, St. Petersburg), e-mail: pavel-astafichev@rambler.ru

Bagdasaryan Vardan, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Head of the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Era, Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow), e-mail: vardanb@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Borisov Alexander, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Gorin Dmitry, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow), e-mail: dm.gorin@mail.ru

Eliseev Anatoly, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Department of State and Legal Disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev.anatoly@gmail.com

Zaluzhny Alexander, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Faculty of National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Zaitsev Vladimir, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Legal Enforcement of Market Economy, Institute of State Service and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: nic@migsu.ranepa.ru

Zubarev Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: zubarev.viktor@rambler.ru

Ivanov Hristo Marinov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Varna Free University «Chernorizets Hrabar» (Bulgaria, Varna), e-mail: xiza@abv.bg

Karadzova Milena, Doctor of Administrative Law and Process, New Bulgarian University (Bulgaria, Sofia), e-mail: milena_karadjova@yahoo.com

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210viktor@mail.ru

Maslennikov Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Field Researches of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation, Moscow), e-mail: iscander48@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Melikhova Angela, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of Higher School of Enterprise MAINOR (Estonia, Tallin), e-mail: vestnik.gmu@yandex.ru

Meneguzzo Marco, Doctor of Economics, Faculty of Economics, Professor of Public and Non-profit Management at the Faculty of Economics, Università della Svizzera Italiana (USI), (Switzerland, Lugano), e-mail: marco.meneguzzo@usi.ch

Mikhailchenko Sergei, Doctor of Historical Sciences, Professor, Vice Rector for Research and International Relations, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russian Federation, Bryansk), e-mail: bryanskgu@mail.ru

Nekhaev Victor, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Juridical Sciences, Professor of the Department of Legal Disciplines, Tula State Pedagogical University named after Tolstoy L.N. (Russian Federation, Tula), e-mail: tulastat@inbox.ru

Nechaev Dmitry, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: Nechaevv@mail.ru

Ruchkin Alexander, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Center for Education and Culture «Grint» (Russian Federation, Moscow), e-mail: alexey.ruchkin@uapa.ru

Saran Alexander, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: asaran1958@yandex.ru

Filonov Vladimir, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: filonovvi@mail.ru

Editorial Board:

Merkulov Pavel, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science and Public Policy, Acting Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Editorial Council, Editor-in-chief (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Livtsov Victor, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov210victor@mail.ru

Mironenko Nadezhda, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, the Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy editor-in-chief of the magazine development (Russian Federation, Orel), e-mail: vestnik_gmu@mail.ru

Matveeva Evgeniia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor the Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Executive secretary of the magazine (Russian Federation, Orel), e-mail: evgmatveeva@bk.ru

Aronov Dmitry, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Orel State University named after I.S. Turgenev (Russian Federation, Orel), e-mail: aronovdv@mail.ru

Bruzati Luka, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Management, Udine State University (Italy), e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Arabadjiiski Nicolai, Doctor of Economics, Professor of New Bulgarian University (Republic of Bulgaria, Sofia), e-mail: n_arabadjiiski@nbu.bg

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ливцов В.А., Белинская Н.И.	Вклад Императрицы Марии Федоровны в организацию русского представительства на Всемирной Колумбийской выставке в Чикаго 1893г.	11
--------------------------------	---	----

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Елисеев А.Л., Титова Е.В.	Уроки истории и зарубежный опыт в формировании молодежной политики в современной России	35
------------------------------	---	----

ВОЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ

Никитин Е.В.	«Профессора» – катуковцы в сражениях под Орлом, Мценском и на подступах к Москве	45
Шестаков А.А.	6-я стрелковая дивизия в 1943 г. – участие в коренном переломе в Великой Отечественной войне	55
Потворов А.И.	Сельскохозяйственные дружины учащихся как элемент трудовой мобилизации в годы Первой Мировой войны	69

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Баушов Р.Б.	Уточнение к биографии Дмитрия Тимофеевича Буцинского	78
-------------	--	----

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Иерусалимская С.Ю. Иерусалимский Ю.Ю.	Состояние начальных школ духовного ведомства русской провинции во второй половине XIX в. (по материалам Ярославской епархии)	86
Исаев А.В., Матвиенко В.А.	Социально-ориентированное партнёрство государства и религий в ретроспективе преобразований «новой» России	98
Тиунчик А.М., Харитонов Г.П.	Крестные ходы в Ярославской епархии как феномен социокультурной жизни региона	111

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Бацукин А. А., Кузнецова Е.В.	Становление этических представлений по вопросу назначения пожизненного лишения свободы в современный период	127
----------------------------------	---	-----

CONTENTS

GENERAL HISTORY AND INTERNATIONAL RELATIONS

Livtsov V.A., Belinskaya N.I.	The Empress Maria Feodorovna's contribution to the organization of the Russian representation at the World's Columbian Exposition in Chicago in 1893	11
----------------------------------	--	----

HISTORY OF RUSSIAN STATEHOOD: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Eliseev A.L., Titova E.V.	History lessons and international experience in youth policy-making in modern Russia.	35
------------------------------	---	----

MILITARY CHRONICLE

Nikitin E.V.	"Professors" – Katukov's men in the battles of Orel, Mtsensk and on the outskirts of Moscow.	45
Shestakov A.A.	The 6th Rifle Division in 1943 – a participation in the radical turning point in the Great Patriotic War.	55
Potvorov A.I.	Agricultural squads of students as an element of labor mobilization during the First World War	69

A STATESMAN: PERSONALITY IN THE HISTORY OF STATE DEVELOPMENT

Baushov R.B.	Clarification of the D.T. Butinsky's biography	78
--------------	--	----

STATE, RELIGION, CHURCH

Jerusalimskaya S.Yu., Jerusalimskiy Yu. Yu.	The state of primary schools of the spiritual department of the Russian province in the second half of the 19 th century (based on the materials of the Yaroslavl diocese)	86
Isaev A.V., Matvienko V.A.	Socially-oriented partnership of the state and religions in retrospect of the transformations of the «new» Russia	98
Tiunchik A.M., Kharitonov G.P.	Cross processions in Yaroslavl diocese as a phenomenon of social and cultural life of the region	111

HISTORY OF LEGAL RUSSIAN STATEHOOD

CONTENTS

Batsukin A. A., Kuznetsova E.V.	The formation of ethical concepts on the imposition of life imprisonment in the modern period	127
------------------------------------	--	-----

ЛИВЦОВ Виктор Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, зам. директора, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

БЕЛИНСКАЯ Надежда Ивановна, Орловский объединенный государственный литературный музей И.С.Тургенева, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: belinskaya.art@yandex.ru, AuthorID: 1105903

LIVTSOV V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: livcov@orel.ranepa.ru, AuthorID: 367835

BELINSKAYA N.I., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: belinskaya.art@yandex.ru, AuthorID: 1105903

**ВКЛАД ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕДОРОВНЫ В ОРГАНИЗАЦИЮ
РУССКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА НА ВСЕМИРНОЙ КОЛУМБИЙСКОЙ ВЫСТАВКЕ
В ЧИКАГО 1893Г.
THE EMPRESS MARIA FEODOROVNA'S CONTRIBUTION TO THE ORGANIZATION
OF THE RUSSIAN REPRESENTATION AT
THE WORLD'S COLUMBIAN EXPOSITION IN CHICAGO IN 1893**

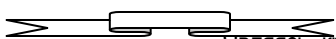
Аннотация. Цель статьи – рассмотреть особое участие отделов женского труда и ведомства учреждений императрицы Марии во Всемирной выставке 1893 года в Чикаго в контексте российско-американских отношений. Идеологической задачей обеих выставок было опровергнуть представления американцев об отсталости России и деспотизме самодержавной власти. Авторы отмечают негативное воздействие на имидж России американского движения «за свободную Россию» и кампании Джорджа Кеннана, автора «сибирской серии» статей о политических ссыльных. Воплощению задач служили предметное содержание экспозиций выставки и участие делегатов отделов женского труда и ведомства императрицы Марии в общественных и научных мероприятиях. Широкое участие и признанный успех представительства отделов женского труда и учреждений ведомства императрицы Марии на всемирной выставке дают основания рассматривать их как идеологический ответ американским критикам.

Ключевые слова: всемирные выставки, Всемирная Колумбийская выставка, император Александр III, императрица Мария Федоровна, ведомство учреждений императрицы Марии, отдел женского труда.

Abstract. The purpose of the article is to consider the special participation of the women's labor departments and the departments of the Empress Maria's institutions in the World's Columbian Exposition in Chicago in 1893 in the context of Russian–American relations. The ideological task of both expositions was to refute the Americans' ideas about the backwardness of Russia and the despotism of autocratic power. The authors note the negative impact on the image of Russia of the American movement «For a Free Russia» and the campaign of George Kennan, author of the «Siberian series» of articles about political exiles. The tasks were fulfilled by the substantive content of the expositions of the exhibition and the participation of delegates of the women's labor departments and the Empress Maria's department in public and scientific events. As a result, the authors draw a conclusion that the wide participation and recognized success of the representation of women's labor departments and the Empress Maria's institutions at the World's Exposition give grounds to consider them as an ideological response to American critics.

Keywords: World's Exposition, World's Columbian Exposition, Emperor Alexander III, Empress Maria Feodorovna, leadership of the Empress Maria's institutions, women's labor department.

ВВЕДЕНИЕ

являясь крупнейшим смотром достижений

человечества, всемирные выставки второй половины XIX – начала XX в., помимо коммерческой функции, «несли в себе мощный политический, а в ряде случаев и пропагандистский заряд» [10, С. 128]. Они использовались государствами в качестве идеологического инструмента поддержания и восстановления международного авторитета и национального величия, демонстрации военного превосходства и пропаганды своих политических систем [3, С.128]. Идеологические смыслы всемирных выставок подчеркивались тем, что каждая экспозиция открывалась под собственным девизом либо была посвящена важнейшему для государства организатору событию. Инициатива проведения выставок чаще всего принадлежала монархам и первым лицам государства. Их внимание к национальным экспозициям безо всяких сомнений повышало международный престиж последних. Представительство на всемирных выставках создавало для государств «основу для международного сотрудничества, смягчало враждебные отношения разных наций, становилось важным средством решения внешнеполитических проблем» [13, С.38]. Всемирные выставки были не просто зеркалами политического и социального порядка, но агентами перемен.

Как и для большинства государств, представительство на всемирных выставках для России было значимым элементом национального и политического престижа. Императоры и царское правительство расценивали российское участие во всемирных смотрах наций как важное государственно-политическое средство в системе международных отношений. Степень участия страны во всемирных выставках находилась в непосредственной зависимости от состояния межгосударственных отношений со страной-организатором и конкретных задач внешнеполитического курса. Особенно характерным в

этой связи стало российское представительство на Всемирной Колумбийской выставке в Чикаго в 1893 года.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 1890 году, через несколько месяцев после закрытия Всемирной Парижской выставки к столетию взятия Бастилии, Соединенные Штаты приняли решение «отметить всемирной промышленной выставкой четырехсотлетнюю годовщину высадки Колумба на американской земле». Выставка должна была носить национальный и международный характер. Местом проведения выставки по решению конгресса США был выбран Чикаго, штат Иллинойс. Для подготовки и проведения выставки были образованы правительственная «Всемирная выставочная комиссия» и корпорация «Всемирная Колумбийская выставка», действующая в соответствии с законами штата Иллинойс [25, Р.159].

В апреле того же года президент США Бенджамин Харрисон подписал закон о праздновании четырехсотлетней годовщины открытия Америки выставкой ресурсов Соединенных Штатов, их развития и прогресса цивилизации в мире». 24 декабря 1890 г. от имени правительства и американского народа президент США пригласил «все народы земли принять участие в праздновании события, которое является выдающимся в истории человечества и представляет для него непреходящий интерес». Открытие выставки было назначено на 1 мая 1893 года, торжественное освящение выставочных зданий – на 21 октября 1892 года, в фактическую годовщину открытия Америки Колумбом [25, Р.159].

По мнению американских изданий, впервые в истории великие нации Европы могли продемонстрировать свой прогресс в науке, искусстве

и промышленности на нейтральной территории. Обозреватели утверждали, что здесь не будет места политическому и социальному соперничеству, которое до сих пор на международных выставках представляло угрозу для разных наций. Соединенные Штаты, по их словам, открыто вступают в конкуренцию со всеми нациями во всех сферах человеческой деятельности. Существующие за рубежом узкие рамки и предубеждения здесь неизвестны. Американская печать провозглашала, что с каждой нацией будут обращаться справедливо и беспристрастно не только в распределении выставочного пространства, но и в присуждении наград и почестей [23, Р. 229].

Приглашение принять участие во Всемирной выставке в Чикаго было направлено государственным секретарем Джеймсом Блейном всем иностранным правительствам, с которыми США имели дипломатические отношения. Официально оно было принято многими «великими государствами и нациями». Вместе с тем некоторые иностранные правительства считали Чикаго не лучшим местом для проведения всемирной выставки из-за его удаленности на тысячу миль вглубь страны и не спешили подавать заявки на выставочные места. В американском официальном справочном издании о Всемирной Колумбийской выставке говорилось, что первоначально, «когда США приступили к выполнению своей великой задачи, почти весь мир был настроен к выставочному предприятию враждебно или скептически и равнодушно». Организаторы выставки считали, что пренебрежение важностью американского предприятия некоторыми европейскими правительствами было сформировано «под усердным воздействием английской прессы». Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, департамент иностранных дел всемирной выставки направил в Европу специальную комиссию. В США комис-

сия возвратилась в сопровождении представителей Англии, Германии и Дании, уполномоченных их правительствами изучить подготовку экспозиции и при благоприятном впечатлении подать заявку на выставочное место. Изучив ситуацию на месте, европейские эксперты направили своим правительствам восторженные доклады о необходимости участия в мероприятии [25, Р. 168].

Настойчивыми дипломатическими усилиями американской стороны было обеспечено представительство многих, даже небольших государств и территорий, до которых не дошло приглашение президента. Во все газеты цивилизованного мира организаторами выставки были направлены циркулярные письма, в которых говорилось о важности американского рынка для зарубежных стран и необходимости участия во «всемирном смотре», если они надеялись идти в ногу со своими конкурентами. Особый акцент делался на том, что это было предприятием не только города Чикаго, но и правительства Соединенных Штатов, финансируемым из государственной казны.

Настойчивость организаторов выставки в привлечении как можно больше стран к чикагской экспозиции ярко прослеживается в случае с Китаем. По политическим соображениям, из-за запрета на въезд китайских иммигрантов в США, его правительство отклонило приглашение президента США принять участие в выставке. Через американскую консульскую службу правительством Соединенных Штатов были проведены переговоры с самыми влиятельными торговцами и производителями Китая. Результатом переговоров стало создание интересной экспозиции китайских изделий. Аналогичными мерами и масштабной информационной кампанией 1891–1892 гг. Соединенные Штаты обеспечили участие в выставке представителей Венгрии, британской Индии, Перу, Чи-

ли, многочисленных британских, французских, испанских, голландских, португальских и немецких колоний, без которых всемирную экспозицию нельзя было бы считать полной [25, Р. 186].

Соединенными Штатами и Россией с самого основания североамериканской республики «поддерживались традиции российско-американской дружбы, основанной на принципах взаимовыгодных политических услуг». На протяжении XIX в. Россия была фактически единственной из великих мировых держав, дружелюбно относившейся к США [4, С. 151].

В 1880–1890-е гг. под влиянием «еврейского», «экстрадиционного» и «котикового» вопросов в межгосударственных отношениях России и США появились определенные трения. При этом «еврейский» и «экстрадиционный» вопросы стали поводом для возникновения в США движений и кампаний, нацеленных на либерализацию монархического строя России. На страницах американских журналов и газет, в конгрессе США, на общественных лекциях, митингах и собраниях, в клубах и церквях обсуждались проблемы дискриминации евреев и притеснения протестантов, тема «сибирских политических ссыльных», режим «дикости и варварства», а также перспективы политического преобразования России [9, С. 79]. Самыми активными критиками деспотизма царского режима выступали участники «движения за свободную Россию» (1887–1892гг.) и американский журналист Джордж Кеннан, автор «сибирской серии» статей о политических ссыльных. В результате так называемого крестового похода за дело «русской свободы» происходило целенаправленное разрушение представлений американцев об исторической дружбе с Россией. Участники движения формировали за рубежом «демонический» образ России и императора Александра III, создавали «энергичную оппозицию царизму» [9, С. 181, 182]. В 1890-х гг. царское

правительство было чувствительно к общественным настроениям за границей [9, С. 174]. Однако на состояние дипломатических отношений двух стран антироссийские настроения в американском обществе существенного влияния не оказали. Они продолжали развиваться в режиме сотрудничества. И вашингтонская администрация, и императорское правительство стремились исключить дестабилизирующий идеологический фактор из сферы внешней политики [9, С. 69].

В 1891–1892 гг. внимание американцев от критики отдельных сторон российской действительности отвлекло мощное филантропическое движение помощи голодающим в России. В «знак особой благодарности за дружественную позицию во время обострений англо-американских противоречий и в период гражданской войны 1861–1865 гг.» американцы отправили в Россию корабли с гуманитарным грузом [9, С. 219]. В России филантропическое движение американцев получило глубокий благодарный отклик как среди населения, так и на официальном уровне [9, С. 221, 253]. Беспрецедентная по своему масштабу гуманитарная акция оказала позитивное влияние на развитие российско-американских отношений, способствовала их укреплению, актуализации в американском общественном сознании образа России как исторического друга США и оживлению связей между официальными лицами [9, С. 253]. По мнению идеолога и организатора движения Уильяма Эдгара, «четыре парохода [с гуманитарным грузом для голодающих в России] сделали для укрепления дружбы между народами двух стран больше, чем пятьдесят лет дипломатических связей» [9, С. 229, 230].

В самом начале 1892 г. на страницах столичных газет появились призывы к соотечественникам проявить благодарность к американскому народу за пожертвованный хлеб по

случаю неурожая «в какой-нибудь осязательной и торжественной форме» [6, С. 1]. В публикациях предлагалось отправить в США представителей русского общества, чтобы торжественно засвидетельствовать признательность русских. На предстоящей Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году общественность желала придать русскому отделу «особый, демонстративный» характер, сделать его не только представителем русской производительности и промышленности, но и русских симпатий» [6, С.1].

Желаниям общественности было суждено осуществиться. 31 мая 1891 года император Александр III принял решение участвовать во всемирной выставке в США. В июне 1891 года сотрудник российской миссии в Вашингтоне П. С. Боткин в составе представителей других посольств совершил поездку в Чикаго по приглашению американского правительства. О готовящейся выставке П. С. Боткин составил подробный отчет и прислал его в МИД [9, С. 304]. Однако подготовка к выставке активизировалась только в 1892 году, когда благодаря филантропическому движению в официальном Петербурге был снят неприятный осадок от кеннановской антиправительственной кампании [9, С. 304]. Прибывший в 1892 году новый посланник США Эндрю Уайт получил на аудиенции Александра III личное заверение его величества в том, что «Россия будет в полной мере представлена на всемирной выставке, и царь сделает все от него зависящее для достижения этой цели» [9, С. 304]. Позднее Эндрю Уайт отмечал, что «русское правительство проявило значительный интерес к чикагской выставке, непосредственно руководя комиссией по подготовке и отправке экспонатов за океан» [16, С. 209]. По высочайшей воле и при деятельном содействии правительства подготовка к выставке приняла в России широ-

кий размах. Работа по устройству русского отдела на выставке была традиционно сосредоточена в департаменте торговли и мануфактур министерства финансов. Организацией русского представительства на выставке непосредственно занималась специальная комиссия [15, С. 3]. Она состояла из представителей министерств, ведомств и правительственных учреждений, имевших большой опыт участия в предыдущих всемирных и международных выставках. Одна из главных целей, которую преследовало императорское правительство, заключалась в том, чтобы поразить американцев «огромным развитием и движением вперед дружественной Соединенным Штатам далекой страны», опровергнуть мнение американского общества об отсталости России и деспотизме самодержавной власти, сложившееся под воздействием «движения за свободную Россию» и кампании Кеннана. Поэтому все стремились устроить русский отдел несравненно обширнее, полнее, роскошнее и интереснее, чем когда-либо на прежних всемирных выставках. Подготовка русского представительства по отдельным направлениям всемирной выставки осуществлялась под патронатом и непосредственным руководством императрицы Марии Федоровны.

В соответствии с актом конгресса США производства женского труда на Всемирной выставке в Чикаго было решено выделить в особый отдел. Соединенные Штаты хотели «отметить первое участие женщин в важном международном предприятии, демонстрирующее достигнутый ими прогресс в различных областях и направлениях человеческой деятельности во всех странах мира в течение столетия» [25, Р. 207].

Для организации работы по устройству женского отдела Всемирной Колумбийской комиссией был создан Совет леди-

менеджеров [Board of Lady Managers], определены его полномочия и обязанности. Совету было поручено общее руководство и управление всеми интересами женщин на выставке. 20 ноября 1890 года президентом Совета леди-менеджеров Всемирной Колумбийской комиссии была избрана Поттер Палмер, супруга одного из самых представительных и богатых граждан Чикаго [25, Р. 161].

По решению Колумбийской комиссии выставка в специально построенном для нее женском здании должна была показать наиболее достойные достижения женщин со всего мира. Сам факт нахождения предмета женской работы в здании женщин должен был подтверждать его притязания на высшую заслугу и расцениваться как эквивалент премии.

Для участия в проекте были приглашены женщины из всех стран мира. Совет леди-менеджеров предложил иностранным государствам организовать аналогичные дамские комитеты в своих странах и прислать для отдела женского труда образцы работ. Иностранному дамскому комитетам было предложено придерживаться установленных Всемирной Колумбийской комиссией строгих стандартов отбора экспонатов и привлекать к нему только компетентных экспертов. В целях демонстрации работы женщин в различных профессиях американские организаторы просили дать статистические данные о каждом направлении работ, представленных на выставку, и интересные данные, связанные с ними. Особое внимание следовало уделить экспонатам, демонстрирующим женские инициативы в области благотворительной и филантропической работы, в реформах по содействию здоровью и отдыху. Представить образовательную работу среди женщин надлежало с помощью карт, диаграмм, фотографий, монографий, рельефных моделей и т. д. Для женской библиотеки в

выставочном здании требовалось прислать книги и труды, написанные женщинами, особенно те, которые относились к точным наукам, философии, искусству и т. п. Каждая национальная женская экспозиция должна была иметь хронологический характер и демонстрировать эволюцию и прогресс женских отраслей промышленности с древнейших времен до настоящего времени [23, Р. 207]. Особое внимание организаторы просили уделить ретроспективным выставкам старинных кружев, вышивок, вееров и т. д. По решению Совета леди-менеджеров награды в виде медалей или сертификатов должны были присуждаться жюри только в знак заслуг и как признание прогресса в искусстве или ремесле [23, Р. 302].

Первоначально многие государства отнеслись к идее выставки женских работ с равнодушием. Особенно обескураживали американских леди-менеджеров сообщения из восточных стран. Комиссары выставок этих государств заявляли, что в их странах не принято, чтобы женщины принимали участие в каких-либо общественных мероприятиях, они выполняют только свои социальные обязанности [20, Р. 180]. Например, в письме правительства Туниса говорилось, что в стране не может быть создана комиссия из женщин, поскольку местные предрассудки не позволяют тунисским женщинам принимать участие в государственных делах [17].

Для организации масштабного международного представительства в отделе женского труда Поттер Палмер совершала многочисленные поездки в европейские страны, общалась с женщинами-монархами и с супругами правящих монархов, с главами государств и министрами. Другие леди-менеджеры вели разъяснительную работу в странах Южной Америки и Азии [21, Р. 363]. В результате этих

усилий приглашенные страны откликнулись на предложение Совета леди-менеджеров и создали свои дамские комитеты для подготовки национальных экспозиций женского труда.

Американская женская инициатива встретила настолько серьезную и сердечную поддержку по всему миру, что титулованные дамы зарубежных стран и даже королевских и императорских кровей не гнушались работать в своих национальных комитетах в сотрудничестве с Советом леди-менеджеров. Одной из первых о создании национального комитета под патронатом королевы Маргариты объявила Италия. Королева лично руководила его работой, а также направила на выставку в Чикаго свою бесценную коллекцию исторических кружев. Некоторые из них были извлечены из египетских и этрусских гробниц и ранее никогда не покидали пределов Италии. Этот по-королевски щедрый ответ был для леди-менеджеров вдвойне желанным. Из-за убийства 11 американцев итальянского происхождения в Новом Орлеане в 1891 году дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Италией находились в тупике. Поэтому выставка старинных кружев королевы Маргариты расценивалась американками как особый знак дружбы [17].

Активное участие в организации японской экспозиции принимали отличавшиеся либеральными взглядами императрица, вдовствующая императрица и принцесса Мори. Во Франции председательство в женском комитете приняла на себя Сесиль Карно, супруга президента Франции [17]. Её Величество Королева Сиам направил в американский Совет леди-менеджеров своего делегата с просьбой принять ее под руководство леди-менеджеров. Сиамскому делегату следовало выяснить, какие возможности в области промышленности и образования открыты для женщин в других

странах, чтобы Сиам мог принять такие же меры по улучшению положения его женщин [20, P. 180]. Бельгийскую выставку из вышивок, кружев, произведений искусства и промышленности собирала королева с придворными дамами. На выставку в Чикаго ее величество послала две акварели собственного исполнения. Её Величество Королева Англии любезно прислала на выставку свои работы с сообщением о том, что, хотя она обычно не испытывает интереса к выставкам, выражает особый знак симпатии к работе американского Совета леди-менеджеров во благо женщин всего мира [20, P. 182]. Её Величество Королева-регентша Испании направила в Чикаго бесценные реликвии бывшего правителя страны, чье имя было тесно связано с первооткрывателем американского континента. В некоторых европейских странах дамскими комитетами руководили известные общественные деятельницы. Немецкий женский комитет возглавляла Анна Шепелер-Летте – социальный реформатор, основательница ассоциации содействия занятости женщин, видная фигура в продвижении женского промышленного образования в Германии. Благодаря ее личным усилиям Берлин прислал на выставку одну из наиболее искусно созданных экспозиций. Женщины восточных стран не хотели отставать от коллег более просвещенных стран в сотрудничестве с американскими леди-менеджерами. Отметим, что это удавалось им лишь в ограниченных масштабах и во многих случаях неофициально. Американский Совет леди-менеджеров получал «самые трогательные письма из тех стран, в которых женщины только начинали понимать, что в других государствах их полу предоставляется более полное развитие и большая свобода действий» [20, P. 182]. Таким образом, американские леди-менеджеры получили сочувствие и под-

держку от женщин фактически со всех уголков мира [25, Р. 181]. В результате на выставку в Чикаго поступило в четыре-пять раз больше планируемого, что позволило леди-менеджерам выбрать самые привлекательные образцы женской работы [21, Р. 363].

В 1892 году президент Совета леди-менеджеров Поттер Палмер обратилась с открытым письмом к императрице Марии Федоровне. В послании Поттер Палмер излагалась почтительнейшая просьба о принятии Россией участия в отделе женского труда на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 г. Мария Федоровна приняла приглашение американских леди-менеджеров. Для устройства русского отдела женского труда в Чикаго с ее высочайшего соизволения был учрежден специальный дамский комитет. Председательницей комитета стала супруга действительного тайного советника В. Ф. Вышнеградская. Заведующим делами комитета был назначен действительный статский советник В. И. Тимирязев. В состав комитета вошли статс-дама княгиня Е. А. Нарышкина, вдова тайного советника княгиня В. А. Кочубей, супруга генерала от инфантерии княгиня М. В. Дурново, фрейлины императрицы княжна М. А. Шаховская и М. А. Васильчикова. Делегатом дамского комитета по устройству и заведению отделом женского труда на самой выставке в Чикаго была назначена княжна М. А. Шаховская [6, С. 57].

Члены созданного комитета имели глубокие познания и богатый опыт в области развития женской кустарной промышленности и организации кустарных отделов на международных и российских художественно-промышленных выставках. Так, служа в министерстве финансов, В. И. Тимирязев работал на Всемирной Парижской (1878) и Филадельфийской (1876) выставках в качестве русского

комиссара. В 1882 г. В. И. Тимирязев как делопроизводитель выставочной комиссии принимал участие в устройстве Всероссийской промышленной выставки 1882 года в Москве. После назначения вице-директором департамента торговли и мануфактур В. И. Тимирязев занимался подготовкой русских отделов на Антверпенской (1885) и Копенгагенской (1888) художественно-промышленных выставках [1, С. 1220]. Землевладелицы княгини Е. А. Нарышкина, В. А. Кочубей, М. В. Дурново и княжна М. А. Шаховская вели обширную деятельность по развитию в России кустарных промыслов и женского ручного труда. В сферу их инициатив входили заботы об устройстве кустарных школ и складов изделий для облегчения сбыта произведений кустарного женского труда. Деятельность подвижниц не раз обращала на себя благосклонное внимание министерства государственных имуществ и правительственных учреждений, где было сосредоточено заведение промыслами кустарного характера [7, С. 82].

Формировать коллекции для русской экспозиции помогали выдающиеся женщины, всецело посвятившие свои труды кустарному делу. Так, большой вклад в устройство отдела женского труда внесла Сычевская женская школа прядения и ткачества, основанная в Смоленской губернии княгиней М. А. Урусовой. Усилия княгини в сфере прядильно-ткацкого кустарного промысла были направлены на устройство женских школ прядения и ткачества. В основу их деятельности М. А. Урусовой было положено ознакомление местного женского населения с правильными способами подготовки льна и шерсти для прядения, с новейшими приемами прядения на улучшенных самопрялках, а также обучение ручному ткачеству [7, С. 169].

Замечательные произведения кустарной

женской работы представила великая княгиня Елизавета Федоровна, супруга московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. В Москве под ее покровительством состоял склад кустарных женских изделий. Склад, являясь как бы постоянной выставкой, оказывал посильную помощь не только ознакомлением заинтересованных лиц с кустарной промышленностью, но и содействием сбыту изделий по выгодным для кустарниц ценам, рассылал кустарницам образцы и модели для улучшения техники и формы производства [7, С. 123].

Неоценимую помощь в подготовке выставки женского труда оказала Мариинская практическая школа кружевниц Санкт-Петербурга, состоявшая под покровительством императрицы Марии Федоровны. Заведовала школой известная подвижница кружевного дела С. А. Давыдова. Практическая школа кружевниц появилась в 1883 г. и только благодаря императрице Марии Федоровне. Предложенный С. А. Давыдовой проект школы, имеющей целью улучшение кружевного промысла, не подходил по типу и задачам к существовавшим в России женским учебным заведениям. Поэтому министерства и ведомства, в ведении которых находились женские учебные заведения, не увидели возможным создать совершенно новую школу. О проекте С. А. Давыдовой императрица Мария Федоровна узнала из доклада своей фрейлины баронессы Э. Ф. Раден. Мария Федоровна с большим вниманием отнеслась к идее создания школы кружевниц и выразила желание об ее учреждении за казенный счет. По ходатайству министра финансов Н. Х. Бунге император Александр III разрешил выделить средства для содержания школы кружевниц из государственного бюджета. Учебное заведение нового типа поступило в распоряжение министерства

финансов по департаменту торговли и мануфактур [12, С. 5].

Для подготовки экспозиции женского труда дамским комитетом был задействован выставочный опыт кустарного музея при Музее прикладных знаний Санкт-Петербурга. На протяжении двух десятилетий музей принимал участие в кустарных отделах художественно-промышленных выставок в Москве и за границей [7, С. 63]. Для выставки в Чикаго музеем были предоставлены карты и таблицы, показывающие географическое распространение кустарных женских производств, а также подробные сведения о различных областях женского труда в кустарной промышленности России.

Во всех столичных и провинциальных изданиях было напечатано объявление, приглашающее желающих принять участие в предстоящей Всемирной выставке в Чикаго. Женщины всех сословий и со всех концов империи откликнулись на августейший призыв с большим энтузиазмом. «Национальная гордость была вызвана к деятельности, как в раззолоченных гостиных, в женских монастырях и учебных заведениях, так и в скромных домах по всем российским губерниям». Женщины стали готовиться к тому, чтобы показать заатлантическим друзьям, что может сделать своим искусством и трудом не только интеллигентная и образованная женщина из высшего общества, но и простая кустарница [6, С. 58].

Самые лучшие произведения женского труда были отобраны дамским комитетом на временную выставку, организованную в бывшем доме Гинцбурга на Конногвардейском бульваре Санкт-Петербурга. Предметам, отправляемым на выставку, был устроен высочайший смотр. На нем присутствовали члены дамского комитета и экспоненты, министр финансов, супруга министра императорского дво-

ра и уделов графиня Е. А. Воронцова-Дашкова с дочерьми, гофмейстера графиня А. Д. Строганова, обер-камергер Э. Д. Нарышкин, обер-церемониймейстер князь А. С. Долгорукий, гофмейстер князь И. М. Голицын, генеральный комиссар русского отдела на выставке в Чикаго П. И. Глуховской и другие приглашенные лица. Императрица Мария Федоровна прибыла на выставку в сопровождении великой княжны Ксении Александровны, великих княгинь Марии Павловны и Марии Александровны, герцогини Эдинбургской и её дочерей. Её величество с большим вниманием осмотрела все выставочные изделия и «высказала присутствующим полное удовольствие относительно высокого достоинства и интереса собранных экспонатов» [6, С. 58].

Одновременно с подготовкой экспозиции отдела женского труда императрица Мария Федоровна занималась организацией представительства на всемирной выставке ведомства учреждений императрицы Марии, во главе которого стояла с 1880 года.

Приглашение принять участие в выставке главное управление его императорского величества канцелярии по учреждениям ведомства императрицы Марии получило от министра финансов весной 1892 года. В письме министра подчеркивалось, что участие учреждений императрицы Марии в выставке представляется особенно желательным «в видах придания русскому отделу возможной полноты и разнообразия» [14, С. 3]. Когда ведомство получило приглашение участвовать в Колумбийской выставке, то некоторые были против участия. Они предполагали, что участие в выставке «может вызвать большие расходы, польза от такого участия едва ли окажется осязательной, а заведениям, имеющим большей частью благотворительный характер, собственно и вы-

ставляя нечего». Совершенно противоположных взглядов относительно «пользы, значения и осуществимости участия заведений ведомства в выставке» придерживалось высшее начальство и опекунский совет ведомства [14, С. 25]. Их взгляды получили полное одобрение императрицы Марии Федоровны. Распоряжением графа Н. А. Протасова-Бахметьева, главноуправляющего канцелярией ведомства по учреждениям императрицы Марии, при канцелярии была создана особая комиссия по участию в выставке и устройству выставочного отдела. Ведомство впервые собиралось организовать свой собственный отдел на всемирном выставочном предприятии. Для учреждений ведомства комиссия разработала подробное руководство по участию в выставке. Руководство было направлено всем заведениям с предложением сообщить, желают ли они принять участие в выставке и в чем это участие может заключаться. Большая часть учреждений решила принять участие в выставочном предприятии. Кроме того, ими было выражено желание, чтобы экспонаты после ее завершения были принесены в дар американским благотворительным, учебно-воспитательным и лечебным заведениям в знак признательности за помощь, оказанную американцами голодающим в России [14, С. 5]. Некоторые учреждения решили дать своим экспонатам адресное назначение. Так, например, Санкт-Петербургская глазная лечебница просила передать в дар Нью-Йоркской глазной больнице профессора Кнаппа статистические картограммы и разработанную в лечебнице систему измерения силы зрения. Казанский Родионовский девичий институт хотел пожертвовать православной церкви в Чикаго покрывала на аналой и плащаницу, выполненные воспитанницами заведения. В Демидовском доме призрения трудящихся в Санкт-Петербурге же-

лали изготовить особые дары для президента Соединенных Штатов и его супруги. Для президента – «полосу на камин», вышитую по старинному русскому рисунку XIII столетия золотом и серебром по красному атласу. Для г-жи Кливленд – саше для платков, на котором гладью вышита картина, изображающая встречу американского парохода «Лео» с пожертвованным хлебом в Санкт-Петербурге в 1891 году [14, С. 5].

К началу февраля 1893 г. все экспонаты, предназначенные для всемирной выставки, были собраны в залах опекунского совета для предварительного осмотра перед отправкой в США. Экспозицию посетили члены императорской фамилии, почетные опекуны, начальники, преподаватели и воспитанники заведений ведомства императрицы Марии, фотографы и журналисты, а также посторонняя публика. В центральных и петербургских печатных изданиях появились обзорные статьи о выставке с одобрительными отзывами. Выставку называли блестящей и способной вызвать глубокую признательность заатлантических друзей России. Писали, что «лучшего дара нельзя было придумать» [14, С. 8]. 25 февраля 1893 года выставку лично осмотрела императрица Мария Федоровна. В начале марта 1893 года подготовленные экспонаты были упакованы и сданы в министерство финансов для отправки в Америку.

В качестве своего делегата главное управление канцелярии по учреждениям императрицы Марии командировало в Чикаго начальницу Санкт-Петербургской Александровской женской гимназии Т. Б. Семечкину [14, С. 8]. В ее обязанности входило устройство выставочного отдела в Чикаго, заведование отделом во время выставки и участие во всемирных конгрессах. Т. Б. Семечкина была не только образованной женщиной своего времени, извест-

ным коллекционером и знатоком искусства, но и человеком с незаурядными административными способностями [11, С. 79]. Вторым официальным делегатом ведомства стал член-делопроизводитель выставочной комиссии при канцелярии ведомства О. К. Адеркас [14, С. 8]. Чиновник особых поручений при главноуправляющем канцелярией по учреждениям императрицы Марии О. К. Адеркас был постоянным участником международных конгрессов по благотворительности, народному образованию и здравоохранению. Из одних его отчетов можно было составить целое собрание сочинений [4, С. 345].

Руководство американской выставочной администрации встретило делегатов ведомства чрезвычайно доброжелательно и уважительно. К нуждам выставочного отдела американская сторона относилась с предельным вниманием [14, С. 9]. В числе экспонатов ведомства находились предметы, относящиеся к учебному, мануфактурному, гигиеническому, больничному, художественному и женскому отделам всемирной выставки. По правилам всемирной выставочной комиссии все эти экспонаты подлежали распределению по соответствующим отделам и выставочным павильонам. По ходатайству ведомства еще во время предварительных совещаний в Санкт-Петербурге американская выставочная администрация предоставила ему значительные преимущества. Было признано возможным экспонировать все предметы в одном месте – в главном выставочном мануфактурном дворце.

По информации американской выставочной администрации, мануфактурное здание было в три раза больше собора св. Петра в Риме и в четыре раза больше римского Колизея, который вмещал 80 000 зрителей. Об экспозиции этого самого величественного выста-

вочного здания писали, что уже только к этому отделу уместно было применить термин «всемирная выставка», поскольку здесь были представлены свидетельства прогресса человечества во всех частях обитаемого земного шара. Наука, искусство и промышленность имели здесь свои собственные отделы. Здесь были представлены лучшие продукты эпохи и изобретения в области электричества и пара, навигации, транспорта, культуры, строительства, предметы первой необходимости и предметы роскоши со всего мира. Здание мануфактур и свободных искусств давало представление о результатах достижений человека во всех областях интеллектуального развития и совершенствования. Один только отдел искусств занимал такое огромное пространство, что стало возможным в полной мере представить всё, что входит в образовательные системы практически всех стран цивилизованного мира [23, Р. 312]. Отметим, что ни по пространству, ни по количеству экспонентов, числу государств-участников и размерам этого участия, ни по расходам на устройство и качеству этого устройства, ни по числу посетителей в 27 миллионов [что составляло примерно 40 % населения США в 1893 года], ни по достигнутым результатам все предыдущие всемирные выставки были не сопоставимы с Колумбийской выставкой 1893 года [21, Р. 362].

В русском представительстве в Чикаго отдел ведомства императрицы Марии был одним из самых обширных. Согласно эскизному проекту, составленному главным управлением канцелярии ведомства, архитектурно-художественное оформление экспозиции ведомства должно было отражать национальное величие империи и подчеркивать государственный характер ведомства. Согласно эскизу, наружный фасад выставки был обтянут материей голубого цвета – цвета ведомства

императрицы Марии. В середине фасада был устроен балдахин, под которым размещались бюсты императора Александра III, императрицы Марии Федоровны и основательницы заведений ведомства – императрицы Марии Федоровны, супруги императора Павла I. Балдахин был украшен роскошной белой с золотыми орлами материей, российскими императорскими гербами, государственными флагами и вывесками. Над входами в отдел помещались вывески на русском и английском языках с эмблемами ведомства, изображающими пеликана, кормящего своих птенцов собственной кровью, и освещенный солнцем виноград. Боковые стены были украшены гербами Санкт-Петербурга, Москвы и других российских городов, где располагались главнейшие учреждения ведомства [14, С. 18].

По замыслу организаторов выставки ее идейное содержание должно было максимально раскрывать общегосударственное значение благотворительной и учебно-воспитательной деятельности ведомства в масштабах всей России, роль августейшего покровительства, непосредственного руководства и личного участия императора и императрицы в делах призрения и благотворительности. Выставка должна была «доказать не только русским, но и американцам и другим иностранным посетителям «то неусыпное попечение и ту истинную родительскую любовь, с которой царь и царица постоянно заботятся о воспитании юношества и призрении всех нуждающихся в помощи» [14, С. 26].

Выполняя намеченные задачи, выставка представляла обширные репрезентативные коллекции благотворительных, учебно-воспитательных и лечебных заведений ведомства. Здесь демонстрировались статистические и исторические материалы, методы, виды и размеры учебно-воспитательной и благотво-

нительной работы, картограммы и таблицы, фотографии, планы, модели зданий больниц и лазаретов, приютов для детей, учебных заведений, образцы мебели и одежды воспитанников, женские рукоделия, роскошно составленные альбомы с наглядными учебными программами преподавания рисования, рукоделия и т. д. Многие заведения экспонировали свои отчеты о деятельности. Тут же были выставлены хроника ведомства учреждений императрицы Марии и биография его основательницы – императрицы Марии Федоровны, изданная Е. С. Шумигорским. Для раздачи посетителям большим тиражом были напечатаны книги и брошюры на английском и французском языках об истории ведомства учреждений императрицы Марии, о деятельности попечительства императрицы Марии Александровны о слепых, Александровского института, Гатчинского Николаевского института, Санкт-Петербургского коммерческого училища, Московского воспитательного дома, Тверского и Керченского детских приютов, Императорского женского патриотического общества, состоявшего под покровительством и руководством великой княгини Екатерины Михайловны, и др. [14, С. 8].

Экспозиция ведомства пользовалась большим успехом у посетителей всемирной выставки и привлекала внимание представителей отечественной и иностранной прессы. На страницах газет и журналов, в выставочных путеводителях и каталогах помещались сообщения, статьи и подробные отчеты о наиболее интересных коллекциях и отдельных экспонатах выставки, описания церемонии освящения и открытия экспозиции, материалы об учреждениях ведомства и их деятельности, фотографии и рисунки видов выставочного павильона.

В официальном каталоге выставки «Official Directory of the World's Columbian Exposition»

указывалось, что на выставке Россия демонстрирует прекрасные результаты. Здесь представлена полная экспозиция школ империи, а также образцы золотого и серебряного шитья [22, Р. 132]. В журнале «Всемирная иллюстрация» были помещены прекрасные рисунки работ воспитанниц школы патриотического общества, рукоделий воспитанниц Александринского сиротского дома. Здесь же содержалось подробное описание выставки. Издание писало, что отдел ведомства учреждений императрицы Марии составляет на выставке одну из самых значительных частей русского отдела. Посетители могли полюбоваться поистине превосходными работами питомцев учебных и благотворительных заведений ведомства [14, С. 46].

Множество материалов печатали о Санкт-Петербургском, Московском, Казанском, Керченском, Киевском, Нижегородском, Тамбовском, Варшавском и Белостокском женских институтах. В отечественных и зарубежных изданиях описывали их большие уникальные коллекции рукоделий, учебных пособий, моделей, изображающих костюмы воспитанниц, классные столы, образцы употребляемых в институтах материй, кроватей с принадлежностями и т. д. Американское издание «The Mentor» сообщало, что интерес посетителей вызывала коллекция рисунков воспитанниц, которые ранее были удостоены медалями императорской Академии художеств. Особенно американцев восхищали результаты преподавания рисования в Казанском институте. Писали, что его воспитанницы превосходно исполняли рисование с натуры внутренних помещений зданий с трудной и сложной перспективой, рисование с бронзовых, гипсовых и деревянных моделей. Обозревателями отмечался высокий художественный уровень рисунков на атласе и фарфоре, живописи масляными красками воспитанниц Киевского института [14, С. 51].

Издание «The World's Columbian exposition» рассказывало, что «особое удивление американцев вызывает полнота и разнообразие выставки попечительства императрицы Марии Александровны о слепых и его заведений». Экспонируемые здесь русские выпуклые книги, карты и городские планы для слепых признавались превосходными. По планам нового здания Санкт-Петербургского училища для слепых специалисты, посетившие экспозицию, посчитали эту постройку одним из наиболее целесообразно устроенных зданий для слепых. С большим вниманием на выставке рассматривались «статистические картограммы о числе и распределении слепых в России» [14, С. 55]. В газете «Chicago Herald» говорилось об особом интересе иностранцев к воспитательным домам. По устройству и размерам они выделялись из всех существующих подобных учреждений в других странах. Из больничных учреждений, сообщало издание, наибольший интерес вызывали Санкт-Петербургская глазная лечебница, детская больница принца Ольденбургского и родовспомогательные заведения Санкт-Петербурга и Москвы [14, С. 56]. Выставочный каталог «The World's Columbian exposition» сделал обстоятельный обзор «одного из наиболее интересных экспонатов выставки – большой коллекции из 1000 фотографий со всех заведений ведомства, в том числе из богаделен, вдовьих домов, больниц, приютов и т. д.». По мнению издания, эти фотографии, вывешенные в изящных рамках, выставленные в альбомах и папках, «дают более или менее полную картину внутренней жизни ведомства» [14, С. 59].

Материалы американской печати содержали благожелательные оценки личного вклада императора и императрицы в устройство русской экспозиции на всемирном смотре в Чикаго. Газета «Chicago Herald» писала, что «рус-

ские правительственные учебные заведения принадлежат к наиболее богато обставленным и обширным». Отмечалось, что в выставочном отделе этих заведений более всего видно личное участие, с которым русский царь и царица относятся к Всемирной выставке в Чикаго. По мнению издания, выставка «смело выдерживала сравнение с соответствующей экспозицией любого другого государства, во всех отношениях она была гораздо интереснее и полнее, чем все, что было представлено когда-либо». В «The World's Columbian exposition» отмечалось, что «в отделе свободных искусств русские устроили прекрасную выставку. В педагогическом отделе у них имеется весьма полная выставка главнейших правительственных учебных заведений империи». В издании сообщалось, что «с соизволения их императорских величеств на выставку командированы особые делегаты, которым поручено заведование обширным выставочным отделом всех заведений, находящимся под непосредственным покровительством императрицы» [14, С. 43].

Многочисленные публикации российской и американской прессы выражали явно дружелюбный настрой американской публики к экспозиции ведомства и в целом к благотворительной и учебно-воспитательной деятельности под покровительством императора и императрицы. Корреспондентом под псевдонимом «Е. Р.» подчеркивалось, что «устройство отдела ведомства учреждений императрицы Марии на чикагской выставке – дело полезное и патриотическое. Подобная выставка может более содействовать усилению симпатий американцев к России и ознакомлению их с ее внутренней жизнью, нежели какие бы то ни было книги и описания, для чтения которых у американцев нет ни охоты, ни времени» [14, С. 47]. В американском выставочном издании «Authentic Guide

to Chicago and World's Columbian Exposition» отмечали, что одно из ведущих ведомств России «представлено с величием империи» [18, P. 312].

В публикациях «The World's Columbian exposition» сообщалось, что «с особым удовольствием американцы останавливаются у витрины Демидовского дома. Здесь, прежде всего, им приятно видеть вещи, предназначенные, как видно из напечатанных на шелковых лентах надписей, в дар президенту Северо-Американских Штатов г-ну Кливленду и его супруге». Русские подарки американцы называли «чрезвычайно эффектными, роскошными и ценными» [14, С. 47]. Наиболее полной картиной постановки рукодельной части в заведениях ведомства издание «The World's Columbian exposition» называло экспозицию школ патриотического общества, находящихся под покровительством и личным руководством великой княгини Екатерины Михайловны. Как наиболее замечательную издание выделяло «коллекцию из 25 платков, поднесенных школами императрице Марии Федоровне в честь 25-летия бракосочетания их императорских величеств». Обозреватели сообщали, что платки эти изготовлены с большим искусством и ценились очень дорого. Каждый платок вышит в особом стиле, но все исполнены одинаково безукоризненно. На выставку эти платки присланы лично императрицей Марией Федоровной. Вместе с платками была прислана большая коллекция фотографий этих платков, которая останется в Америке [14, С. 49]. В газете «The Chicago Tribune» описывалась «прекрасная витрина женских рукоделий воспитанниц московских женских заведений: Николаевского сиротского института, Мариинского училища и Александро-Мариинского попечительства о бедных». Особенно замечательны, сообщила газета, две подушки с рисунками на

атласе, выполненные воспитанницами Мариинского училища для великой княгини Елизаветы Федоровны и присланные ее высочеством на выставку. По мнению посетителей, лучшие работы из Санкт-Петербургских приютов прислали приюты великих княгинь Александры Николаевны и Ольги Николаевны [14, С. 53].

Большое количество печатных страниц посвящалось восторженным отзывам американцев о подарках учреждений императрицы Марии, присланных их стране. В «The World's Columbian exposition» говорилось, что большинство экспонатов ведомства приносятся в дар Америке. Здесь же приводилось подробное описание экспонатов, предназначенных для пожертвований. Особое внимание уделялось произведениям рукодельного труда Демидовского дома призрения трудящихся Санкт-Петербурга. В их числе указывалась вышитая картина, изображающая встречу американского парохода «Лео» с пожертвованным хлебом. При этом издание акцентировало, что «мысль эта заслуживает не менее внимания, чем художественная ценность и роскошь этого подарка» [14, С. 44]. Газета «The Chicago Tribune» сообщала американским читателям, что «в знак памяти и признательности за содействие, оказанное нашим правительством русскому народу во время неурожая 1891 года, воспитанницы одного из учреждений Санкт-Петербурга вышили золотом рисунок женского головного убора под названием «сорока», его носили русские женщины во Владимире в XIII столетии. Русские прислали эту вышивку в дар президенту Кливленду. Для г-жи Кливленд воспитанницы искусно вышили саше для платков. Русская комиссия намерена принести большую часть экспонатов этого отдела в дар Америке» [14, С. 45]. Американский выставочный путеводи-

тель «Authentic Guide to Chicago and World's Columbian Exposition» приводил мельчайшие подробности о «множестве ценных коллекций учебных и благотворительных учреждений, находящихся под покровительством императора, которые будут распределены между подобными учреждениями США». В знак благодарности, писало издание, специально для президента Кливленда изготовили каминный орнамент из темно-красного шелка, вышитый золотыми и серебряными нитями. Среди подарков, предназначенных для президента и его супруги, продолжали обозреватели, есть красивая вышивка, изображающая прибытие в российские порты американских кораблей, груженых зерном [18, Р. 248].

Благоприятные отзывы американцев о выставке ведомства, о сложившейся под покровительством российской монархии системе общественного признания и благотворительности были обобщены в большой статье июльского номера главного американского иллюстрированного выставочного каталога «The World's Columbian exposition illustrated». Здесь отмечалось, что «с высочайшего соизволения их императорских величеств русского царя и царицы учебно-воспитательные и благотворительные заведения ведомства учреждений императрицы Марии, находящиеся под покровительством их величеств, устроили большую выставку в русском отделе свободных искусств». Выставочный отдел этих учреждений составлял одно из наиболее интересных отделений русской выставки. Издание писало, что «множество и разнообразие учебно-воспитательных и благотворительных заведений ведомства, результаты преподавания в учебных заведениях должны удивить всех посетителей выставки, которые, быть может, предполагают, что Россия отстала от педагогики и филантропии». Особо акцентировалось,

что ведомство учреждений императрицы Марии «имеет счастье состоять под всемилостивейшим покровительством их императорских величеств, государя императора Александра III и государыни императрицы Марии Федоровны. Ведомство строго следует направлению, которое было дано заведениям их учредительницами, императрицами Екатериной II и Марией Федоровной, супругой императора Павла I». По оценке издания, «настоящая выставка доказывает, что ведомство под руководством их величеств употребляет все средства для удовлетворения наиболее настоятельных потребностей русского народа» [14, С. 43].

Помимо устройства и заведования выставкой, делегаты ведомства императрицы Марии считали своей обязанностью ознакомление американского общества с деятельностью заведений ведомства. Помимо этого, в их задачи входило информирование американцев о том, что экспонаты выставки являются подарками заведений императрицы Марии и будут переданы на память и в знак благодарности американским учреждениям. Следуя этим задачам, делегаты выступали с докладами о деятельности ведомства на выставочных и общественных мероприятиях, принимали участие в научных поездках по Соединенным Штатам, организованных американской стороной. Задачам делегатов ведомства отвечало участие во всемирных конгрессах, атмосфера которых имела большое значение для укрепления международных связей [4, С. 364].

Главной идеей конгрессов в Чикаго было завершить празднование материального прогресса демонстрацией интеллектуальных достижений нового века в науке, литературе, образовании, благотворительности, морали, религии и других сферах человеческой деятельности как наиболее эффективного средства укрепления братства, прогресса, процве-

тания мира и человечества. Девизом для конгрессов были выбраны слова «Не вещи, а люди». По идеологии организаторов конгрессы должны были принять форму встреч великих людей мира для свободного обсуждения предлагаемых проблем. Обмен мнениями мастеров мысли представлял бы огромный интерес для тысяч людей, которые, услышав их размышления, вдохновились бы их примером. Среди важных тем на всемирных конгрессах в Чикаго рассматривались основы братского союза в языке, литературе, домашней жизни, религии, науке, искусстве и гражданских институтах различных народов и наций, системы образования, их преимущества и недостатки и пр. [26, Р. 620].

Для ведомства императрицы Марии особый интерес представляли педагогический и филантропический конгрессы. По распоряжению главного управления канцелярии по учреждениям ведомства делегатами на всемирные конгрессы были назначены Т. Б. Семечкина и О. К. Адеркас. В программу педагогического конгресса входили вопросы, касающиеся высшего, среднего и начального образования, а также технического и ремесленного обучения слепых и глухонемых, ручного труда, подготовки учителей, преподавания различных предметов, издания педагогических журналов и пр. [14, С. 37]. На этом конгрессе Т. Б. Семечкина выступила с обстоятельным докладом «О ведомстве учреждений императрицы Марии». В конгрессе по вопросам благотворительности, исправления и филантропии принял участие делегат ведомства О. К. Адеркас. Программа филантропического конгресса была чрезвычайно обширной и насыщенной. В его рамках состоялось 14 общих заседаний. Для предварительных детальных обсуждений наиболее важных вопросов и подготовки материалов для общих собраний делегаты работали в семи

специально образованных отделениях. Основными предметами работы делегатов были вопросы по призрению бедных в больших городах, об организации благотворительных учреждений в государствах, городах и вне городов, о взаимопомощи частной и общественной благотворительности, о законодательстве по призрению бедных, об организации воспитательных домов, уходе за больными, о подготовке фельдшеров и сестер милосердия и т. д. [14, С. 35]. Тема доклада О. К. Адеркаса была посвящена историческому развитию и организации благотворительности как вообще в России, так и в ведомстве императрицы Марии, наиболее выдающемся и обширном филантропическом учреждении России. Завершая свое выступление, О. К. Адеркас сказал, что «дружеское участие американского народа в оказании помощи пострадавшим в России от неурожая не может быть забыто русским народом», и от имени благотворительных и учебных заведений ведомства выразил американскому народу благодарность [14, С. 34]. Филантропическим конгрессом, а впоследствии и американской печатью и местным сообществом речь О. К. Адеркаса была встречена «с большим одобрением и искренней признательностью» [14, С. 34].

Большой успех на всемирной выставке продемонстрировал русский отдел женского прогресса и труда. Для экспозиции отдела в здании для женщин было выделено относительно небольшое пространство. Тем не менее выставка давала самое полное представление о вкладе российских женщин в промышленность, науку и искусство. Первые статьи, свидетельствующие о восхищении русской коллекцией женского труда, появились в американской прессе уже на следующий день после открытия выставки. По оценке делегата министерства просвещения Франции мадам

Ламперьер, напечатанной в «Nouvelle Revue», русская коллекция отличалась большим изяществом, разнообразием и высоким художественным исполнением [6, С. 59].

Впечатляющей и интересной особенностью выставки были искусно изготовленные манекены, с исторической точностью демонстрирующие национальные костюмы российских народностей и одежды всех сословий со времен ранних царствований до современных дней [18, Р. 215]. Большой интерес специалистов по этнографической части и знатоков искусства вызывали блестящие коллекции старинных вышивок, кружев, головных уборов, украшений, домашней утвари Н. Л. Шабельской. Н. Л. Шабельская считалась обладательницей больших археологических познаний и состояла действительным членом Российского исторического музея [6, С. 60]. Особое внимание посетителей привлекали коллекции, собранные великой княгиней Елизаветой Федоровной в московских женских монастырях. Богатые витрины с придворными русскими сарафанами и шлейфами, шитьем золотом и серебром по узорам, хранящимся в Оружейной палате в Москве, иконами золотошвейной работы поражали американцев великолепием, богатством материала и искусным исполнением [22, Р. 5].

Украшением выставки женского отдела был искусно задрапированный портрет августейшей покровительницы дамского комитета императрицы Марии Федоровны. В акварельной технике его исполнила дочь знаменитого художника Ивана Крамского. Жемчужиной экспозиции посетители называли кружево работы воспитанниц Мариинской практической школы кружевниц, состоящей под покровительством императрицы Марии Федоровны. Кружевные изделия выделялись своим богатством и неподражаемой художественностью исполне-

ния. Они были выполнены по старинным узорам, вышиты золотыми и серебряными нитями и частью жемчугом. Кружево составляло собственность ее императорского величества и по ее желанию было представлено на выставку, печатали в американских каталогах и путеводителях [6, С. 60].

Предметом всеобщего внимания были уникальные коллекции княгини А. Н. Нарышкиной, внесшей неоценимый вклад в становление и развитие кустарного женского производства России. В выставочных изданиях отмечались коллекции предметов старины княгини В. А. Кочубей, имеющие высокое художественное и археологическое значение [6, С. 60]. Одним из привлекательнейших экспонатов выставки, по мнению печати, была коллекция талантливой художницы Е. М. Бем. Никого не оставляли равнодушным ее изящные карточки с виньетками в русском стиле, силуэты и акварели с дамскими головками, расписанные цветными эмалями стеклянные изделия, художественные альбомы. Художественный критик и историк искусств В. В. Стасов называл «достойной представительницей русского женского труда на всемирной выставке» Т. Б. Семечкину. В женском отделе был выставлен сделанный ею «оригинальный русский шкаф с портретами великого Льва Толстого, предназначенный для хранения его сочинений» [11, С. 79]. Толстой тогда безраздельно владел умами американцев. Он был модной темой для литературных салонов и обществ, его переводили и цитировали [9, С. 306]. Многих приводили в изумление пуховые платки, замечательные по мягкости и изяществу рисунка. Для выставки их изготовили казачки и крестьянки Пензенской, Оренбургской, Нижегородской, Казанской и Тамбовской губерний [6, С. 61].

Сообщения в печати свидетельствовали,

что русская выставка женского труда была усердно посещаемой. «Давка и теснота здесь были постоянными». Заведующая выставкой княжна М. А. Шаховская и ее помощницы Е. И. Гольденгаген и А. Л. Корвин-Погосская едва успевали давать исчерпывающие ответы на многочисленные вопросы посетителей [6, С. 63]. Их объяснения касались не только отдельных коллекций и экспонатов. Глубокие познания в сфере кустарной женской промышленности позволяли им с успехом выполнять важную задачу по представлению наглядной картины женского труда в России во всех отраслях его применения. В дальнейшем компетентность М. А. Шаховской, Е. И. Гольденгаген и А. Л. Корвин-Погосской как экспертов по отделу женского труда заслужила глубочайшее уважение выставочной американской администрации [6, С. 116].

С достоинством княжна М. А. Шаховская представляла своих соотечественниц на заседаниях американского дамского комитета Совета леди-менеджеров. На первом же заседании комитета под председательством Поттер Палмер, в день открытия всемирной выставки, ее выступление вызвало неподдельный интерес и восторженные аплодисменты многочисленной публики [23, Р. 258]. М. А. Шаховская рассказала о достижениях женщин-землеуладельцев в развитии кустарной женской промышленности, уделив внимание важной стороне этой деятельности – найти выгодную работу для крестьянских женщин. Особое внимание в выступлении было уделено вопросам доступности высшего образования для женщин России. М. А. Шаховская сообщила, что высшее образование для российских женщин стало доступным с 1872 года. Здесь княжна привела пример выполнения более 700 женщинами-врачами важной и благородной миссии по всей России. «Вы знаете, – об-

ратилась М. А. Шаховская к аудитории, – что 15 000 000 мусульман составляют восточную часть нашего населения. 7 500 000 мусульманок полностью зависят от принадлежности к женскому полу при получении медицинской помощи. Не имея права посещать врачей мужского пола, вы поймете, каким благом является женщина-врач в нашей стране». В завершение речи М. А. Шаховская передала желание женщин России «хотя бы мысленно пожать руки своим американским сестрам», что вызвало бурные аплодисменты в зале. «Княжне пришлось снова и снова вставать, и кланяться в ответ благодарной и сердечной аудитории» [21, С. 184]. На следующем заседании дамского комитета княжна М. А. Шаховская представила доклад о выдающихся женщинах России – от княгини Ольги до Софьи Ковалевской [17, С. 283].

Важным для русского представительства было участие делегатов женского отдела во всемирном конгрессе женского труда и прогресса. Из всех конгрессов всемирной выставки женский конгресс был самым посещаемым. За время работы конгресса его заседания посетили 150 000 человек. Три раза в день в течение недели женщины собирались в институте искусств Чикаго и обменивались идеями относительно социальных, экономических и политических проблем человечества и всего, что относится к созданию лучшего будущего для всего мира [20, Р. 592]. Присутствовавшие на конгрессе услышали выступления почти 500 женщин из 27 стран мира. Среди присутствующих были представители научного мира, дамы-делегаты, делегаты и комиссары выставок иностранных государств. В работе женского конгресса принимали участие княжна М. А. Шаховская и представительница ведомства учреждений императрицы Марии Т. Б. Семечкина [6, С. 127]. Княжна М. А. Ша-

ховская выступила с докладом под названием «Справедливость и свобода для всех гораздо желаннее, чем пьедесталы для немногих». Данная тема выступления была ей предложена организаторами конгресса. В докладе княжны говорилось о «свободе и справедливости как о единственных условиях совершенствования человека» [24, Р. 569].

Экспертиза экспонатов ведомства императрицы Марии и отдела женского труда, да и всего русского представительства, показала на всемирной выставке самые благоприятные результаты. По мнению американских экспертов, русские экспозиции «превосходно раскрыли изумительное национальное могущество России». Выставленные произведения свидетельствовали «о поразительном изяществе национального вкуса, а представители страны являли поразительное величие своей нации» [6, С. 124].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Широкое участие русских произведений на выставке, работа делегатов различных министерств и ведомств в национальных экспозициях и выставочных мероприятиях позволили американцам глубже изучить плодотворные успехи и достижения современной России, познать русскую нацию и саму Россию [6, С. 126]. Взгляд американских экспертов на выставочные образцы русской жизни характерно отразился в выступлении министра народного просвещения штата Арканзас Джосайи Шинна. В его речи подчеркивалось, что «особое внимание его величества императора Александра III к участию России во всемирной выставке стало залогом успешности русской экспозиции во всех ее мельчайших частях». Министр просвещения был уверен, что «плохое правительство не в состоянии от себя прислать такое значительное количество выдаю-

щихся произведений, интеллигентных и образованных представителей различных общественных сословий». По его мнению, государственное правление абсолютное по форме на примере царственно-патрулируемых учреждений обнаруживает управление, основанное на интеллигентности, гуманности и любви. Одним из главных аргументов подобных взглядов была система учреждений ведомства императрицы Марии [6, С. 126].

Безграничные признательность и благодарность за внимание к женской экспозиции выражала ее величеству императрице Марии Федоровне президент американского Совета леди-менеджеров Поттер Палмер. На женском конгрессе и открытых заседаниях Совета леди-менеджеров Поттер Палмер не раз заявляла, что «российская императрица, ставшая в своей стране покровительницей и лидером женского движения, известна своим прогрессивным духом, который проявляется в содействии благосостоянию женщин, находящихся под ее добрым правлением» [17].

В знак почтительной признательности за внимание, оказанное императором Александром III всемирной выставке, единогласным решением американского наградного комитета его величеству был назначен почетный диплом. В дипломе выражались глубокая благодарность и почтительнейшее уважение за правильную оценку его величеством значения Всемирной Колумбийской выставки как самого широкого поля для достижения просветительных целей, за энергичное принятие мудрейших мер по выставке настолько, насколько того заслуживали интересы его величественной империи, за чудеса в области внутренних улучшений на пространстве всей империи, о чем свидетельствует масса печатных и иллюстрированных трудов [6, С. 127].

Широкое участие и признанный успех

представительства учреждений ведомства императрицы Марии и отдела женского труда на Всемирной выставке в Чикаго дают основания рассматривать его не только как знак выражения благодарности за пожертвованный хлеб по случаю неурожая, но и, самое главное, как идеологический ответ американским критикам политического режима России. Выставки учреждений ведомства императрицы Марии и женского труда выполнили свою идеологическую задачу, став мощным инструментом влияния на американское общественное мнение, агентом распространения информации, опровергающей представления об отсталости России и деспотизме самодержавной власти, сложившиеся в Соединенных Штатах под воздействием «движения за свободную Россию» и кампании Джорджа Кеннана. Благодаря продуманному содержанию экспозиций, активному участию российских делегатов в общественных и научных мероприятиях всемирной выставки американцам был показан огромный шаг вперед дружественной Соединенным Штатам далекой страны.

Библиография / References:

1. Альманах современных русских государственных деятелей. – СПб.: Типография Исидора Гольдберга, 1897. – С. 1219–1220.
2. Ашихмина Е.Н., Ливцов В.А. Орёл – Орловское полесье (путеводитель по экскурсионному маршруту). Орёл, 2007.
3. Белинская Н.И. Выставки продукции французской промышленности – предшественники всемирных выставок. Образование и культурное пространство // Орловский государственный институт культуры. – 2021. – №4. – С.124 – 141.
4. Болховитинов Н.Н. К истории установления дипломатических отношений между Россией и США (1808-1809 гг.) // Новая и новейшая история. – 1959. – № 2. – С. 151–162.
5. Булгакова Л.А. Участие России в международных конгрессах по призрению и благотворительности. Благотворительность в истории России. Новые документы и исследования. – СПб.: Нестор – История, 2008. – С.343–368.
6. Всемирная Колумбова выставка 1893 года в Чикаго. Русский отдел. Указатель Русского отдела. – СПб.: Комиссия по участию России во всемирной выставке 1893 года в Чикаго, 1893. – XII. – 578с.
7. Отчет генерального комиссара Русского отдела Всемирной Колумбовой выставки в Чикаго камергера Высочайшего двора П.И.Глуховского г. министру финансов, тайному советнику С.Ю. Витте. – СПб.: Издание члена Совета министра финансов, камергера Высочайшего двора П.И. Глуховского, 1895. – 210 с.
8. Голицын Ф.С. Кустарное дело в России. Исторический ход развития кустарного дела в России. Деятельность правительств, земств и частных лиц. – Т.1. – СПб.: Типография В.Ф. Киршбаумана, 1904. – 268с.
9. Данильченко. В.И. Значение выставочной деятельности для мировой экономики середины XIX – начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 2 (Том 4). – С. 37–43.
10. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы, 1881 – 1914. – М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2012. – 1140с.
11. Иноземцева И.Е. Всемирные выставки, их роль и значение. Аналитика культурологии. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. – 2009. – № 1(13). – С. 125–129.
12. Киселева Т., Мужельская Л., Шевырева Л. Уголок А.С. Пушкина в Саратове. Фундаментальная электронная библиотека «Русская ли-

- тература и фольклор» [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v67/v67-079-.htm>. – С.79 (дата обращения 06.05.2022).
13. Краткий очерк деятельности, состоящей под августейшим покровительством Ее Императорского величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Мариинской практической школы кружевниц 1883–1913гг. – СПб.: Типография В.О. Киршбаума, 1913. – 44с.
14. Лазновская Г.Ю. Всемирные парижские выставки 1889 и 1900гг.: впечатления и комментарии российских представителей культуры // Омский научный вестник. – 2008. – №5(72). – С.38–42.
15. Отдел Ведомства учреждений императрицы Марии на всемирной Колумбовой выставке 1893г. в Чикаго. Извлечение из отчета, представленного командированным в Америку делегатом Ведомства О.К. Адеркасом. – СПб., 1894. – 68с.
16. Положение о Русском отделе: Распределение допускаемых на Выставку предметов и другие постановления, касающиеся участия русских экспонентов в этой Выставке: [Утв. г. министром финансов 11 янв. 1892 г.] / Всемир. Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго (Соед. Шт. Сев. Ам.). – СПб: Типография братьев Пантелеевых, 1892. – 32с.
17. Соколов А.С. Россия на всемирной выставке в США в 1893 году // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В.Б. Бобкова. – 1997. – №2(4). – С.207–220.
18. Art and Handicraft in the Woman's Building of the World's Columbian Exposition, Chicago, 1893. Edited by Maud Howe Elliott, 1854-1948. – Chicago and New York: Rand, McNally & Company, 1894. [Электронный ресурс]. – URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/elliott/art/art.html> (дата обращения 22.07.2022).
19. Authentic Guide to Chicago and World's Columbian Exposition. Merchants' World's Fair' Bureau of Information Company. – Chicago, 1893. – 216p.
20. Harper's Chicago and the World's Fair; The Chapters on the Exposition Being Collated from Official Sources and Approved by the Department of Publicity and Promotion of the World's Columbian Exposition. – New York. Harper & Brothers Publishers, 1893. – 546p.
21. History of the World's Fair. Being A Complete and Authentic Description of the Columbian Exposition from Its Inception. – Chicago, 1893. – 610p.
22. James V. Strueber, Johanna Hays. The Invisible Triumph: The Woman's Building of the World's Columbian Exposition, Chicago, 1893. Encounters/ Encuentros/ Recontres. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.acsa-arch.org/proceedings/International%20Proceedings/ACSA.Intl.2005/ACSA.Intl.2005.44.pdf> (дата обращения 22.07.2022).
23. Official Catalogue Part XIV. Woman's Building. – Chicago: W. B. Conkey Company, Publishers to the World's Columbian Exposition, 1893. – 141p.
24. Picturesque Chicago and Guide to the World's Fair. – Hartford: D.S. Moseley, 1893. – 334p.
25. The Congress of Women. World's Columbian Exposition. – Chicago, U.S.A., 1893. – 824 p.
26. The World's Columbian Exposition. – Chicago: W.B. Conkey Company, Publishers to the World's Columbian Exposition, 1893. – 1120 p.
27. Trumbull White. World's Columbian Exposition. – Chicago, 1893. – 628 p.
1. Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyatel'ey [Almanac of modern Russian statesmen]. – SPb.: Tipografiya Isidora Gol'dberga, 1897. – S.1219–1220. (In Russ.).
2. Ashikhmina Ye.N., Livtsov V.A. (2007) Orel

- Orlovskoye poles'ye [Orel – Orel Polesye] / putevoditel' po ekskursionnomu marshrutu / Orel. (In Russ.).
3. Belinskaya N.I. (2021) Vystavki produktsii frantsuzskoy promyshlennosti – predshestvenniki vsemirnykh vystavok. Obrazovaniye i kul'turnoye prostranstvo [Exhibitions of products of the French industry - the forerunners of world exhibitions. Education and cultural space] // Orlovskiy gosudarstvennyy institut kul'tury. – №4. – S.124 – 141. (In Russ.).
4. Bolkhovitinov N.N. (1959) K istorii ustanovleniya diplomaticheskikh otnosheniy mezhdu Rossiyey i SSHA (1808-1809 gg.) [On the history of the establishment of diplomatic relations between Russia and the USA (1808-1809)] // Novaya i noveyshaya istoriya. – № 2. – S.151–162. (In Russ.).
5. Bulgakova L.A. (2008) Uchastiye Rossii v mezhdunarodnykh kongressakh po prizreniyu i blagotvoritel'nosti. Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii. Novyye dokumenty i issledovaniya [Participation of Russia in international congresses on charity and charity. Charity in the history of Russia. New documents and research]. – SPb.: Nestor – Istoriya. – S.343–368. (In Russ.).
6. Vsemirnaya Kolumbova vystavka 1893 goda v Chikago. Russkiy otdel. Ukazatel' Russkogo otdela [The World's Columbian Exposition of 1893 in Chicago. Russian department. Index of the Russian department]. – SPb.: Komissiya po uchastiyu Rossii vo vsemirnoy vystavke 1893 goda v Chikago, 1893. – XII. – 578s. (In Russ.).
7. Otchet general'nogo komissara Russkogo otdela Vsemirnoy Kolumbovoy vystavki v Chikago kamergera Vysochayshego dvora P.I. Glukhovskogo g. ministru finansov, taynomu sovetniku S.YU. Vitte [Report of the General Commissioner of the Russian Department of the World Columbian Exhibition in Chicago, Chamberlain of the Imperial Court P.I. Glukhovsky to the Minister of Finance, Privy Councilor S.Yu. Witte]. – SPb.: Izdaniye chlena Soveta ministra finansov, kamergera Vysochayshego dvora P.I. Glukhovskogo, 1895. – 210 s. (In Russ.).
8. Golitsyn F.S. (1904) Kustarnoye delo v Rossii. Istoricheskiy khod razvitiya kustarnogo dela v Rossii. Deyatel'nost' pravitel'stv, zemstv i chastnykh lits. – T.1. [Handicraft in Russia. The historical course of the development of handicraft in Russia. Activities of governments, zemstvos and individuals]. – SPb.: Tipografiya. V.F. Kirshbaumana. – 268s. (In Russ.).
9. Daniil'chenko. V.I. (2012) Znachenie vystavochnoy deyatel'nosti dlya mirovoy ekonomiki serediny XIX – nachala KHKH v. [Significance of exhibition activities for the world economy in the mid-19th - early 20th centuries] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. – № 2 (Tom 4). – S. 37–43. (In Russ.).
10. Zhuravleva V.I. (2012) Ponimaniye Rossii v SSHA: obrazy i mify, 1881–1914 [Understanding Russia in the USA: Images and Myths, 1881–1914]. – M.: Izdatel'skiy tsentr Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2012. – 1140s. (In Russ.).
11. Inozemtseva I.Ye. Vsemirnyye vystavki, ikh rol' i znachenie. Analitika kul'turologii [World exhibitions, their role and significance. Analytics of cultural studies]. – Tambov: Tambovskiy gosudarstvennyy universitet imeni G.R. Der-zhavina. – № 1(13). – S.125–129. (In Russ.).
12. Kiseleva T., Muzhel'skaya L., Shevyreva L. Ugolok A.S. Pushkina v Saratove. Fundamental'naya elektronnyaya biblioteka «Russkaya literatura i fol'klor» [Corner A.S. Pushkin in Saratov. Fundamental electronic library «Russian literature and folklore»]. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/v67/v67-079-.htm>. –

- S.79. (data obrashcheniya 06.05.2022). (In Russ.).
13. Kratkiy ocherk deyatel'nosti, sostoyashchey pod avgusteyskim pokrovitel'stvom Yeye Imperatorskogo velichestva Gosudaryni Imperatritsy Marii Feodorovny Mariinskoy prakticheskoy shkoly kruzhevnits 1883–1913gg. [A brief outline of the activities under the august patronage of Her Imperial Majesty the Empress Empress Maria Feodorovna of the Mariinsky Practical School of Lacemakers 1883–1913] – SPb.: Tipografiya V.O. Kirshbauma, 1913. – 44s. (In Russ.).
14. Laznovskaya G.Yu. (2008) Vsemirnyye parizhskie vystavki 1889 i 1900 gg.: vpechatleniya i kommentarii rossiyskikh predstaviteley kul'tury [World Parisian Exhibitions of 1889 and 1900: impressions and comments of Russian representatives of culture] // Omskiy nauchnyy vestnik. – №5(72). – S.38–42. (In Russ.).
15. Otdel Vedomstva uchrezhdeniy imperatritsy Marii na vsemirnoy Kolumbovoy vystavke 1893 g. v Chikago. Izvlecheniye iz otcheta, predstavlennoy komandirovannym v Ameriku delegatom Vedomstva O.K. Aderkasom [Department of the Office of the Institutions of Empress Mary at the World Columbian Exposition of 1893 in Chicago. Extract from the report submitted by the delegate of the O.K. Aderkas]. – SPb., 1894. – 68s. (In Russ.).
16. Polozheniye o Russkom otdele: Raspredeleniye dopuskayemykh na Vystavku predmetov i drugiye postanovleniya, kasayushchiesya uchastiya russkikh eksponentov v etoy Vystavke: [Utv. g. ministrom finansov 11 yanv. 1892 g.] / Vsemir. Kolumbova vystavka 1893 g. v Chikago (Soyed. Sht. Sev. Am.) [Regulations on the Russian Department: Distribution of items admitted to the Exhibition and other regulations regarding the participation of Russian exhibitors in this Exhibition: [Approved. Minister of Finance Jan. 11 1892] / Worldwide. Columbus Exhibition in 1893 in Chicago (United States of North America)]. – SPb: Tipografiya brat'yev Panteleyevykh, 1892. – 32s. (In Russ.).
17. Sokolov A.S. (1997) Rossiya na vsemirnoy vystavke v SSHA v 1893 godu [Russia at the World Exhibition in the USA in 1893] // Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V.B. Bobkova. – 1997. – №2(4). – S.207–220. (In Russ.).

УДК [323–053.6]:94(470)

ЕЛИСЕЕВ Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра социологии и информационных технологий, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, AuthorID: 317972

ТИТОВА Елена Валерьевна, кандидат политических наук, доцент, кафедра социологии и информационных технологий, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: ogau@mail.ru, AuthorID: 209458

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-3-35-44

ELISEEV A.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Information Technology, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: eliseev@orel.ranepa.ru, AuthorID: 317972

TITOVA E.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Sociology and Information Technology, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: ogau@mail.ru, AuthorID: 209458

УРОКИ ИСТОРИИ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ В ФОРМИРОВАНИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

HISTORY LESSONS AND INTERNATIONAL EXPERIENCE IN YOUTH POLICY-MAKING IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Цель статьи заключается в раскрытии опыта реализации молодёжной политики в зарубежных странах. Процесс разработки и реализации государственной политики в отношении молодёжи должен строиться с учётом развития инновационного потенциала молодых в интересах общества, с одной стороны, и должного признания деятельности молодёжи со стороны общества, с другой стороны. Необходимо вырабатывать меры поддержки юного поколения в сложных социально-экономических условиях настоящего времени. Молодёжная политика большинства европейских государств строится не только на основе внутригосударственных нормативно-правовых документов, но и на важнейших принципах международного сообщества, закреплённых в международных документах. Законодательство Европейского союза в отношении молодёжной политики, а также конкретные меры по её реализации вырабатываются и осуществляются непосредственно членами ЕС, т. е. каждое государство-участник разрабатывает молодёжную политику, исходя из внутреннего положения дел в стране, при этом учитывая общеевропейские тенденции. Мировой опыт формирования и реализации молодёжной политики требует всестороннего изучения условий и факторов её осуществления, исходных целей и достигнутых результатов.

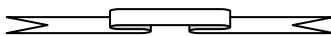
Ключевые слова: молодёжь, молодёжная политика, молодёжная работа, молодёжное законодательство, молодёжные программы, молодёжные организации, государство, Европейский союз, США.

Abstract. The purpose of the article is to reveal the experience of implementing youth policy in foreign countries. The process of developing and implementing state youth policy is based on the development of the innovative potential of young people in the interests of society and on recognition of youth activities by society.

The authors emphasized that it is necessary to develop measures to support the young generation in the difficult social and economic conditions at present. The youth policy of the most European states is built not only on the basis of domestic legal documents, but also on the most important principles of the international community, enshrined in international documents. The EU members develop and implement the legislation of the European Union with regard to youth policy, and some specific measures; each participating state develops youth policy based on the internal situation in the country taking into account European trends.

As a result, the authors draw a conclusion that the world experience in the youth policy formation and implementation requires a comprehensive study of the conditions and factors for its implementation, initial goals and results achieved.

Keywords: youth, youth policy, youth work, youth legislation, youth programs, youth organizations, state, European Union, USA.

ВВЕДЕНИЕ

Молодёжь выступает важным составляющим элементом любого современного общества. Данная социально-демографическая группа является специфическим сообществом, поскольку его сущностные характеристики и черты находятся в состоянии формирования. Относительно феномена «молодёжь» много суждений. В постоянно меняющемся мире политическое, экономическое и социальное преимущество будет у тех обществ, которые смогли накопить и обеспечить эффективное использование интеллектуальных ресурсов и инновационного потенциала, главным носителем которого является молодое поколение. В начале XXI века повысился интерес к изучению проблем молодёжи в большинстве стран Европы, которые начиная со второй половины XX века избрали стратегию сотрудничества с молодым поколением в формате молодёжных объединений по интересам.

Кроме того, такое сотрудничество было сосредоточено в решении как собственных внутренних проблем, так и внешних проблем в формате совместных решений с Европейским союзом. 2010 год можно считать переломным для европейских стран, ведь посткризисное положение Европы изменилось благодаря более благоприятным условиям в экономической сфере. Экономические изменения – обычно более быстрый процесс, чем политические изменения, что показал недавний экономический кризис. Очевидно, что усиление независимости экономики требует более решительной и хорошо скоординированной политической деятельности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во многих европейских государствах молодёжную политику, молодёжную работу и

работу молодёжного законодательства следует считать направлениями, которые включаются определенным и хорошо структурированным молодёжным сектором, остальные страны не придают молодёжному сектору значения государственного направления, молодёжной политике и молодёжному законодательству отводится место среди составляющих привычных направлений, таких как социальная, образовательная, культурная, охранно-оздоровительная сфера и т. д. Учитывая это, европейское законодательство о молодёжи можно разделить на 3 типа законов:

- законодательные акты, которые поддерживают и стимулируют молодёжь. В определённых государствах это законы о молодёжной работе, содействии молодёжи, её деятельности;

- нормативно-правовые акты, которые касаются социального обеспечения молодых людей. Эти законы регулируют определение пределов обязанностей, которые имеет семья и общество в отношении молодёжи;

- законы, которые непосредственно защищают молодёжь. Этими документами предусматривается гарантирование защиты молодёжи вне семейных жизненных сфер (рынок труда и общественное пространство).

Вместе с тем следует сказать, что государства Европы достаточно поздно занялись выделением политики по отношению к молодёжи в особую сферу деятельности государства (вторая половина 60-х годов XX столетия). В конечном итоге они проделали в этом отношении огромный объём работы, обеспечивший получение положительных результатов.

В то же время не следует забывать о наличии существенных национальных различий в методах работы с молодыми людьми и приоритетах, от которых зависит уровень

успешности такой деятельности. Стоит отметить, что к 1980-м гг. на территории Европы была сформирована национальная система молодёжной политики государства. Работа с молодыми людьми в этих государствах опиралась на законодательную систему, для того чтобы управлять ею были созданы особые госорганы, разработаны и внедрены модели и способы взаимодействия с общественными объединениями молодёжи.

Европейская комиссия в 2001 году приняла Белую книгу молодёжи, которая называется «Новый импульс для европейской модели», в ней речь идет о новых формах управления по европейским принципам. Модернизации, направленной на европейскую общественную политику, присущи пять принципов: открытость, участие, ответственность, эффективность и сплоченность. Основа принятия Белой книги заключалась в помощи Евросоюза создать новый механизм сотрудничества в области, направленной на работу с молодёжью, для того чтобы удовлетворить стремление и надежду молодых людей.

В марте 2005 года состоялось принятие Европейского пакта, направленного на молодёжные проблемы, содержащего Лиссабонскую стратегию занятости и роста. Цель, которую имеет этот документ, состоит в повышении участия молодёжи в таком процессе, как образовательная и профессиональная подготовка, социальная интеграция в общественную систему.

Позднее, в 2007 году, в официальном сообщении «Содействие полноценному участию молодёжи в образовании, занятости и обществе» комиссией акцентировано внимание на происходящем тесном общении во всех отраслях, чтобы создать условия для развития молодёжной сферы. Следовательно, в принятом документе были высказаны новые пред-

ложения, инициативы и механизмы образования, занятости и участия молодых людей в политике Европы.

В дальнейшем это нашло отражение в стратегии «Европа-2020». Этот документ выражал надежду на то, что все страны, входящие в Евросоюз, будут согласовывать свои действия по всем направлениям, охватывающим проблемы молодого поколения Старого Света, включая партнерство социального характера и кооперирования в такой области, как гражданское общество.

Стратегией предлагаются инициативы в восьми сферах (образование и обучение; занятость и предпринимательская деятельность; здоровье и жизнеобеспечение; приобщение к волонтерскому движению; вовлеченность в социальную жизнь; окружающая среда; мероприятия творчества и культуры; политическое участие). Эту деятельность осуществляют через молодёжные программы, политическое сотрудничество, популяризацию молодых людей и их организаций. Главные инструменты воплощения стратегии заключаются в следующем: в сотрудничестве государств – участников Евросоюза; «структурированном диалоге»; определении места и роли молодых европейцев; осуществлении молодёжной работы с молодёжью и т.п.

Новую стратегию можно воспринимать как своевременный ответ на вызовы и переход к новому этапу молодёжной политики Евросоюза. Структурами Европейского союза молодым людям должна оказываться помощь, чтобы справиться с проблемами современности, возникающими в эпоху глобализационных изменений. Известна программа «Молодёжь в действии», принятая в 2006 году на период 2007–2013 гг. Она являлась современным продолжением предыдущих программ действий, принятых в ЕС [2, С. 603].

На сегодняшний день в странах ЕС действует новая стратегия ЕС относительно перспективы развития молодёжной сферы. Эта стратегия определяет две основные цели европейского сотрудничества в области молодёжной политики:

а) создание всё больше равных возможностей для молодёжи в сфере образования и трудоустройства;

б) поощрение активной гражданской позиции и социальной интеграции.

На ближайшую перспективу установлены следующие приоритеты: социальная интеграция, работа с молодёжью, повышение заинтересованности и активной гражданской позиции и занятость молодёжи. В странах Европы, активно сотрудничающих с молодёжным сектором и имеющих молодёжную политику, можно выделить следующие общие элементы этой политики. Важное значение для постановки всей молодёжной работы в любой стране имеют документы ООН, поскольку именно они отражают международную концепцию политики в молодёжной отрасли.

В арсенале этой организации много документов аналитического, совещательного характера, в которых регулярно и последовательно анализируется государственная молодёжная политика как на международном, так и на национальном уровне. Процессы последних десятиков лет доказывают, что в обществе, постоянно пребывающем в состоянии изменений, политическое, экономическое и социальное преимущество будет предоставлено тем из мировых государств, которые научились накапливать и обеспечивать результативное использование интеллектуального ресурса и инновационных обеспечений, основными носителями которых являются представители современной молодёжи.

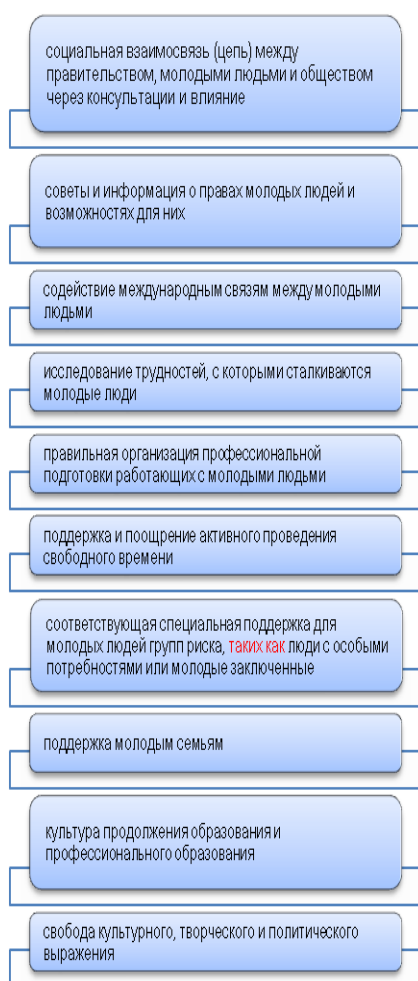

Рисунок 1 – Основные элементы молодёжной политики в европейских странах [2]

Figure 1 – The main elements of youth policy in European countries [2]

В странах Европы молодёжная политика – это либо самостоятельная часть государственной политики, имеющая четкую структуру и тесную взаимосвязь составляющих, либо еще развивающаяся. Вместе с этим возможно выделение основных элементов, которыми характеризуется молодёжная политика во всех государствах Европы [3, Р. 45]:

1) все европейские государства имеют четко определенную составляющую молодежной политики (МП), заключающуюся в сфере ее функционирования: территориальные и социальные объединения;

2) законодательством определено значение и способ, которым предполагается взаимодействие правительства и объединений молодых людей негосударственного коммерческого характера;

3) обязательный элемент состоит в подготовке и квалификации специалистов в области МП;

4) особое значение придается следующим элементам МП: сотрудничеству, управленческой деятельности, вертикальной и горизонтальной структуре.

Основные характеристики немецкой МП в программе «Шансы в изменяющемся обществе» представлены:

- межотраслевой государственной молодежной политикой. Для того чтобы обеспечить эту цель, нужно объединить и согласовать у всех ведомств;

- широкомасштабным диалогом с молодежью. Для того чтобы быстро реализовать молодежную политику, нужно обеспечить наличие прямого контакта с молодыми людьми в общественных процессах;

- укреплением взаимодействия государственных властных органов и органов местной власти, частных предпринимателей, ассоциаций и социальных групп.

Все страны имеют свои политические цели и меры, однако им присуще наличие таких направлений, заключающихся:

- в содействии вовлечению и активности молодежи в общественных процессах и в их личном и гражданском росте;

- в защите категорий молодых людей, относящихся к группе риска, чтобы не допустить

маргинализации и социальной изоляции определенных общественных слоев;

- в предотвращении антиобщественной деятельности, причиняющей вред здоровью молодежи, и противодействию такой деятельности;

- в обеспечении и защите молодежных прав политического и социального характера, в частности, через правовые основы и институциональные структуры, необходимые для защиты прав молодежи в социальных услугах.

Практические знания, уже имеющиеся у ведущих стран Евросоюза, позволяют выделить такие тенденции в государственной молодежной политике [8, С. 230]:

1. Структурированная молодежная политика согласно национальному, региональному и местному уровню.

2. Осуществление сотрудничества организаций властного и неправительственного характера на всех трех ступенях воплощения МП.

3. Осуществление регулярного мониторинга проблем молодых людей через независимые экспертизы, что позволяет уполномоченным органам принять взвешенные решения, ориентированные на долгий срок.

4. Рост качественного уровня и доступности обучения (квалификационного уровня) – одно из основных направлений МП в государствах Европы. Наличие успешных образованных людей, квалифицированных специалистов в определенной области – залог стабильной работы любой общественной системы. Великобритания принимает меры, которыми должна усиливаться мотивация получать образование, систему кредитов для того, чтобы получить профподготовку, финансовую поддержку людей 16–19-летнего возраста.

5. Гражданское воспитание молодых людей, объединяющее различные направления

и векторы, которые предусматривает социализация (политическая, правовая, экологическая, эстетическая и т. п.), способствуя тому, чтобы формировались настоящие граждане государства – образованные, целеустремленные, деятельные, которым присуще уважение к своему государству.

6. Внедрение международных молодежных программ обмена, поощряющих непосредственное общение молодых людей из разных государств Европы совместным обучением и работой, несмотря на границы.

Кроме того, следует остановиться на европейских моделях занятости молодежи. Каждая европейская страна в настоящее время разработала и применяет ряд видов и моделей политики занятости, но общая для них черта – приоритетность финансирования развития конкурентоспособного потенциала труда по сравнению с затратами на помощь безработным. Поэтому активная политика занятости должна трактоваться как система средств институционального, правового и экономического влияния на экономическую активность граждан, уровень их мотивации на работу, мобильности и конкурентоспособности рабочих.

Регулирование молодежной занятости и методы поддержки молодежи на рынке труда в разных европейских странах имеют свои специфические черты. В Великобритании внимание уделяется стимулированию самозанятости населения, стимулированию развития бизнеса.

В отличие от европейских стран, социальная политика США в меньшей степени направлена на создание всеобщего благосостояния в стране. Население в меньшей степени охвачено программами социальной защиты, а в политике занятости, в частности, предпочтение отдается личным усилиям каж-

дого лица по обеспечению благосостояния. Характерной особенностью США является широкое разнообразие местных норм и правил при отсутствии общегосударственной координации, интеграции частных благотворительных и коммерческих интересов. Государственный аппарат характеризуется децентрализацией власти.

В США в 1982 году был принят закон, касающийся совместной профессиональной подготовки. В этом документе отмечалось, что обучение необходимо осуществлять в тесном контакте с частным бизнесом. Представители бизнеса управляют программой путем выделения тех профессий, которые необходимы для каждого штата. Безработные должны получить те навыки, которые соответствуют потребностям предпринимателей.

В законе также отмечалось, что «...важным подходом является профессиональная подготовка молодежи на рабочем месте, включающая обучение молодых специалистов на фирме с гарантией дальнейшего найма тех, кто успешно закончит курс...» [8].

В странах бывшего СССР на государственном уровне молодежной политикой должны заниматься соответствующий парламентский комитет и министерства молодежи и спорта.

Но фактически сама молодежь отношения к проведению молодежной политики и защите своих интересов не имеет. К тому же на самом деле 99 % средств, выделенных из бюджета, идут именно на спорт, а молодежные движения и организации чиновники обходят стороной. Для имплементации закона даже созданы специальные социальные программы, однако за неимением средств этот процесс затормозился на долгие годы, в то время как, например, в Германии на одну молодежную организацию государство выделяет в 6 раз больше

средств.

Как результат, можно видеть отсутствие сильной молодёжной политики в ряде стран СНГ. Она там находится только на стадии формирования. Следствием этого является низкая осведомлённость граждан о сути деятельности молодёжной политики и ещё более низкий показатель общественно-политической активности людей – по последним данным GfK (Общества потребительских исследований), только 2 % среди 10 млн. молодёжи в Беларуси являются членами общественных организаций, студенческих объединений и т. п.

Согласно результатам исследований среди 4,5 тысячи респондентов более половины опрошенных (57 %) не знают об инициативах и мероприятиях, которые государственные учреждения предпринимают для молодёжи, более трети (36 %) не участвуют в молодёжных организациях, однако хотели бы к ним присоединиться.

Помимо того, две трети (60 %) респондентов охотно присоединились бы к формированию молодёжной политики в Беларуси. Результаты опросов о волонтерстве среди молодёжи тоже показательны: среди 2,5 тысячи респондентов около 70 % не являются членами общественных организаций и объединений, однако более 60% респондентов принимали личное участие в любых мероприятиях в качестве волонтеров.

Такой низкой активности молодёжи способствует и совсем небольшое количество организаций, работающих в сфере молодёжной политики. И хотя зарегистрировано более 30 молодёжных организаций, но действуют из них как на общегосударственном, так и на локальном уровне гораздо меньше. Многие общественные объединения предпочитают сотрудничать с международными донорами, потому что так легче получить необходимые

ресурсы, хотя в теории именно государство должно оказывать наибольшую поддержку молодёжным организациям в их развитии.

У молодых людей просто нет мотивации к общественной активности, поскольку не верят, что могут что-то изменить в этой стране. Следовательно, нет заинтересованности в двусторонней коммуникации ни со стороны государства, ни со стороны молодёжи.

В результате у нас большое количество молодых людей уезжает за границу. И не потому что там можно заработать много денег, а потому что за границей общий уровень жизни выше – появляется осознание того, что ты можешь влиять на процессы принятия решений на общегосударственном уровне.

Первоочередным шагом для успешного интегрирования молодёжи в обществе является обеспечение трудоустройства и качественной оплачиваемой стажировки. В Европе любая стажировка молодого человека должна быть оплачиваемой: там нет такого, что молодёжь использует как бесплатную рабочую силу, ещё и не предоставляя никаких гарантий на будущее трудоустройство.

Следующий шаг – помочь молодёжи поверить, что она может участвовать в процессах создания государства. Для этого можно позаимствовать зарубежный опыт – проект «Youthcheck», действующий в Германии, – механизм, при котором любой нормотворческий документ проверяется юридическим департаментом Молодёжного совета и обсуждается среди членов молодёжных организаций.

В случае если определенный законопроект противоречит интересам молодёжи, Молодёжный совет может просить его доработку на государственном уровне [9].

Стоит отметить, что правительство Германии само заинтересовано в такой коммуникации, ведь от молодёжи зависит результат

поддержки государственной политики той или иной силы. Имплементировать это в России, вероятно, будет тяжело, но возможно.

По результатам изучения потребностей определено следующее:

- Нет пассивной молодёжи – есть непрофессионализм в работе с целевой аудиторией, недостаточно интересных мероприятий вне учебных заведений. Молодёжь нуждается в различных развлекательных, просветительских и культурно-художественных мероприятиях, которые позволят реализовать потенциал.

- Образование в школе удовлетворяет базовые учебные потребности, но этих знаний недостаточно для личностного развития. Кроме общего образования, молодые люди в обществе не имеют доступа к удобным и понятным образовательным инструментам в контексте развития навыков, которые делают жизнь продуктивной и успешной, а их активность – полезной для общества. Особенно важны для молодёжи профориентационные мероприятия, тренинги, профильные мастер-классы и встречи с успешными людьми [7, С. 11].

- Мероприятия по формированию здорового образа жизни молодёжи (ЗОЖМ) не удовлетворяют все категории молодёжи – девушек и парней, женщин и мужчин в их многообразии. Недостаточно уделяется внимания информированию молодёжи о возможностях самореализации, программах обмена и т. д. Востребованность в этой услуге, согласно проведенному анализу потребностей, стоит на первом месте.

Опыт стран свидетельствует, что главной чертой государственного регулирования является опосредованный характер, и предполагает невмешательство непосредственно в предпринимательскую деятельность. В странах Европы используется такой рычаг трудоустройства молодёжи, как создание времен-

ных рабочих мест для выпускников.

Государство стимулирует предпринимателей к трудоустройству молодёжи при выполнении ряда условий, к которым относятся, прежде всего, следующие:

- трудоустройство работника и обеспечение его дальнейшего профессионального роста; заключение с ним трудового соглашения;

- заключение трехсторонних соглашений по переобучению молодёжи.

При наличии у молодёжи необходимого объема знаний ряд восточноевропейских стран могут предоставлять дотации выпускникам учебных заведений для открытия собственного дела. Европейские страны, в которых есть молодёжная политика, характеризуются общими элементами в этой политике:

- поддержкой и поощрением активно проводить свободное время;

- правильной организацией профподготовки работников, взаимодействующих с молодыми гражданами;

- исследованием сложностей, возникающих у молодых людей;

- содействием международной связи между молодёжью.

К прогрессивным идеям, содержащим зарубежный опыт, которые достойны воплощения, относятся: разработка государственного финансового обеспечения программ помощи детям, молодым людям и общественным объединениям; нормативно-правовая поддержка молодёжной социальной политики; информационно-консультативное обеспечение детей, молодых людей и общественных организаций молодёжи, обеспечение на уровне государства подготовительных процессов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На современном этапе развития содействие полноценной интеграции молодого по-

коления в социум является приоритетным направлением развития публичного управления и администрирования. Учитывая тот факт, что государства в условиях глобализации могут выбирать разные пути развития и занимать разные позиции в мире, установлено, что государства, избравшие демократические стандарты развития, уделяют особое внимание правам человека, верховенству права и закона, гражданскому обществу и особенно молодежи – демонстрируют постоянство, поскольку их стратегия развития имеет диаметрально противоположное отношение к традиционным механизмам взаимодействия власти с молодежью, вместе с тем существует эффективно отлаженная система взаимоотношений между поколениями. Всё это позволяет им учитывать инновационный потенциал, которым владеет молодежь, и наиболее взвешенно его применять при разработке концепций, стратегий развития региона или государства.

Мировой опыт формирования и реализации молодежной политики требует всестороннего изучения условий и факторов ее осуществления, исходных целей и достигнутых результатов. Успешное применение такого опыта основано на адаптации его к условиям отечественного правового поля, а также к традициям и менталитету.

Библиография / References:

1. Афанасьева К.А. Политические предпосылки реформирования образования в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т.16. – №2. – С.139-154.

2. Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I. Sociopolitical changes as a so-

ciocultural trauma for the social health of Russian youth // Modern Journal of Language Teaching Methods. – 2018. – Т.8. – № 5. – P.602–609.

3. Eisenstadt, S.N. (ed.). Multiple Modernities. – Routledge, 2017. – P. 45.

4. Гребенкин А.Н., Елисеев А.Л., Матвеева Е.С., Селютина Е.Н., Холодов В.А. Государственно-правовая защита детства в России: исторические аспекты: Монография / Орел, 2016.

5. Елисеев А.Л. Международное законодательство, регулирующее политику государства по отношению к молодежи // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2015. – №1(42). – С.111–114.

6. Елисеев А.Л., Матвеева Е.С. Международные стандарты и национальные традиции в формировании современной молодежной политики России // Вестник государственного и муниципального управления. – 2022. – №2. – С.34–46.

7. Игнатова Т.В., Гончарова О.Ю., Мальцева О.Ю. Институциональные ограничения роста конкурентоспособности российской экономики // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2019. – Т.17. – №4. – С.11–18.

8. Касьянов В.В., Щербак Л.И., Самыгин С.И. Эффективность управления региональной молодежной политикой: проблема детерминации критериев // Государственное и муниципальное управление. – 2019. – №3. – С.230–234.

9. Немшилов О.О. Особенности молодежной политики в Соединенных Штатах Америки. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://novain-fo.ru/article/?nid=4186> (дата обращения 22.07.2022).

1. Afanas'yeva K.A. Politicheskiye predposylki reformirovaniya obrazovaniya v Ros-siyskoy Federatsii [Political prerequisites for reforming education in the Russian Federation] // *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk.* – 2021. – T.16. – №2. – S.139-154. (In Russ.).
2. Gafiatulina N.Kh., Rachipa A.V., Vorobyev G.A., Kasyanov V.V., Chapurko T.M., Pavlenko I.I., Samygin S.I. (2018) Sociopolitical changes as a sociocultural trauma for the social health of Russian youth // *Modern Journal of Language Teaching Methods.* – T.8. – № 5. – P.602–609. (in Engl.).
3. Eisenstadt, S.N. (2017). *Multiple Modernities.* – Routledge. – R. 45. (in Engl.).
4. Grebenkin A.N., Yeliseyev A.L., Matveyeva Ye.S., Selyutina Ye.N., Kholodov V.A. (2016) Gosudarstvenno-pravovaya zashchita detstva v Rossii: istoricheskiye aspekty [State legal protection of childhood in Russia: historical aspects]: Monografiya / Orel. (In Russ.).
5. Yeliseyev A.L. (2015) Mezhdunarodnoye zakonodatel'stvo, reguliruyushcheye politiku gosudarstva po otnosheniyu k molodozhi [International legislation governing the policy of the state in relation to youth] // *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya.* – №1(42). – S.111–114. (In Russ.).
6. Yeliseyev A.L., Matveyeva E.S. (2022) Mezhdunarodnyye standarty i natsional'nyye traditsii v formirovanii sovremennoy molodozhnoy politiki Rossii // *Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [International standards and national traditions in the formation of modern youth policy in Russia]. – 2022. – №2. – S.34–46. (In Russ.).
7. Ignatova T.V., Goncharova O.Yu., Mal'tseva O.Yu. (2019) Institutsional'nyye ogranicheniya rosta konkurentosposobnosti rossiyskoy ekonomiki [Institutional restrictions on the growth of the competitiveness of the Russian economy] // *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika».* – T.17. – №4. – S.11–18. (In Russ.).
8. Kas'yanov V.V., Shcherbakova L.I., Samygin S.I. (2019) Effektivnost' upravleniya regional'noy molodezhnoy politikoy: problema determinatsii kriteriyev [Efficiency of management of regional youth policy: the problem of criteria determination] // *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye.* – №3. – S.230–234. (In Russ.).
9. Nemshilov O.O. Osobennosti molodezhnoy politiki v Soyedinennykh Shtatakh Ameriki [Features of youth policy in the United States of America]. – [Elektronnyy resurs]. – URL: Rezhim dostupa: <https://novain-fo.ru/article/?nid=4186> (data obrashcheniya 22.07.2022). (In Russ.).

НИКИТИН Евгений Валентинович, аспирант, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: papa-77@List.ru

NIKITIN E.V., Postgraduate student, Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management, Branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: papa-77@List.ru

«ПРОФЕССОРА» – КАТУКОВЦЫ В СРАЖЕНИЯХ ПОД ОРЛОМ, МЦЕНСКОМ И НА ПОДСТУПАХ К МОСКВЕ

«PROFESSORS» – KATUKOV'S MEN IN THE BATTLES OF OREL, MTSENSK AND ON THE OUTSKIRTS OF MOSCOW

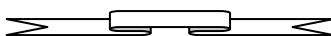
Аннотация. Цель статьи заключается в определении роли катуковцев в сражениях под Орлом, Мценском и на подступах к Москве. Исследование проводилось на основе принципов системности, историзма и объективности. Кроме этого, были использованы методы анализа, синтеза, ретроспективный и сравнительно-исторический, контент-анализ. На основе архивных материалов, военно-исторических трудов, печати военных и послевоенных лет, личных воспоминаний ветеранов-гвардейцев проанализирована деятельность 4-й танковой бригады М. Е. Катукова. «Профессора»-катуковцы отличались командирской зрелостью, тактическим искусством, личной храбростью. На полях сражений они проявляли мужество и героизм. Их тактика – наносить сдерживающие удары по врагу малыми силами, действовать из засад, создавать ложные позиции, часто меняя рубежи обороны, наносить врагу фланговые удары и т. д. – это военное мастерство как их самих, так и комбрига М. Е. Катукова, привносила новизну в танковые стратегии и способствовала достижению поставленных задач, в том числе в условиях превосходства сил противника.

Ключевые слова: Катуков, «профессора» – катуковцы, 4-я танковая бригада, танкисты, Орёл, Мценск.

Abstract. The purpose of the article is to determine the role of Katukov's men in the battles of Orel, Mtsensk and on the outskirts of Moscow. Consistency, historicism and objectivity are the main principles of the research. In addition, methods of analysis, synthesis, retrospective and comparative historical, content analysis are used; the activity of Katukov's 4th tank brigade is analyzed on the base of archival materials, military historical works, the war and post-war years press, veteran guards' personal memories.

Much attention is given to personal characters of the Katukov's men. The author emphasizes such characters as bossy maturity, tactical skill and personal bravery. They showed courage and heroism on the battlefields. They used such tactics as to deliver deterrent strikes against the enemy with small forces, to act from ambushes, to create false positions, often changing the lines of defense, to inflict flank attacks on the enemy, etc. Their military prowess brought novelty to tank strategies and contributed to the task achievement in conditions of superiority of enemy forces.

Keywords: Katukov, «professors»-Katukov's men, 4-th tank brigade, tank soldier, Orel, Mtsensk.

ВВЕДЕНИЕ

Исторические вехи Великой Отечественной войны до сих пор вызывают широкий интерес и дискуссию, при этом не прекращаются попытки переписать историю (особенно западными исследователями) [23].

В рамках данной широкой проблематики наш исследовательский интерес направлен на анализ действий 4-й танковой бригады комбрига полковника М. Е. Катукова против значительно превосходящих сил противника осенью 1941 года.

Искусно маневрируя силами на путях движения танковых соединений генерала Гудериана, танкисты бригады нанесли им большие потери и задержали их продвижение на девять суток. В тяжёлых оборонительных боях с врагом личный состав проявлял массовый героизм и военное мастерство.

В ходе этих сражений стали известны мастера танковых сражений – капитан А. А. Рафтопулло, старший лейтенант А. Ф. Бурда, лейтенант Д. Ф. Лавриненко и другие [1, С. 53–63; 9; 13, С. 105–124; 17, С. 3; 19, С. 41].

За успешные действия под Орлом и Мценском 4-я танковая бригада приказом НКО от 11 ноября 1941 года была переименована в 1-ю гвардейскую танковую бригаду. Так на подступах к Москве в ожесточенных боях с врагом зародилась советская танковая гвардия. Там, где она вступала в бой, враг устоять не мог. Число гвардейских частей и соединений увеличивалось от сражения к сражению.

**МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Исследование проводилось на основе принципов системности, историзма и объективности. Кроме этого, были использованы

методы анализа, синтеза, ретроспективный и сравнительно-исторический, контент-анализ. На основе архивных материалов, военно-исторических трудов, печати военных и послевоенных лет, личных воспоминаний ветеранов-гвардейцев проанализирована деятельность 4-й танковой бригады М. Е. Катукова.

Отметим, что биографические данные как катуковцев, так и самого комбрига, их боевой путь являлись объектом исследования как в послевоенное время [5; 9], так и в современном научном дискурсе [1, С. 53–63; 2, С. 260–263; 3, С. 86–88; 4, С. 78–82; 6, С. 118–122; 13, С. 105–124; 21, С. 110–122; 22, С. 91–92].

Дополняют источниковую базу мемуарные материалы [7; 10; 12], труды о роли и месте советских танковых войск в крупнейших сражениях ВОВ [18; 19] и газетные публикации [15, С. 4; 16, С. 3; 12; 17, С. 3].

В отечественных исторических исследованиях существуют три подхода к освещению боев советской 4-й танковой бригады и немецкой 4-й танковой дивизии в начале октября 1941 года [13, С. 105–124]. С одной стороны, существует «каноническая» советская версия боев 4-й бригады с тремя немецкими дивизиями, в ходе которых гитлеровцы понесли катастрофические потери. Благодаря паническим донесениям немецкого командования эта версия нашла свое отражение повсеместно, включая англоязычную (английский историк А. Кларк в книге «План «Барбаросса») историографию. Второй подход – это полное отрицание новомодными «историками» успехов бригады М. Е. Катукова и объявление всех документов о боях с немцами у Мценска «очередной коммунистической фальшивкой» и «советской пропагандой». В рамках третьего подхода исследователи путем сопоставления

мнений и документов противоборствующих сторон пытаются составить наиболее многогранную и взвешенную версию событий. Данный подход становится всё более популярным [11; 13, С. 105–124; 14; 20].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Танковые и механизированные дивизии генерала Г. Гудериана, осуществляя план молниеносной войны, шли на захват Москвы. 3 октября они ворвались в город Орел [22, С. 91–92].

Ставкой Верховного главнокомандования в район Мценска был срочно выдвинут вновь создаваемый в те дни гвардейский стрелковый корпус Д. Д. Лелюшенко. В него вошли: 6-я гвардейская стрелковая дивизия генерала К. И. Петрова, 4-я и 11-я танковые бригады полковника М. Е. Катукова и подполковника Г. А. Бондарева, мотоциклетный полк полковника Т. Н. Танастишина, отдельные подразделения воздушно-десантных войск, пограничников и Тульского артиллерийского училища [22; С. 91–92].

Цементирующим ядром корпуса была 4-я танковая бригада, которая прибыла из Сталинграда под Москву. Так, в августе 1941 года 15-я танковая дивизия была расформирована, а оставшийся личный состав передали на формирование вновь создаваемой 4-й танковой бригады, которой командовал тогда еще полковник М. Е. Катук. Пока бригада пополнялась людьми и новыми танками, Катук организовал обучение тактическим приемам организации танковых засад в обороне. Танкистов учили тщательно выбирать место для укрытия боевых машин и их маскировке, создавать ложные позиции, призванные ввести в заблуждение противника. Однако некоторые командиры рот и взводов, а также рядовые танкисты 4-й ТБр в сентябре 1941 года жаловались на но-

вого комбрига и просили перевести их из 4-й бригады. Основанием жалоб, в частности, было: «...мы достаточно подготовлены, наше место на фронте, а комбриг заставляет ползать с утра до ночи по балкам да оврагам», «жгём горючее, впустую расходует снаряды» [13, С. 105–124]. На вооружении танковой бригады находились танки КВ, Т-34, БТ-7.

До 2 октября бригада дислоцировалась на ст. Кубинка. В ночь на 4 октября она эшелонами была доставлена в г. Мценск.

Тут же была отправлена разведка в сторону Орла (группы капитана В. Г. Гусева и ст. лейтенанта А. Ф. Бурды). Комбриг также в ночь на 4 октября лично провел рекогносцировку района предстоящих боевых действий. Группа капитана Гусева (13 танков) вернулась утром 4 октября. Танкисты побывали в г. Орёл, при отходе потеряли 4 машины (ст. л-та В. И. Ракова, мл. л-тов Г. Ф. Овчинникова, И. Г. Дракина и Олейника), но сами разгромили на марше колонну автомашин. Группа Бурды (8 танков), вернувшись к утру 6 октября, «действовала более профессионально и в город не полезла, отправив туда несколько разведгрупп» [13, С. 105–124].

4 октября подвижные дозоры 4-й танковой бригады полковника Катукова провели разведку боем в черте городских окраин Орла. На противника навели панику новые советские танки Т-34 и их внезапное появление на флангах наступающих немецких танковых клиньев («качество» Т-34 признавал Г. Гудериан). Советские танкисты действовали дерзко, на высоких скоростях, обладая высоким маневром в движении, используя на полную мощность всю огневую силу своего оружия, что сразу же привело к значительным потерям противника. В течение только 8 дней подразделениями бригады «было уничтожено 133 танка, 49 орудий, 6 минометов, до полка пехоты, 8 самолетов и

15 тягачей с боеприпасами» [19, С. 41].

В первый же день боев танковые группы капитана Гусева (так, вечером 4 октября танковая группа, возглавляемая командиром батальона капитаном В. Г. Гусевым, ворвалась в Орёл и завязала бой) и старшего лейтенанта А. Бурды уничтожили до четырёх десятков вражеских машин и несколько сот солдат и офицеров. Был пленён немецкий офицер с картой оперативных замыслов немецкого командования на этом участке фронта. Вместе с важным документом он был срочно доставлен в Генеральный штаб [4, С. 78–82; 15, С. 4].

Высокой боевой выучкой отличались танкисты старшего лейтенанта Бурды. Они действовали из засад с десантом на борту, вели огонь в упор по танковым колоннам врага, неоднократно вступали в бой с разведывательными отрядами противника, не показывая действительного состава своих сил и вводя в заблуждение противника. Непрерывно маневрировали, умело используя складки местности, появлялись то перед фронтом гитлеровцев, то на флангах. Выступив в 11:00 4 октября 1941 года из Мценска, группа обходными путями вышла к юго-восточной окраине Орла, откуда и вела наблюдение за передвижениями войск противника. Было установлено, что противник подтягивает танки и пехоту, путем разведывательных отрядов пытается прощупать открытые пути для быстрого продвижения на восток и север и таким путем без больших потерь в короткий срок выйти в район г. Тула и к Москве.

На рассвете 5 октября рота Т-34 старшего лейтенанта А. Ф. Бурды, действуя из засады, разгромила вражескую колонну (до полка мотопехоты), двигавшуюся по направлению к Мценску (ЦАМО. Ф. 3060, Оп. 1, д. 2, л. 2). Танкисты сумели выскользнуть из тройного окружения врага в районе села Кофаново.

Здесь отличился снайперской стрельбой экипаж Петра Молчанова, который вначале вызвал огонь на себя, а затем уничтожил пять вражеских бронемашин и до роты пехоты. Необходимо иметь в виду, что группа А. Бурды в 3.00 5.10.41 года потеряла радиосвязь с главными силами бригады и до 6.10.41 года действовала в отрыве и без связи и только после полного выполнения своей задачи без потерь соединилась с главными силами бригады [15, С. 4].

5 октября все части корпуса вступили в оборонительные бои. Фашистские войска по численности, особенно в танках, имели многократное превосходство, поэтому нашему командованию пришлось наносить сдерживающие удары по врагу малыми силами, действовать из засад, создавать ложные позиции, часто меняя рубежи обороны, наносить врагу фланговые удары и т. д. [22, С. 91–92].

В этот день основные силы бригады сражались на рубеже реки Оптухи, вблизи села Ивановское. Мотострелковый батальон капитана Кочеткова оседлал шоссе Москва – Симферополь, а танковый батальон Рафтопулло был в засаде на опушке леса южнее села Казначеево [15, С. 4].

Противник наносил сразу фронтальный и фланговый удары. Мотострелки не пропустили врага по шоссе, но ценой собственных больших потерь. Почти половина батальона погибла [15, С. 4]. Тогда Катукоев бросил в атаку несколько танков Т-34, стоявших в засаде на левом фланге. Контратака удалась, наши танкисты подбили 8 танков противника, 6 орудий и уничтожили несколько десятков немецких солдат и офицеров. После боя Катукоев отвел свои танки и мотострелковый батальон к селу Первый Воин, и расположил позиции на возвышенности, приказав пехотинцам оборудовать ложные позиции с «бутафорски-

ми» пулеметами, минометами, пушками [13, С. 4].

К утру 6 октября наши воины сменили позиции, ведя подвижную оборону в районе Первого Воина. Справа стал действовать батальон подошедшей 11-й танковой бригады, а слева – воздушно-десантная бригада.

Первые танкисты-герои в боях у Первого Воина – Любушкин Иван Тимофеевич, Богурский Евгений Григорьевич, Бурда Александр Фёдорович, Загудаев Александр Степанович, Молчанов Пётр Семёнович, Катукос Михаил Ефимович, Рафтопулло Анатолий Анатольевич, Бойко Иван Никифорович, Столярчук Флор Евстафьевич, Деревянкин Иван Григорьевич, Кондратенко Александр Фёдорович, Дынер Павел Григорьевич, Самохин Константин Михайлович, Заскалько Павел Андреевич, Гавришко Николай Иосифович, Шустов Иван Андреевич [20, С. 10–37].

В это же время параллельно шоссе на дороге, примерно в нескольких километрах от Первого Воина, противник бросил в предбоевых порядках до 30 танков с мотопехотой и артиллерией. За первой волной двигалась вторая волна фашистских танков – около 40 машин.

В воздух поднялась наша штурмовая авиация. Вслед за ее действиями последовало подвижное сосредоточение огня по рубежам двух артиллерийских дивизионов, прибывших на подмогу танкистам. Но враг, несмотря на огромные потери, достигает наших позиций, пытаясь сбить обороняющихся справа и слева от катуковцев воздушных десантников и пограничников [15, С. 4].

В разгар боя пошел в контратаку танк, на котором был наводчиком Иван Любушкин. В считанные минуты «было подбито 5 вражеских машин, но повреждена была наша «тридцатьчетверка». Старшина Любушкин, продол-

жая бой, подбил еще четыре танка врага. За этот выдающийся подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза, а остальные члены экипажа получили боевые ордена» [15, С. 4].

Во второй половине дня была усилена оборона в центре намечающегося немецкого прорыва подошедшими на помощь «180-м отдельным противотанковым артиллерийским дивизионом и одним батальоном 401-го гвардейского стрелкового полка 6-й гвардейской дивизии» [15, С. 4].

Противник потерял более 30 танков и до полка пехоты, но, вклинившись в нашу оборону, оказывал сильное давление на центральном участке. Создалось угрожающее положение дальнейшего прорыва вражеских танков в сторону Мценска. Но в этот момент выходил из рейда по тылам противника со своей ротой старший лейтенант Бурда. Действуя по обстановке, он нанес удар по штабу 4-й немецкой танковой дивизии. Потеряв управление, противник остановился. Его силы стали накапливаться в широкой ложине для продолжения решительного наступления [15, С. 4].

И здесь впервые на орловской земле продемонстрировали сбоку огневую мощь гвардейские минометы БМ-13 («катюши») командиров дивизионов П. И. Франченко и М. Н. Богдана. Только одним залпом были уничтожены десятки вражеских боевых машин [17, С. 3].

А танки старшего лейтенанта Бурды продолжали сеять панику в тылу врага, расстреливая вражеские машины, построенные в тесные колонны. Маневр был неожиданным и очень нужным в интересах всего корпуса, так как на этом участке фронта у противника было танков в 20 раз больше [15, С. 4].

К рассвету 7 октября советские части заняли новый рубеж обороны – Шейно – Голов-

лево. Очевидцы рассказывали, что той ночью выпал первый снег. Дороги и поля превратились в сплошное месиво. Но наши танки оставались маневренными, выдерживали любые погодные испытания. Боевая техника противника явно проигрывала. После этих боев в Германии была создана специальная комиссия по изучению конструктивных особенностей советских танков и сделана попытка повторить их в своих машинах [15, С. 4].

Перегруппировав силы, противник возобновил атаки. Теперь главный удар наносился по воинам-десантникам. Особо отличилась здесь рота лейтенанта Бондарева Н. В., перед окопами которой осталось 15 вражеских танков. Вместе с десантниками стойко дрался орудейный расчет комсомолец Карпенко из 401-го гвардейского артполка, подбив три вражеских танка и два тягача [15, С. 4].

8 октября противник уже не пытался атаковать. Он приводил в порядок свои части, подтягивал резервы. А на рассвете 9-го над нашим передним краем появилось более 30 фашистских бомбардировщиков. Фашисты снова двинулись вперед. Советские танки и артиллерия подпустили врага как можно ближе, чтобы бить наверняка. И вот уже запылало около 20 фашистских танков. Пехота залегла. Но, подтянув резервы, противник вновь нанес удар по нашей обороне, по ослабленному левому флангу корпуса, где завязался ожесточенный бой за переправу через Зушу у Мценска. Враг наткнулся на активную оборону частей 6-й гвардейской стрелковой дивизии. Но силы были неравными [15, С. 4].

Танкисты Катукова, бывшие в полуокружении, отходили по единственному уцелевшему железнодорожному мосту через Зушу. Многие зависели от защитников моста, которые героически сдерживали врага на предместном укреплении. Ими командовал старший полит-

рук Иван Лакомов. Он до конца выполнил задачу [15, С. 4].

Здесь, под Мценском, проявили настоящие стойкость и героизм многие советские воины, в том числе танкисты К. Самохин, Д. Лавриненко, И. Любушкин, Н. Семенчук и другие [1, С. 53–63; 8, С. 94–101; 15, С. 4].

В многочисленных боях К. Самохин отличился отвагой, умением твердо управлять подчиненными в бою. Так, например, 13 ноября 1941 года 1-я гвардейская танковая бригада получила боевой приказ командующего 16-й армией генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского выбить противника из деревень Скирманово и Козлово и тем самым ликвидировать угрозу выхода врага на Волоколамское шоссе в тыл войскам 16-й армии.

После освобождения Скирманово три танка Т-34 под командованием Самохина поддерживали наступление пехоты на Козлово, которая была остановлена плотным огнем пулеметов из вражеских дзотов. Гвардии капитан Самохин на своем танке приблизился к залежней пехоте и, открыв люк, командовал: «Вперед, гвардейцы!» Пехота поднялась и пошла за танком. Самохин выдвинул свои танки вперед и, следуя первым, на большой скорости повел их в атаку.

В разгар боя боевые машины Антонова и Луппова были подбиты. В деревне остался лишь один танк Самохина. Вместе с пехотинцами танкист в течение ночи отбивал атаки врага и удерживал деревню. Утром на помощь ему пришли танки младшего лейтенанта Евгения Луппова и братьев Матросовых. Самохин тут же повел их в атаку и увлек за собой пехоту. Когда в танке кончились снаряды, Самохин стал уничтожать контратакующую вражескую пехоту гранатами.

Танковый экипаж под командованием гвардии капитана Самохина уничтожил четы-

ре вражеских танка, самоходную установку и подавил несколько дзотов. В тот день экипаж танка Самохина израсходовал пять боекомплектов, более двадцати часов непрерывно находился в бою. «Самохин – это ас гвардейской бригады», – говорил М. Е. Катук [16, С. 3; 20, С. 31].

Исследование показало, что, кроме танковых засад, для обеспечения флангов обороны, бригадой постоянно велась боевая разведка, вовремя доносившая о направлении движения главных сил и готовящемся наступлении противника. Приданные бригаде артиллерийские средства в обороне использовались для ведения огня по скоплениям противника на исходных рубежах и по его подходящим колоннам.

Одним из главных принципов ведения оборонительного боя было сохранение в секрете действительных сил, не показывая противнику всех своих огненных средств. При всех случаях обороны, кроме обязательной высылки танковых засад на фланги (главным образом потому, что бригада не имела соседей), в первом эшелоне боевого порядка пехоты в естественных масках устанавливались танки кинжального действия. Ударная группа, как правило, использовалась для нанесения коротких ударов по танкам противника. Одним из слабых мест нашей обороны было отсутствие или недостаточное прикрытие авиацией действий бригады. В результате этого авиация противника налетами больших групп бомбардировщиков (иногда до 17 самолетов одновременно) систематически бомбила и обстреливала боевые порядки обороны. Имеющийся зенитный дивизион не в состоянии был в полной мере обеспечить с воздуха всю глубину обороны. Применяемые сооружения ложных окопов и огневых точек в обороне предотвратили большие потери обороняю-

щихся от артиллерийского и минометного обстрела и авианалетов противника.

К началу контрнаступления наши войска имели 774 танка. Вместе с пехотой они взламывали оборону противника, а затем, оторвавшись от стрелковых частей и соединений, стремительно преследовали, окружали и уничтожали его. В наступательных боях в районе Клина особо отличились 8-я танковая бригада полковника П. А. Ротмистрова и 21-я танковая бригада подполковника А. Л. Лесового. Большую роль в разгроме противника в районе Истры сыграли подвижные танковые группы генералов М. Е. Катук и Ф. Т. Ремизова, а также 112-я танковая дивизия под командованием полковника А. Л. Гетмана – в развитии наступления на калужском направлении и освобождении Калуги.

С 4 по 11 октября 1941 года проходили тяжелые бои, но враг далее г. Мценск не прошел. В этот день у М. Е. Катук состоялся разговор по прямому проводу с товарищем Сталиным. Он получил задание срочно перебросить бригаду под Москву с задачей защищать столицу. Бригада, маршевым ходом преодолев около 400 км, прошла от Мценска и заняла рубеж обороны в 105 километрах от Москвы – в районе ст. Чисмены [4, С. 78–82; 22, С. 91–92].

В Подмосковье, встречая пополнение, комбриг Катук говорил: «Вам выпала большая честь служить в танковой гвардии. Для того чтобы умело воевать, надо учиться. А учиться у нас есть у кого. В бригаде имеются настоящие профессора танкового боя, которые воюют с первого дня войны. Командир танкового батальона Александр Бурда уничтожил более 30 фашистских танков, Константин Самохин – командир роты – тоже больше 30... Вот у них и учитесь!» [16, С. 3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сражение на участке Орёл – Мценск длилось 9 дней. В целом же Орловско-Брянская оборонительная операция завершилась 23 октября. Очередным бастионом на пути неприятеля стала Тула. Гитлеровский блицкриг, теряя энергию и напор, превращался в затяжную войну, к которой германское командование не было готово.

Танкисты-катуковцы первыми нанесли серьёзное поражение одному из лучших танковых командиров фашистской Германии – Г. Гудериану и первыми среди танкистов удостоились звания гвардейцев. Танкам Гудериана так и не удалось победно пройти по Москве. Только в боях с танкистами-катуковцами было потеряно 133 танка из подошедших к Орлу 350 [21, С. 110–122].

Битва за Москву, Курская битва, освобождение Украины, Польши, Германии – таков неполный военный путь катуковцев.

Именем М. Е. Катукова названа улица во Мценске. Имя Катукова носят школа № 37 города Орла и музей боевой славы, открытый в этой школе в 2003 году. 6 октября 2001 года в честь 60-летия танковой гвардии Советского Союза был открыт мемориальный комплекс танкистам-первогвардейцам в Первом Воине, а 21 октября 2014 г. состоялось открытие бюстов И. Т. Любушкина и А. А. Рафтопулло.

В целом, анализируя действия 4-й танковой бригады, можно сказать, что Катуков вёл бои исключительно активно и инициативно, широко применяя тактику танковых засад, совмещенную с контратаками. Бригада всегда вела тщательную разведку, командование бригады проявляло инициативу, настойчивость и нестандартность в ведении боевых действий.

«Профессора»-катуковцы отличались командирской зрелостью, тактическим искус-

ством, личной храбростью. На полях сражений они проявляли мужество и героизм. Их тактика – наносить сдерживающие удары по врагу малыми силами, действовать из засад, создавать ложные позиции, часто меняя рубежи обороны, наносить врагу фланговые удары и т. д. – это военное мастерство как их самих, так и комбрига М. Е. Катукова, привносила новизну в танковые стратегии и способствовала достижению поставленных задач, в том числе в условиях превышения сил противника.

О катуковцах ходили легенды, пересказывались необыкновенные эпизоды боёв и героических подвигов. И хотя в пересказах не было никаких домыслов, с трудом верилось, что совершают эти подвиги обыкновенные люди: тамбовский крестьянин Иван Любушкин, донецкий шахтёр Александр Бурда, кадровый военный родом из ивановской деревеньки Владимир Горелов, инженер-киевлянин Павел Дынер, офицер-сибиряк Владимир Подгорбунский, партработник из Горького Иван Дервянкин.

Успехи боевых действий бригады в основном были предрешены правильной постановкой вопросов боевой подготовки в период формирования и правильным пониманием всем личным составом бригады задач Отечественной войны советского народа.

Библиография / References:

1.Алексеев В.В. Герой-танкист Д.Ф. Лавриненко в боях за Москву осенью 1941 года // История Московского края: Проблемы, исследования, новые материалы : Материалы научно-практической конференции, посвященной 75-летию Московской битвы, Москва, 20 02. 2017 года / Под редакцией Д.Д. Богоявленского. – М.: Московский государственный

- областной университет, 2018. – С. 53–63.
2. Барчуков И.Н. Мценск в период Великой Отечественной войны / И.Н. Барчуков // Интеллектуальный потенциал XXI века инновационной России: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции обучающихся и студентов, Мценск, 22 мая 2020 года. – Мценск: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2020. – С.260–263.
- 3.Беляев Ю. Бессмертное имя // Орловский военный вестник. – 2013. – № 10. – С. 86-88.
- 4.Воробьева В. Октябрь 1941года. У «южных ворот» Москвы // Орловский военный вестник. – 2013. – № 10. – С.78–82.
- 5.Герои Великой Отечественной войны: Страницы биографий. Рек. библиогр. указ. /Сост. Н.П. Баранова, Н.И. Бекетова, В.Г. Иванов и др.; Науч. ред. д-р ист. наук, проф. Г.А. Куманев. – М.: Книга, 1981. – 144с.
- 6.Гладышева Л. Танк Катюкова // Орловский военный вестник. – 2013. – № 12. – С. 118–122.
- 7.Гот Г. Танковые операции. – М.: Воениздат, 1961. – 207с.
- 8.Дмитрий Фёдорович Лавриненко // Орловский военный вестник. – 2013. – №12. – С.94–101.
- 9.Жуков Ю. Люди сороковых годов: Записки военного корреспондента. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1975. – 447с.
- 10.Катуков М.Е. На острие главного удара. – М.: Высшая школа, 1984. – 156с.
- 11.Куликов В.М. Забытый герой Курской битвы. – Курск: Бабкина Г. П, 2021. – 129с.
- 12.Лелюшенко Д.Д. Москва-Сталинград-Берлин-Прага. Записки командарма. – М.: Наука, 1971. – 406с.
- 13.Михалчук А. 4-я танковая бригада в боях под Мценском // Орловский военный вестник. – 2016. – №10. – С.105–124.
14. Небольсин И. В. Первая из гвардейских. 1-я танковая армия в бою. – М.: Яуза: Эксмо, 2016. – 1052с.
15. Нехай А. На дальних подступах // Орловская правда. – 1986. – 26 ноября. – С.4.
16. Павловский Г. Помнит Орловщина, помнит Москва // Орловский комсомолец. – 1986. – 4ноября. – С.3.
17. Рафтопулло А. Люди в броне // Орловская правда. – 1985. – 4 августа. – С.3.
18. Советские танковые войска 1941–1945 гг. – Кингисепп, 2004. – 176с.
19. Советские танковые войска. 1941-1945: Воен.-ист. очерк. – М.: Воениздат, 1973. – 333с.
20. Щекотихин Е.Е. Первый Воин – Первая танковая гвардия: рождение, слава, память. – Орёл: Александр Воробьев, 2011. – 276с.
21. Яворская Е. Орёл. Октябрь 1941 года // Орловский военный вестник. – 2014. – №10. – С.110–122.
22. Яковлев В. Рождение танковой гвардии // Орловский военный вестник. – 2013. – № 10. – С.91–92.
- 1.Alekseev V.V. (2018) Geroy-tankist D.F. Lavrinenko v boyakh za Moskvu osen'yu 1941 goda [Tank hero D.F. Lavrinenko in the battles for Moscow in the autumn of 1941] // Istoriya Moskovskogo kraya: Problemy, issledovaniya, novye materialy: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu Moskovskoy bitvy, Moskva, 20 fevralya 2017 goda / Pod redaktsiey D.D. Bogoyavlenskogo. – М.: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. – S.53-63. (In Russ.).
2. Barchukov I.N. (2020) Mtsensk v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Mtsensk during the Great Patriotic War] / I.N. Barchukov // Intel'ktual'nyy potentsial XXI veka innovatsionnoy Rossii: Materialy IX Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii obuchayushchikhsya i studentov, Mtsensk, 22 maya 2020 goda. –

- Mtsensk: Orlovskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.S. Turgeneva. – S. 260-263. (In Russ.).
3. Belyaev Yu. (2013) Bessmertnoe imya [Immortal name] // Orlovskiy voenny vestnik. – №10. – S.78-82. (In Russ.).
4. Vorob'eva V. (2013) Oktyabr' 1941 goda. U «yuzhnykh vorot» Moskvy [October 1941. At the «southern gate» of Moscow] // Orlovskiy voenny vestnik. – № 10. – S. 78-82. (In Russ.).
5. Geroi Velikoy Otechestvennoy voyny: Stranitsy biografii [Heroes of the Great Patriotic War: Pages of biographies]. Rek. bibliogr. ukaz. /Sost. N. P. Baranova, N. I. Beketova, V. G. Ivanov i dr.; Nauch. red. d-r ist. nauk, prof. G. A. Kumanev. – M.: Kniga, 1981. – 144 s. (In Russ.).
6. Gladysheva L. (2013) Tank Katukova [Tank Katukova] // Orlovskiy voenny vestnik [Orel military Bulletin]. – №12. – S. 118-122. (In Russ.).
7. Got G. (1961) Tankovye operatsii [Tank operations]. – M.: Voenizdat. – 207 s. (In Russ.).
8. Dmitriy Fedorovich Lavrinenko [Dmitry Fedorovich Lavrinenko] // Orlovskiy voenny vestnik [Orel military Bulletin]. – 2013. – № 12. – S. 94-101. (In Russ.).
9. Zhukov Yu. (1975) Lyudi sorokovykh godov: Zapiski voennogo korrespondenta [People of the forties: Notes of a war correspondent]. – 2-e izd., pererab. i dop. – M. – 447 s. (In Russ.).
10. Katukov M.E. (1974) Na ostriye glavnogo udara [On the edge of the main blow]. – M.: Vysshaya shkola, 1974. – 156s. (In Russ.).
11. Kulikov V.M. (2021) Zabytyy geroy Kurskoy bitvy [The forgotten hero of the Battle of Kursk]. – Kursk: Babkina G. P. – 129s. (In Russ.).
12. Lelyushenko D.D. Moskva-Stalingrad-Berlin-Praga. Zapiski komandarma [Moscow-Stalingrad-Berlin-Prague. Notes of the commander]. – M.: Nauka, 1971. – 406s. (In Russ.).
13. Mikhailchuk A. (2016) 4-ya tankovaya brigada v boyakh pod Mtsenskom [4th tank brigade in the battles near Mtsensk] // Orlovskiy voenny vestnik. – №10. – S.105-124. (In Russ.).
14. Nebol'sin I.V. (2016) Pervaya iz gvardeyskikh. 1-ya tankovaya armiya v boyu [The first of the Guards. The 1st Tank Army in battle]. – M.: Yauza: Eksmo, – 1052s. (In Russ.).
15. Nekhay, A. Na dal'nikh podstupakh [On distant approaches] // Orlovskaya pravda. – 1986. – 26 noyabrya. – S. 4. (In Russ.).
16. Pavlovskiy G. (1986) Pomnit Orlovshchina, pomnit Moskva [Remembers Orlovshchina, remembers Moscow] // Orlovskiy komsomolets. – 4 noyabrya. – S.3. (In Russ.).
17. Raftopullo A. Lyudi v brone [People in armor] // Orlovskaya pravda. – 1985. – 4 avgusta. – S.3. (In Russ.).
18. Sovetskie tankovye voyska 1941–1945 gg. [Soviet tank troops 1941-1945]. – Kingisepp, 2004. – 176s. (In Russ.).
19. Sovetskie tankovye voyska. 1941-1945: Voen.-ist. ocherk [Soviet tank troops. 1941-1945: Military-ist. an essay]. – M.: Voenizdat, 1973. – 333 s. (In Russ.).
20. Shchekotikhin, E.E. (2011) Pervyy Voin – Pervaya tankovaya gvardiya: rozhdenie, slava, pamyat' [The First Warrior – The First Tank Guard: birth, glory, memory]. – Orel : Aleksandr Vorob'ev. – 276 s. (In Russ.).
21. Yavorskaya E. (2014) Orel. Oktyabr' 1941 goda [Eagle. October 1941] // Orlovskiy voenny vestnik. – № 10. – S.110-122. (In Russ.).
22. Yakovlev V. (2013) Rozhdenie tankovoy gvardii [The birth of the tank Guard] // Orlovskiy voenny vestnik. – №10. – S.91-92. (In Russ.).

ШЕСТАКОВ Александр Анатольевич, аспирант, кафедра истории и государственно-правовых дисциплин, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: aashestakov1970@mail.ru

SHESTAKOV A. A., Postgraduate Student, Department of History and State and Legal Disciplines, Central Russian Institute of Management, branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: aashestakov1970@mail.ru

**6-Я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В 1943 Г. – УЧАСТИЕ В КОРЕННОМ ПЕРЕЛОМЕ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

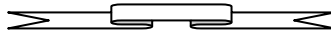
**THE 6TH RIFLE DIVISION IN 1943 – A PARTICIPATION IN THE RADICAL TURNING POINT
IN THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. Целью статьи является исследование процессов формирования и развития в 1918–1943 гг. 6-й Орловско-Хинганской дважды краснознамённой ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии, её участия в событиях Великой Отечественной войны в период 1943 года. Исследуется динамика структуры дивизии, её командный и политический состав, личный состав, его динамика и морально-политическое состояние, вооружение, подчинённость, боевая работа в течение 1943 г., включая участие в Харьковской оборонительной операции февраля–марта 1943 г., политическая работа по разложению войск противника.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 6-я стрелковая дивизия, Харьковская оборонительная операция, командный, политический и личный состав, комсомол, вооружение, национальности.

Abstract. The purpose of the article is to study the processes of formation and development of the 6th Rifle division in 1918-1943 and its participation in the Great Patriotic War in 1943. The dynamics of the division's structure, its command and political and personnel stuff, its dynamics and moral and political conditions, armament, subordination, combat work during 1943, including participation in the Kharkov defensive operation in February-March 1943, political work on the decomposition of enemy troops are studied.

Keywords: Great Patriotic War, 6th Rifle Division, Kharkov defensive operation, bossy, political and personnel stuff, Komsomol, weapons, nationalities.

ВВЕДЕНИЕ

6-я Орловско-Хинганская дважды краснознамённая ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия (в/ч 26003) имеет богатую историю участия в войнах первой половины XX века. В 1943 года, когда завершался

коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, 6-я СД участвовала в ряде сражений, в частности в Харьковской оборонительной операции. Так совпало, что в ходе Специальной военной операции 2022 года. Вооруженным силам Российской Федерации,

ДНР и ЛНР приходится воевать на этой же территории и вновь против войск нацистов и их союзников. Рассмотрим предысторию событий 1943 года через историю 6-й стрелковой дивизии и её участие в коренном переломе в ходе войны с гитлеровским фашизмом.

ФОРМИРОВАНИЕ 6-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

Дивизия была сформирована 3 (23) мая 1918 года с названием «Гатчинская пехотная дивизия». 24 июля (31 мая) 1918 года произошло переименование в 3-ю Петроградскую пехотную дивизию, а 11 сентября 1918 года приказом РВСР №4 названа 6-й стрелковой дивизией [7, 1]. Под этим наименованием, к которому постепенно добавлялись всё новые и новые награды, дивизия прошла свой боевой путь вплоть до расформирования в 1945 году.

БОЕВОЙ ПУТЬ 6-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В 1918–1945 ГГ.

С мая по ноябрь 1918 года дивизия защищала подступы к Петрограду. С ноября 1918 года по январь 1919 года принимала участие в освободительном походе РККА в Прибалтику и Белоруссию. С января 1919 года бойцы дивизии воевали с белогвардейскими и белоэстонскими войсками, войсками генерала Юденича. В мае 1919 года в 6-й СД тогда насчитывалось около 4600 бойцов и 23 орудия. 16 июня 1919 года 16-я и 17-я бригады 6-й СД участвовали в подавлении Кронштадтского мятежа [7, 2 об.]. Дивизия принимала участие в Нарвской операции в ноябре – декабре 1919 года, затем охраняла границу РСФСР с Эстонией. В феврале 1920 года 6-я стрелковая дивизия стала донором при формировании 15-й Сибирской дивизии.

Принимала участие в Польской кампании

1920 года в составе 15-й армии Западного фронта, участвовала в Варшавской операции, попала в окружение [7, 3–3 об.]. В течение октября 1920 года – февраля 1921 года уничтожала белогвардейские банды в районе Лепеля и Сенно.

13 марта 1921 года 6-я СД была передана в Орловский военный округ (ОрВО 1-го формирования). С марта 1921 года по сентябрь 1939 г. местом дислокации командных органов и многих подразделений дивизии стал город Орёл. Приказом Реввоенсовета от 30 ноября 1921 года дивизия получила почётное наименование «Орловская». В честь 10-летия своего существования 2 января 1928 года 6-я СД была награждена Почётным Красным Знаменем ЦИК СССР. В августе 1939 года дивизия дислоцировалась в Орле в составе Орловского военного округа (ОрВО 2-го формирования).

В ходе Польской кампании 6-я СД 11–13 сентября покинула Орёл и 17 сентября 1939 года поступила в распоряжение 10-й армии Белорусского фронта, в составе 11-го стрелкового корпуса принимала участие в сражениях в Западной Белоруссии. С октября 1939 года дивизия вышла на демаркационную линию с Германией по восточному берегу реки Буг, которая стала местом её постоянной дислокации в районе города Брест-Литовск.

В период советско-финской войны 1939–1940 гг. для отправки на фронт из личного состава дивизии сформировали два маршевых батальона.

22 июня 1941 года 6-я стрелковая дивизия продолжала дислоцироваться в районе города Брест-Литовска и Брестской крепости. Здесь её бойцы и приняли первый бой Великой Отечественной войны. Часть дивизии погибла в Брестской крепости, а ещё одна часть смогла отступить с боями. Они участво-

вали в контрударе под Мстиславлем в составе корпуса генерала Жадова, затем принимали участие в оборонительных боях под Брянском, Орлом и Курском, обороняла Щигры Курской области. 10 ноября 1941 года Брянский фронт был расформирован, и 6-я СД в составе 13-й армии была передана Юго-Западному фронту, прикрывала елецкое направление [См.: 16, 191–280]. Принимала участие во многих операциях Великой Отечественной войны. 28 мая 1945 года 6-я стрелковая дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени. В июле 1945 года была переброшена на Дальний Восток, где в составе Забайкальского фронта воевала против Квантунской армии Японии. Приказом Верховного главнокомандующего И. В. Сталина 23 августа 1945 года дивизии было присвоено почётное наименование «Хинганская».

С 10 сентября 1945 года дивизия приступила к расформированию, будучи в составе 57-го стрелкового корпуса. Расформирование 6-й Орловско-Хинганской дважды Краснознаменной ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии (в/ч 26003) было окончательно завершено в ноябре 1945 года.

УЧАСТИЕ 6-Й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ В 1943 Г.

Рассмотрим, как менялся командный состав 6-й стрелковой дивизии в течение 1943 г. В этом году командирами 6-й СД последовательно были шесть человек:

- с 1.12.1942 г. по 9.02.1943 г. – Штейман (Штепман) Яков Львович (1901–1984 гг.), полковник;

- с 10.02.1943 г. по 30.06.1943 г. – Горяшин Леонид Михайлович (1892–? гг.), полковник;

- со 2.07.1943 г. по 16.08.1943 г. – Билютин Кондратий Васильевич (1899–1975 гг.), полковник, Герой Советского Союза

(19.03.1943 г.);

- с 16.08.1943 г. по 8.11.1943 г. – Гречаный Ефстафий Петрович (1904–1959 гг.), гвардии генерал-майор;

- с 9.11.1943 г. по 10.12.1943 г. – Дрейер Николай Михайлович (1891–1969 гг.), гвардии генерал-майор;

- с 11.12.1943 г. по 11.05.1945 г. [5, С.342]¹ – Обушенко Иван Фёдорович (1910–1994 гг.), полковник, с 13.09.1944 г. генерал-майор.

Должность начальника штаба 6-й СД с 18.03.1942 г. по 19.07.1944 г. занимал гвардии полковник Александр Гаврилович Панков (1904–1985 гг.).

Начальники политотдела 6-й СД: Островский, подполковник (январь – март 1943 г.); Довженко, подполковник (июль – август 1943 г.); М. Н. Рябов, гвардии подполковник (ноябрь – декабрь 1943 г.).

В составе 6-й СД в 1943 г. находились в качестве основной силы три стрелковых полка:

- 84-й стрелковый Краснознаменный (с 1944 г.) Зволенский (с 1945 г.) полк (командиры: июнь 1942 г. – 24.05.1943 г. – Бочкарев Иван Егорович, отстранён от должности командиром 26-го гвардейского стрелкового корпуса [7, 10]); 24.05.1943 г. – 13.09.1943 г. – Павлов Александр Андреевич; 13.09.1943 г. – 10.04.1944 г. – Меркун Пётр Григорьевич);

- 125-й стрелковый ордена Александра Невского (с 1944 г.) Краснознаменный (с 1945 г.) полк (командиры: 1.06.1942 г. – 15.05.1943 г. – Куракин Михаил Иванович (убыл в Академию им. М. В. Фрунзе [7, 10]); 30.05.1943 г. – 30.11.1944 г. – Любичский Нико-

¹ По другим данным, полковник И. Ф. Обушенко вступил в командование 6-й Орловской стрелковой дивизией 2-го Украинского фронта с 11 декабря 1943 г., в том же месяце генерал-майор И. Ф. Обушенко был отозван в ГУК НКО. – URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander18826/>.

лай Матвеевич);

- 333-й стрелковый ордена Кутузова (с 1944) полк (командиры: 30.07.1942г. – март 1943г. Розановский Герман Яковлевич (ранен, убит в госпиталь [7, 10]); март 1943г. – Иванов Леонид Иванович, капитан; 18.03.1943г. – 12.11.1943г. – Пузыревский Матвей Маркович (откомандирован в распоряжение штаба 46-й армии); 12.11.1943г. – 7.02.1944г. – Лебедев Александр Иванович, майор [7, 10 об.]).

Артиллерия – «бог войны» – также была представлена тремя основными и одним вспомогательным подразделением:

- 294-й гаубичный артиллерийский полк (в составе 6-й СД с октября 1941г.);

- 131-й лёгкий артиллерийский краснознамённый (с 1945г.) ордена Богдана Хмельницкого II степени (с 1944г.) полк 2-го формирования (в составе 6-й СД с 28.04.1942; командиры: июнь 1942г. – май 1943г. – Швецов Виталий Гермогенович, подполковник (убыл в распоряжение штаба 34-го стрелкового корпуса); с мая 1943г. – Карташов Иван Платонович, подполковник [7, 10 об.]).

- 98-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион 2-го формирования (в составе 6-й СД с 11.03.1942г.);

- 158-я дивизионная артиллерийская ремонтная мастерская.

Специальные подразделения:

- 75-й отдельный разведывательный батальон;

- 111-й отдельный сапёрный батальон;

- 95-й медико-санитарный батальон;

- 57-я отдельная рота химической защиты;

ты;

- 31-й автотранспортный батальон;

- 108-я автотранспортная рота;

- 276-я (44-я) полевая хлебопекарня;

- 37-й отдельный батальон связи (514-я

отдельная рота связи);

- 115-я полевая почтовая станция (ППС);

- 252-я полевая касса Госбанка;

- 198-й дивизионный ветеринарный лазарет.

Дислокация и подчинение 6-й СД в 1943г.:

- ноябрь 1942г. – 1.01.1943г. – Приволжский военный округ, 10-я резервная армия РКК;

- 12–23.01.1943г. – 1-я гвардейская армия;

- 22.01. – 1.02.1943г. – Юго-Западный фронт, 6-я армия;

- 1.03 (3.02).1943г. – 1 (16).04.1943г. – Юго-Западный фронт, 6-я армия, 15-й стрелковый корпус;

- 1 (5) – 21.05.1943г. – Юго-Западный фронт, 6-я армия, 34-й стрелковый корпус;

- 19.05 (1.06).1943г. – 1 (7).08.1943г. – Юго-Западный фронт, 6-я армия, 26-й гвардейский стрелковый корпус;

- 5.08 (1.09).1943г. – 1 (21).10.1943г. – Юго-Западный фронт, 1-я гвардейская армия, 34-й стрелковый корпус;

- 22.10 (1.11).1943г. – 1.12.1943г. – 3-й Украинский фронт, 46-я армия, 6-й гвардейский стрелковый корпус;

- 2.12.1943г. – 29.02.1944г. – 26-й гвардейский стрелковый корпус;

- 7–10.12.1943г. – 34-й стрелковый корпус.

Демографические показатели военнослужащих 6-й СД в 1943г.

По возрастному составу 6-я стрелковая дивизия на 1.01.1943г. (9555 человек)/1.07.1943г. (6418 человек) выглядела следующим образом: 21 год и моложе – 1427/1245 человек (1922 г. р. и моложе), 22–25 лет – 1462/1234 (1921–1917 г. р.), 26–31 год – 1528/1182 (1916–1912 г. р.), 32–36 лет – 1653/1092 (1911–1907 г. р.), 37–41 год –

1578/841 (1906–1902 г.р.), 42–46 лет – 1394/635 (1901–1897 г.р.), 47 лет и старше – 413/189 человек (1896 г.р. и старше) [7, 13 об.].

Национальный состав 6-й стрелковой дивизии в 1943 г. был вполне интернациональным, только учтённых национальностей было 33. После доукомплектования на 1 января 194 г. в составе дивизии находилось 10 477 человек, после крупных боёв первой половины 1943г. на 1 июля числится 6418 человек, из них (числитель – на 1.01.1943г., знаменатель – на 1.07.1943г.): русских – 5410/4266 человек, украинцев – 1240/976, белорусов – 301/130, армян – 57/18, грузин – 52/23, азербайджанцев – 29/26, узбеков – 147/109, таджиков – 29/16, туркмен – 16/14, казахов – 334/155, киргизов – 29/29, карелов – 6/5, финнов нет, евреев – 155/87, чеченцев и ингушей – 2/2, кабардинцев и балкар – 13/6, осетин – 4/10, народов Дагестана – 2/1, татар – 218/169, чувашей – 103/58, мордвинов – 109/65, башкир – 71/57, калмыков – 11/21, удмуртов – 7/32, марийцев – 18/34, коми – 46/20, бурят – 14/8, молдаван – 1/нет, болгар – 1/нет, латышей и латгальцев – 1/нет, эстонцев 1/нет, литовцев – 1/1, поляков – 2/нет, немцев – нет, греков – 5/3, китайцев – нет, остальных народов – 62/69 [7, 12 об. – 13].

Национальные особенности личного состава дивизии учитывались, в частности, при ведении политработы. Так, летом 1943г. заместитель начальника политотдела 6-й СД майор И. Емец подписал список агитаторов, работающих среди бойцов и командиров нерусской национальности [12, 34] из 22 фамилий. В этом списке записаны красноармейцы и сержанты: украинцы (5 человек), белорус (1), башкиры (3), казахи (8), чуваш (1), татары (2) с образованием от 3 до

10 классов (в основном 5–7 классов), лишь единственный агитатор-еврей – беспартийный красноармеец А. С. Брильянщиков – имел высшее образование. Шестеро из 22 агитаторов были беспартийными, 10 – членами ВКП(б) или кандидатами, ещё пятеро – комсомольцами. Возраст агитаторов «нерусских национальностей» колебался от 18 лет (украинец В. А. Богатырь) до 44 лет (башкир Я. Ш. Бикбаев).

С 15 октября 1942г. до 1 января 1943г. 6-я СД находилась на доукомплектовании в Сталинградской области в составе 10-й резервной армии [7, 6]. Личный состав 6-й стрелковой дивизии в 1943г. после доукомплектования составлял 9435 человек (950 – начальственного состава, 1570 – младшего командного состава и 6915 рядовых). В дивизии имелся гужевой транспорт – 1208 лошадей – и автомобильный – 118 автомашин. На вооружении было 7004 винтовки и 918 автоматов ППД и ППШ, 111 станковых и 299 ручных пулемётов; 80 50-мм миномётов, 84 – 82-мм и 18 – 107-мм и 120-мм; 8 122-мм гаубиц, 32 76-мм пушки и 30 «сорокапятки» (45-мм противотанковые пушки), 227 противотанковых ружей (ПТР) [7, 16].

С 1 февраля по 25 марта 1943 года 6-я СД принимала участие в Харьковской оборонительной операции в составе 15-го стрелкового корпуса 6-й армии Юго-Западного фронта.

Третья битва за Харьков происходила на южном участке фронта, в районе Харькова и Воронежа.

Замысел советского командования состоял в захвате Харьковского промышленного района и захвате стратегической инициативы. К наступлению привлекались ряд армий Воронежского фронта, 6-я армия Юго-Западного фронта, в составе которой нахо-

дилась 6-я СД, 13-я армия Брянского фронта, 3-я танковая армия П. С. Рыбалко и части из резерва Верховного главнокомандования. Было достигнуто значительное превосходство над противником.

Для подготовки операции Ставка Верховного главнокомандования (ВГК) привлекла Г. К. Жукова и А. М. Василевского. Операция получила кодовое название «Звезда».

Планы немецкого командования. Командующий группы армий «Дон» («Юг») Э. фон Манштейн опасался отсечения своих войск от Днепра до Азовского моря. Бои под Харьковом стали боевым крещением для моторизованных дивизий войск СС «Рейх», «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «Мёртвая голова». Дивизии были сведены во 2-й танковый корпус СС Пауля Хауссера и переброшены из Франции.

Г. К. Жуков в своих мемуарах уточняет планы противника: «Контрнаступление против Юго-Западного фронта. Цель – отбросить фронт за реку Северский Донец, а затем нанести удар по войскам Воронежского фронта и захватить Харьков и Белгород... При наличии благоприятных условий обстановки расширить действия своих войск с целью ликвидации курского выступа» [1, С.428–429].

Операция «Звезда». Главный удар в тыл харьковской группировки противника наносили войска Воронежского фронта, на левом фланге с ними взаимодействовала 6-я армия Юго-Западного фронта. На правом фланге войска 60-й армии 8 февраля 1943 года овладели Курском. 9 февраля 40-я армия заняла Белгород и устремила с севера на Харьков. 15 февраля советские войска начали штурм Харькова и овладели городом.

Операция «Скачок». Командующий Юго-Западным фронтом Н. Ф. Ватулин одновре-

менно с операцией «Звезда» решил окружить немецкие войска в Донбассе. Операция получила название «Скачок». Прорыв фронта планировался 1-й гвардейской армией генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова и 6-й армией генерал-лейтенанта Ф. М. Харитонova, в состав последней входила и 6-я СД.

Операция «Скачок» началась 29 января 1943 года наступлением 6-й армии в районе Купянска. Ко 2 февраля 6-я армия вышла к реке Оскол, а 4 февраля – к реке Северский Донец. 5 февраля был занят Изюм, на следующий день – Балаклея.

К 1 февраля 1943 года 6-я СД, совершив 450-километровый марш, вышла в район станции Берестовая Ворошиловградской области (ныне – Луганская народная республика) и участвовала в разгроме Купянской группировки вермахта. 8 февраля дивизия получила задачу окружить и уничтожить 302-ю пехотную дивизию противника. Ночью 9 февраля противник смог атаковать штаб дивизии в Малой Морозовке, который прикрывали 9-я рота 333-го полка и разведроты дивизии, и прорваться к Балаклее. В ходе ночного боя был ранен командир дивизии полковник Я. Л. Штейман и убит в госпиталь. Командование 6-й СД уже на следующий день – 10 февраля 1943 года – принял полковник Л. М. Горяшин [7, 10]. Об успешности ночной атаки неприятеля на штаб 6-й СД можно судить по содержанию заявки некомплекта командно-начальствующего состава 6-й дивизии по состоянию на 10.02.43г., в которой для заполнения штатов управления дивизией требуются: «1. Командир дивизии, 2. Адъютант командира дивизии, 3. Помощник начальника 1-го отделения штаба дивизии, 4. Помощник начальника 2-го отделения штаба дивизии, 5. Помощник начальника связи по радио, 6. Помощник начальника 5-го

отделения штаба дивизии, 7. Заместитель командира дивизии по тылу, 8. Командир взвода Особого отдела НКВД» [15, 7]. Как видим, штабной состав пострадал довольно существенно, кроме того, из документа видно, что при штабе, помимо разведроты и 9-й роты 333-го СП, находился еще и взвод чекистов, которые тоже приняли участие в ночном бою.

Быстро маневрировав, 6-я СД завершила окружение и уничтожила 302-ю ПД, ликвидировав 8500 солдат и офицеров противника [7, 6 об.]. Об одном из эпизодов этой операции мы узнаем из наградного листа на лейтенанта В. А. Мингалева, командира разведывательного взвода 125-го полка 6-й СД: «...в боях по уничтожению окруженной группы немецко-фашистских войск в районе населенных пунктов Борщевое, Мало-Морозовка, Савинцы, Ольховатка и Балаклея, за время с 8.2.43 по 12.2.43 обеспечивал полк разведкой... Со своим взводом уничтожил свыше 50 нем. солдат, захватил 6 пленных и важные документы» [14, 10]. Лейтенант был представлен к ордену Красной Звезды.

19 февраля 6-я стрелковая дивизия получила задание овладеть городом Красноградом Харьковской области, но противник нанёс встречный удар против 84-го и 333-го полков 6-й СД силами нескольких мотопехотных дивизий и 2-го танкового корпуса СС, который впервые применил в бою новые танки «Тигр» и самоходные орудия «Фердинанд». Противотанкисты подбили около 35 танков противника, но потеряли при этом три батареи ИПТА и 70 % всей артиллерии. Войска дивизии были вынуждены по приказу командира полковника Л. М. Горяшина отступить до рубежа Кегичовка – Андреевка, где и заняли оборону [7, 6 об.].

22 февраля противником был занят Павлоград. На южном участке фронта немцам удалось отразить наступление советских войск на линии реки Миус. Две гвардейские танковые бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса были окружены. У Дебальцево попали в окружение и попали в плен части советского 8-го кавалерийского корпуса во главе с командиром генерал-майором М. Д. Борисовым. Советские танковые части генерала М. М. Попова были расчленены на мелкие группы и уничтожены. Немецкие войска 25 февраля заняли Лозовую, а затем – Царедаровку и Панютину.

До 28 февраля войска 6-й СД отбивали атаки, уничтожив 51 танк, 9 бронемашин, 25 автомашин, 13 орудий, 8 мотоциклов, 1670 солдат и офицеров противника, но затем под давлением танковой дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» отошли к реке Северский Донец в район Чугуева [7, 6–6 об.].

Немецкие войска 1–2 марта начали наступление на Харьков, 10 марта подошли к городу, а 14 марта город Харьков был окружен. Генерал-майор Е. Е. Белов, руководивший обороной Харькова, смог пробиться из окружения и вывел войска на восточный берег реки Северский Донец. 18 марта Харьков пал, а вскоре враг захватил и Белгород.

Несмотря на печальное завершение операций «Звезда» и «Скачок», были достигнуты и некоторые положительные результаты. Так, в ходе развернувшегося наступления с 13 января по 3 марта 1943 года наши войска нанесли ряд тяжёлых поражений группе армий «Б» вермахта, были почти полностью уничтожены входившие в её состав 2-я венгерская и 8-я итальянская армии. Была освобождена частично на постоянной основе значительная территория с такими крупными

промышленными и административными центрами, как Воронеж, Курск, Белгород, Харьков. 6-я СД в составе 15-го стрелкового корпуса 6-й армии Юго-Западного фронта участвовала в освобождении от фашистов 5 февраля 1943 года города Балаклея Харьковской области, расположенного на левом берегу реки Северский Донец. Всего за период наступления войска дивизии освободили один город, пять районных центров и 55 других населённых пунктов [6, 1].

Неудачи советских войск и недооценка сил фронтов, в результате чего РККА пришлось вновь оставить отбитые у немцев крупные города и отступить на 100–150 км, мотивировала Государственный комитет обороны к действиям по укреплению военной контрразведки и созданию её специализированной службы – Смерш.

Ко времени окончания Харьковской операции, в конце марта 1943 г., личный состав 6-й стрелковой дивизии сократился в 2,3 раза – с 9435 человек до 4096 (начальствующий состав – с 950 до 639, младший командный состав – с 1570 до 734, рядовой – с 6915 до 2723 человек). Грузовой транспорт дивизии уменьшился почти вдвое – с 1208 до 660 лошадей, а автомобильный почти втрое – со 118 автомашин до 43. Уменьшилось и количество вооружения: винтовок – с 7004 до 1918; автоматов ППД и ППШ – с 918 до 401; станковых пулемётов – со 111 до 36, ручных – с 299 до 95; миномётов 50-мм – с 80 до 14, 82-мм – с 84 до 38, 107-мм и 120-мм – с 18 до 11; 122-мм гаубиц – с 8 до 7; 76-мм пушек – с 32 до 12, 45-мм – с 30 до 3; противотанковых ружей (ПТР) – с 227 до 75 [7, 16].

Заметим, что на оставшихся в марте 1943 г. 2723 рядовых приходилось 1918 винтовок, 401 автомат и 95 ручных пулемётов (2414 единиц), то есть 309 бойцов не имели

личного стрелкового оружия, в то время как после переформирования в январе в 6-й стрелковой дивизии имелся некоторый избыток оружия – на 6915 рядовых приходилось 7004 винтовки, 918 автоматов и 299 ручных пулемётов (8221 единица).

Затяжные бои были нелёгким испытанием для бойцов, и не все смогли пройти их достойно. По информации политотдела 6-й стрелковой дивизии, с 1 февраля по 15 марта 1943 года было зафиксировано шесть случаев умышленного членовредительства, шесть случаев побега с поля боя, три случая неисполнения приказаний, два самовольных отхода без приказа [12, 42 об.]. Хотя эти воинские преступления имели место, но они носили явно единичный характер и не оказывали существенного влияния на морально-политическое состояние личного состава дивизии.

С марта по 12 августа 1943 года части 6-й стрелковой дивизии в составе войск Юго-Западного фронта занимали оборону по реке Северский Донец в районе Чугуева (в апреле штаб был расквартирован в с. Лиман [13, 22]). За этот период дивизия последовательно побывала в составе 15-го стрелкового корпуса (1.03.1943 – 16.04.1943); 34-го стрелкового (1–21.05.1943); 26-го гвардейского стрелкового корпуса (19.05. – 1.08.1943) Юго-Западного фронта, 6-й армии. А 5 августа 1943 г. 6-я СД, оставаясь в составе Юго-Западного фронта, была включена в состав 34-го стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии. За это время в дивизии вновь поменялся командир – 30 июня 1943 года полковник Л. М. Горяшин был отозван в распоряжение штаба 6-й армии, а его место занял Герой Советского Союза гвардии полковник К. В. Билютин [7, 10].

С 12 августа войска 6-й СД перешли в

наступление. Согласно боевому донесению № 00183 от 12.08.1943г., в 14:00, командира дивизии гвардии полковника К. В. Билютин 84-й и 333-й полки форсировали реку Северский Донец, в то время как 125-й полк удерживал рубеж на левом берегу [8, 2]. Части дивизии на фронте в 1,5 км прорвали сильно укрепленную оборону 336-го пехотного полка противника на правом берегу реки и, преодолевая упорное сопротивление, устремились вперед. В начале Донбасской наступательной операции дивизия попала под немецкий контрудар и «за самовольный и необоснованный отход частей дивизии» 16 августа 1943 года Герой Советского Союза полковник К. В. Билютин был снят с должности командира дивизии и убыл в распоряжение штаба 1-й гвардейской армии, а 2 сентября его с понижением назначили заместителем командира 25-й гвардейской стрелковой дивизии. Командиром 6-й СД с 16 августа был назначен гвардии генерал-майор Е. П. Гречаный [7, 10].

В результате ночной атаки 18 августа 1943 года дивизия освободила от противника районный центр Харьковской области город Змиев. Бойцы 333-го стрелкового полка водрузили красное знамя на здании райсовета [6, 2]. Освобождение города Змиев и еще 20 населенных пунктов бойцами 6-й СД имело большое значение в освобождении города Харькова.

За период боёв с 13 по 20 августа 1943 года подразделения 6-й СД уничтожили до 2000 солдат и офицеров противника, 6 орудий, 28 миномётов и 73 пулемёта. В плен было захвачено 26 солдат противника, 18 орудий и миномётов, 23 пулемёта и «много другого вооружения и имущества» [7, 7].

В ночь с 22 на 23 августа 1943 года подразделения 6-й СД, согласно распоряжению

штаба 34-го корпуса, сдали свои участки обороны частям 31-й СД и 353-й СД и к 6:00 сосредоточились в районе оврага Добрый [9, 1], а затем к 25 августа заняли рубеж на фронте 5,5 км в районе станции Беспаловка для последующего наступления [9, 7] против 371-го пехотного полка 161-й пехотной дивизии и 868-го пехотного полка 355-й дивизии противника [9, 11].

Верховный главнокомандующий Маршал Советского Союза И. В. Сталин высоко оценил боевые действия наших войск и 23 августа 1943 года объявил благодарность личному составу 34-го стрелкового корпуса, в состав которого входила 6-я СД.

9 сентября 1943 года части дивизии, ведя наступление в районе села Верхний Бишкин (до 1917г. – Верхне-Русский Бишкин) Первомайского района Харьковской области, после ожесточенных боев взломали вторую укрепленную оборонительную полосу противника, осуществили успешное наступление и захватили село. 10 сентября дивизия форсировала реку Берек и продолжила наступление, а 16 сентября столкнулась с сопротивлением противника, отбила шесть контратак, и продолжила преследовать отступающие части вермахта. 23 сентября на подходе к реке Днепр части 6-й СД встретили сильное сопротивление противника, который на высотах в районе с. Спасское заранее подготовил оборонительный рубеж для защиты переправ через Днепр [7, 7].

После трёхдневных непрерывных боёв 26 сентября части дивизии прорвали оборону противника, подошли к реке Днепр и 27 сентября 1943 года овладели северозападной частью города Днепропетровск. За период боев от реки Северский Донец до реки Днепр дивизия прошла 220 км и освободила 80 населенных пунктов и один город.

В ходе боевых действий было уничтожено 3200 солдат и офицеров противника, 19 орудий, 44 миномёта, 130 пулемётов, в плен захватили 60 солдат и офицеров, трофеями стали 39 неприятельских орудий и миномётов, 82 пулемёта, 95 лошадей, другое вооружение и имущество. Потери дивизии составили 673 человека убитыми и 3159 – ранеными [7, 7].

22 октября 1943 года дивизия переправилась через реку Днепр, начала наступление на правом берегу Днепра в районе Романково с целью расширения захваченного плацдарма и освобождения города Днепро-дзержинск. Выполняя боевую задачу на правом берегу реки Днепр, части дивизии, ведя упорные бои совместно с другими частями, разгромив противника, освободили город Днепродзержинск.

Верховный главнокомандующий в своем приказе от 25 октября 1943 года отметил 6-ю СД, как особо отличившуюся в боях за освобождение городов Днепропетровск и Днепро-дзержинск, объявил благодарность всему личному составу дивизии и представил дивизию к награждению орденом Красного Знамени. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 октября 1943 года 6-я стрелковая Орловская дивизия была награждена орденом Красного Знамени за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество [4, 221]. Теперь у дивизии вместо 6-я КСД (6-я краснознаменная стрелковая дивизия) [11, 1] появилась новая аббревиатура – 6-я ОКОКЗСД, что означало: «6-я Орловская краснознаменная ордена Красного Знамени стрелковая дивизия» [10, 2].

С 22 октября до декабря 1943 г. 6-я

стрелковая дивизия в составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса 46-й армии 3-го Украинского фронта на правом берегу реки Днепр прошла с боями 165 км и освободила 35 населенных пунктов [6, 2]. 23–24 октября дивизия столкнулась с упорным сопротивлением противника в районе оврагов у села Романково-Аулы Днепропетровской области, но смогли перерезать железную дорогу. Наступление продолжалось до 3 ноября 1943 года, когда противник смог закрепиться на заранее подготовленном оборонительном рубеже в районе Софиевки, Весёлой Долины. 8 ноября в дивизии вновь сменился командир – гвардии генерал-майора Е. П. Гречаного отозвали в распоряжение штаба 46-й армии, назначен был гвардии генерал-майор Н. М. Дрейер.

Новый командир, располагаясь со своим штабом в с. Покровка, 10 ноября 1943 года отдает дивизии приказ прорвать оборону противника – частей танковой дивизии «Великая Германия» на рубеже в районе с. Весёлая Долина [10, 2]. Однако сразу добиться успеха не удалось, и повторная атака была назначена на 13 ноября [10, 4]. По приказу командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса части 6-й СД 14 ноября вновь перешли в наступление, 16 ноября смогли прорвать оборону противника и овладеть Весёлой Долиной и посёлком Кирова. Преодолевая упорное сопротивление противника и обширные минные поля, к 29 ноября дивизия овладела северной частью Софиевки [7, 7–7 об.].

Боевая работа политотдела 6-й стрелковой дивизии в этом сражении видна из доклада заместителя начальника политотдела дивизии майора В. А. Никитина в политотделе 6-го гвардейского стрелкового корпуса и 46-й армии 3-го Украинского фронта: «Дона-

шу, что 27 ноября в 19:00 были проведены 2 передачи через О.З.С. [облегчённая звуковещательная станция – **А. С., А. Ш.**] для немецких солдат 15 пехотной дивизии (81 п.п.). В программе использовано: листовка № 435 (обработанная т. Ушаковым), листовка № 470, Текст № 6 и Сообщение Совинформбюро о взятии города Гомеля. Противник несколько раз прерывал передачу пулемётным огнём. Кроме этого, проводилась передача для наших бойцов и командиров. В 20:00 через О.З.С. был передан марш «Героям Сталинграда», после чего наши бойцы пошли в наступление. Все передачи производились в районе школы (с. Софиевка). За 27 ноября разведчиками распространено в районе с. Софиевка 1000 листовок» [13, 1].

О действенности такой работы политработников можно судить по допросам плененных. Ефрейтор Герберт Фибих, бывший телефонист при штабе 1-го батальона 354-го полка 62-й пехотной дивизии, пленённый 30 октября 1943 года, показал на допросе 9 ноября: «...Я несколько раз читал советские листовки, которые разбрасывали самолёты. В одной листовке рассказывалось о том, какие льготы предоставляются перебежчикам. Недавно я нашёл Манифест Национального комитета «Свободная Германия» и обращение Союза немецких офицеров. Многие солдаты были удивлены тем, что немецкие генералы и офицеры выступают против Гитлера. Но обращение было написано так убедительно, что ряд моих товарищей поверили в его правдивость...» [13, 6]. То есть немецкие солдаты под воздействием советской пропаганды в 1943 г. еще не шли строем сдаваться в плен, но их сознание явно начинало освобождаться от геббельсовской, фашистской пропаганды. А всякие сомнения ослабляли противника.

За период боёв с 22 октября по 2 декабря 1943 года частями 6-й СД было уничтожено до 5000 солдат и офицеров противника, 13 орудий разного калибра, 15 миномётов, 13 танков, 11 бронемашин, 85 лошадей, ещё 17 танков, 8 самоходных орудий и 9 бронемашин были повреждены. В плен захвачено 130 солдат и офицеров противника, 18 орудий разного калибра, 17 миномётов и 90 лошадей. Потери дивизии за этот период составили 930 убитыми и 3736 человек ранеными [7, 7 об.].

В ночь на 2 декабря 1943 года последовала следующая перегруппировка: части 6-й СД передали свою полосу обороны подразделениям 236-й СД, а сами сменили 353-ю СД на её рубеже. 10 декабря командир 6-й стрелковой дивизии гвардии генерал-майор Н. М. Дрейер был отозван в распоряжение командира 6-го гвардейского стрелкового корпуса, а его должность занял полковник И. Ф. Обушенко, который в сентябре 1945 года получит звание генерал-майора, командование 6-й СД завершит 11 мая 1945 года [7, 10].

Ночью на 12 декабря новую полосу обороны части 6-й СД сдали 20-й гвардейской стрелковой дивизии, а сами перешли в резерв 2-го Украинского фронта – в 26-й гвардейский стрелковый корпус – и вышли в район сосредоточения – Зелёный Гай – Ново-Осиповка – Артёмовка. К утру 26 декабря 1943 года 6-я СД заняла новый район сосредоточения – посёлок Дубовый – Марьяновка – Ново-Николаевка – Олимпиадовка и оставалась в нём до начала 1944 г. [7, 7 об.]. О некоторых чертах жизни личного состава, когда дивизия находилась в резерве, дают представление заметки из дивизионной газеты «Краснознамёнец»: «...*Лекция об управлении боем.* С большим вниманием прослу-

шали офицеры нашего подразделения лекцию, которую провел заместитель командира подразделения тов. Данилевский. *Дом отдыха*. Культурно и весело проводят время наши воины, находящиеся в доме отдыха. В нём бойцы и офицеры получают хорошее питание, организована квалифицированная медицинская помощь. Каждый день отдыхающие читают газеты, играют в домино, шашки, шахматы, часто просматривают художественные кинофильмы...» [2].

О морально-политическом настрое бойцов и командиров 6-й СД можно получить представление из содержания вопросов, которые они задавали лекторам из политотдела после проведения бесед. Заместитель начальника политотдела 6-й СД майор И. Емец летом 1943 года обобщил их в секретном донесении начальнику политотдела 6-й армии полковнику Нененко. Майор разделил вопросы командиров и рядовых бойцов, что было обосновано не только их разным содержанием, но и тем фактом, что эти две группы военнослужащих слушали лекции порознь, да и тематика лекций не совпадала. Командиры задавали вопросы по международному положению (о фронтах в Китае и на Тихом океане, партизанской борьбе во Франции, позициях Ирана, Испании и Португалии в отношении Советского Союза, опасности войны с Турцией), они требовали у докладчиков информации о противнике (структура и организация немецкой армии, новинки вооружения, система воспитания солдат), их интересовала позиция советского руководства относительно военных перспектив («Как понимать заявление тов. Сталина о том, что война только разгорается и развёртывается?» [12, 33]).

Вопросы от рядовых бойцов отчасти совпадали с тематикой интересов командиров.

Они тоже интересовались международным положением (война в Африке, польское правительство Сикорского), хотя и в значительно меньшем объёме, зато в практической плоскости («Какую помощь нам оказывают наши союзники Англия и Америка?», «Если второй фронт не будет открыт, сумеем ли мы в 1943 году окончательно разгромить гитлеровскую армию своими силами?»). Вопросы военно-практического характера также волновали красноармейцев («Каково положение на фронте нашей 6-й армии?», «Как бить немцев в обороне?», «Не нарушаем ли мы приказ тов. Сталина тем, что занимаем оборону, а не наступаем?», «Долго ли будем стоять с обороной?»). Наконец, в отличие от командиров, у бойцов были вопросы бытового характера («Чем объяснить ухудшение питания?»). Майор И. Емец пояснял, что привел лишь типичные вопросы, опустив тематику работы советской промышленности и сельского хозяйства, которая также присутствовала.

В 6-й СД работала своя комсомольская организация, у начальника политотдела дивизии был для этого специальный помощник по комсомолу, в январе – марте 1943 года эту должность занимал капитан Н. М. Кухарев [13, 1], с 8 апреля – старший лейтенант С. С. Шапиро [13, 21], а в декабре – капитан Беляев [13, 125]. Помощники начполитотдела дивизии получали задания от помощников начальников политотделов корпуса и армии по работе среди комсомола [13, 90]. В начале 1943 г. в дивизии действовало 13 первичных и 49 ротных организаций ВЛКСМ, в которых состоял 641 комсомолец (из них 35 женщин, 65 средних командиров, 135 младших командиров и 441 красноармеец), за январь было принято в организацию 69 новых членов, а один исключён, 27 ком-

сомольцев получили государственные награды – ордена и медали [13, 3]. Комсомольцы ежемесячно должны были платить членские взносы – по 10 копеек с красноармейцев, а командиры платили в зависимости от размеров своего денежного содержания – если получали менее 100 рублей, то – по 20 копеек, если от 100 до 150 рублей, то – по 60 копеек, и так далее до тех, кто получал более 500 рублей: для них взнос устанавливался в 3 % от зарплаты [13, 7]. 29 октября 1943 г. во всех комсомольских организациях отмечалось 25-летие со дня образования ВЛКСМ, всем политорганам на Юго-Западном фронте была разослана директива № 012 от 10 сентября начальника политуправления ЮЗФ генерал-майора Рудакова об организации юбилейных мероприятий, в которой предусматривались составление планов празднования, усиление агитации по приёму в комсомол, пропаганда героических традиций, проведение собраний актива, вечеров красноармейской самодеятельности, подготовка выставок и стендов, посвящённых юбилею [13, 91].

К концу декабря 1943 г. 6-я стрелковая дивизия пополнила свой личный состав и вооружение. В дивизии теперь служил 5621 человек (717 – начальственного состава, 868 – младшего командного состава и 4036 рядовых). В дивизии имелся гужевой транспорт – 834 лошади – и автомобильный – 62 автомашины. На вооружении были 2061 винтовка и 791 автомат ПГД и ППШ, 33 станковых и 134 ручных пулемёта; 2 50-мм миномёта, 25 – 82-мм и 5 – 107-мм и 120-мм; 7 122-мм гаубиц, 14 76-мм пушки и 16 45-мм противотанковых пушек, 93 противотанковых ружья (ПТР) [7, 17]. То есть после года сражений, несмотря на регулярные пополнения и достаточно длительные периоды нахождения в обороне, 6-я стрелковая дивизия была обеспечена как по численности своего личного

состава, так и по вооружению и технике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, 6-я стрелковая дивизия не приняла участия в основных сражениях 1943 года, определивших коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны – Сталинградской и Орловско-Курской битвах. На её долю выпало воевать на других участках фронта и в других битвах, главной из которых для дивизии стала весенняя Харьковская оборонительная операция. Воины и командиры 6-й стрелковой дивизии показали себя достойно в боях 1943 года, о чём свидетельствуют их правительственные награды и орден Красного Знамени на стяге дивизии.

Библиография/References:

1. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: издательство Агентства печати и новости, 1970. – 703с.
2. Краснознамёнец. Ежедневная красноармейская газета. – 1943. – 12 декабря.
3. Память народа // URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander18826/>.
4. Сборник приказов РВСР, РВС СССР, НКО и Указов Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами СССР частей, соединений и учреждений ВС СССР. Часть I. 1920-1944 гг. – М., 1967. – [http://x-torrents.org/details.php?id=56 ... omm2454523](http://x-torrents.org/details.php?id=56...omm2454523) (дата обращения 21.07.2022).
5. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (Далее – ЦАМО РФ). Ф. 361. Оп. 6.079. Д. 10.
6. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 3.
7. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 5а.
8. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 10.
9. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 11.
10. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 12.

11. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 13.
 12. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 46.
 13. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 1. Д. 49.
 14. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 2. Д. 3.
 15. ЦАМО РФ. Ф. 1.055. Оп. 2. Д. 14.
 16. Меркулов П.А., Леонова О.В. Особенности символической политики государства в гражданско-патриотическом воспитании молодежи постсоветской России // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т.16. – №6. – С.15-31.
 17. Щекотихин Е.Е. Орловская битва – два года: факты статистика, анализ. В 2-х кн. Кн. 1. – Орёл: Издатель А. Воробьев, 2006. – 695с.
1. Zhukov G.K. (1970) Vospominaniya i razmyshleniya [Memories and reflections]. – M.: izdatel'stvo Agentstva pechaty i novosti. – 703s. (In Russ.).
 2. Krasnoznamonets. [Red Banner] Yezhednevnyaya krasno-armeyskaya gazeta. – 1943. – 12 dekabrya. (In Russ.).
 3. Pamyat' naroda [Memory of the people] // URL: <https://pamyat-naroda.ru/heroes/pamyat-commander18826/> (data obrashcheniya 22.07.2022). (In Russ.).
 4. Sbornik prikazov RVSR, RVS SSSR, NKO i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR o nagrazhdenii ordenami SSSR chastey, soyedineniy i uchrezhdeniy VS SSSR. Chast' I. 1920-1944 gg. – M., 1967. - [http:// x-torrents.org/details.php?id=56 ... omm2454523](http://x-torrents.org/details.php?id=56...omm2454523). (In Russ.).
 5. Tsentral'nyy arkhiv ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (Daleyе – TSAMO RF). F. 361. Op. 6.079. D. 10. (In Russ.).
 6. TSAMO RF. F. 1.055. Op.1. D.3. (In Russ.).
 7. TSAMO RF. F. 1.055. Op.1. D.5a. (In Russ.).
 8. TSAMO RF. F. 1.055. Op.1. D.10. (In Russ.).
 9. TSAMO RF. F. 1.055. Op.1. D.11. (In Russ.).
 10. TSAMO RF. F. 1.055. Op.1. D.12. (In Russ.).
 11. TSAMO RF. F. 1.055. Op. 1. D.13. (In Russ.).
 12. TSAMO RF. F. 1.055. Op.1. D.46. (In Russ.).
 13. TSAMO RF. F. 1.055. Op.1. D.49. (In Russ.).
 14. TSAMO RF. F. 1.055. Op.2. D.3. (In Russ.).
 15. TSAMO RF. F. 1.055. Op.2. D.14. (In Russ.).
 16. Merkulov P.A., Leonova O.V. Osobennosti simvolicheskoy politiki gosudarstva v grazhdansko-patrioticheskom vospitanii molo-dezhi postsovetskoy Rossii [Features of the symbolic policy of the state in the civil and patriotic education of the youth of post-Soviet Russia] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2021. – T.16. – №6. – S.15-31.
 17. Shchekotikhin E.E. (2006) Orlovskaya bitva – dva goda: fakty statistika, analiz [Battle of Orel – two years: facts, statistics, analysis]. V 2-kh kn. Kn. 1. – Orel: Izdatel' Aleksandr Vorob'yov, 2006. – 695s. (In Russ.).

ПОТВОРОВ Артём Иванович, соискатель научной степени, Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского (Россия, Брянск), e-mail: portosic@mail.ru, AuthorID: 1077523

POTVOROV A.I., Applicant, Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University (Russian Federation, Bryansk), e-mail: portosic@mail.ru, AuthorID: 1077523

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ДРУЖИНЫ УЧАЩИХСЯ КАК
ЭЛЕМЕНТ ТРУДОВОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

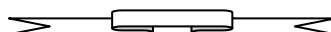
**AGRICULTURAL SQUADS OF STUDENTS AS AN ELEMENT OF LABOR MOBILIZATION
DURING THE FIRST WORLD WAR**

Аннотация. Цель статьи заключается в анализе особенностей формирования сельскохозяйственных дружин учащихся в годы Первой мировой войны. В литературе, посвящённой проблеме трудовых дружин учащихся, установлены общие сроки создания таких отрядов для сельскохозяйственных работ в условиях Первой Мировой войны, показаны особенности их формирования в различных районах страны и даже определена рентабельность деятельности. Однако некоторые из важных вопросов, связанных с мобилизационными мероприятиями России применительно к решению вопросов продовольствия, не получили конкретизации. В статье предпринята попытка нового взгляда на проблему через участие военных властей в организации продовольственного снабжения армии, через осуществление социальных государственных мероприятий по поддержке семей призванных на фронт нижних чинов. Автором также введен в научный оборот ряд новых документов, иллюстрирующих выдвинутые в статье положения.

Ключевые слова: Первая мировая война, трудовые сельскохозяйственные дружины учащихся, аграрное перенаселение, Положение о полевом управлении войск в военное время, социальная политика, продовольственное снабжение.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the features of agricultural student teams' formation during the First World War. According to the analysis of the references, the general terms for the creation of such squads for agricultural work in the conditions of the First World War are established; the features of their formation in various regions of the country are shown; the profitability of activities is determined. The author stressed that some of the important issues about the mobilization in Russia such as food problems, are not specified. The article analyzes the problem of the food supplies arrangement through the participation of the military authorities and through the implementation of social state measures to support the mobilized soldiers' families. The author also introduces a number of new documents into scientific circulation.

Keywords: World War I, agricultural squads of students, agrarian overpopulation, Regulations on-field command and control of troops in wartime, social policy, food supply.

ВВЕДЕНИЕ

Оценка деятельности молодежных трудовых дружин в условиях Первой мировой войны как среди современников, так и в новейших исследованиях отличается относительным единодушием в анализе положительных и отрицательных ее сторон, что не исключает новых обращений к этой тематике.

До начала активных военных действий ни один из их участников не представлял объемов будущих расходов и масштабов предстоящей экономической мобилизации: «Одной рукой сражаясь, народ другой вынужден поспешно создавать те средства, забота о которых в годы мира – важнейшая обязанность правительства» [19, С. 223]. Российская власть столкнулась с необходимостью в срочном порядке решать насущные проблемы. Одной из них выступало дело призрения семей военнослужащих, отправившихся на войну.

**ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ТРУДОВЫХ ДРУЖИН**

В 1914 году на каждого из призванных приходилось в среднем три человека членов семьи, находившихся на его иждивении [4]. По некоторым сведениям, в России «до середины 1917 года более 15 миллионов человек было брошено в горнило войны, причем в первый же год из народного хозяйства было изъято 7,4 миллиона человек преимущественно сельскохозяйственного населения "полного рабочего возраста"» [15, С. 37], а это означало, что около 45 миллионов населения в целом за период войны или приблизительно 22 миллиона в ее начале лишились своих кормильцев в городе и в деревне.

Между тем уже в начальный период войны Российское государство своей социальной политикой осуществило «определенный позитивный шаг на пути к формированию полно-

ценной системы социального обеспечения населения» [13, С. 109]. Основой тому послужил закон, принятый еще до войны, от 25 июня 1912 года «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». На его основе родственникам находившихся на фронте нижних чинов, большинство из которых были выходцами из деревни, назначался «от казны» специальный паек, который состоял не из продуктов, а из денег, которые население вынуждено было тратить на приобретение 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли и 1 фунта постного масла (РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271. Л. 15). Минимальная сумма на одного члена семьи, которому полагалось такое возмещение за утрату кормильца, отправившегося на фронт, колебалась осенью 1914 года от минимальных 2 руб. 40 коп. в Смоленской губернии (РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271. Л. 34) до максимальных 3 руб. 18 коп. в Калужской (РГИА. Ф. 1253. Оп. 1. Д. 271. Л. 41).

В столичных городах паек был выше по стоимости, но в данном случае нас интересуют его размеры в сельской местности. Суммы, получаемые семьями за счёт ушедших на фронт, были не столь велики, но для деревни регулярно получаемые деньги были большой редкостью. К тому же на первых порах они выдавались на три месяца вперед, и к ним могли добавляться суммы, которые получали крестьяне от военного интендантства, закупящего у них продовольствие, лошадей и повозки для армии по ценам выше рыночных.

Пайковые деньги в семьях, оставшихся без способных интенсивно трудиться мужчин, могли и использовались для найма работников. Однако возможности задействования сторонней рабочей силы ограничились из-за призыва в армию трудоспособного населения. Более того, первая выдача денежных пособий состоялась

только в конце августа и продолжалась в течение всего сентября, поскольку сначала требовалось составить и уточнить списки семей, которым полагались деньги от казны.

Война началась 19 июля 1914 года по старому стилю (1 августа – по-новому), как раз во время уборки урожая. В средней полосе на июль приходились сенокос, уборка хлеба (озимая рожь была основной культурой в крестьянском хозяйстве), вспашка земель, находившихся под паром. В августе в разных районах продолжались уборка и молотба, сев озимых.

По данным сельскохозяйственной переписи 1917 года, приведенным известным русским и советским экономистом П. И. Лященко, в 50 российских губерниях «было призвано в армию 22,6 % всех мужчин и 47,4 % всех трудоспособных мужчин» [10, С. 634]. По справедливому замечанию историка С. В. Букаловой, «...до войны существовало представление о «неисчерпаемости» человеческих ресурсов России. Вместе с тем уже первая мобилизация 1914 года, объявленная во время уборки хлебов, оставила без работников довольно значительное число крестьянских хозяйств...» [3, С. 142].

В центральных губерниях Российской империи отмечалось «аграрное перенаселение», т. е. количество рабочих рук в деревне было больше их реальной потребности. Так, в 1913 году «аграрное перенаселение составляло 32 миллиона человек, или 55,9 % трудоспособного населения села...» [12, С. 69]. Однако уже в 1914 году «по Европейской России недостаток рабочих рук... был зафиксирован в 14 губерниях (32 %)» [7, С. 61]. В 1915 году число таких губерний выросло до 36 (81 %) [11, С. 59].

Очевидно, что проблему недостатка работников в деревне невозможно было решить

традиционной взаимопомощью в рамках общины, которая с каждым новым воинским призывом теряла свой трудовой потенциал. Создание трудовых дружин из учащейся молодежи для оказания помощи сельским жителям выступало в сложившихся условиях в качестве одной из возможностей пополнения рабочей силы.

ИССЛЕДОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ДРУЖИН

Автор статьи, опубликованной в 1916 году в журнале «Русская школа», отмечал, что неизвестно, кто является автором идеи создания трудовых дружин, но допускал, что она «зашевелилась, но не могла реализоваться в чуткой душе юношества самостоятельно, последнее, с точки зрения общественно-педагогической, конечно, было бы в высшей степени ценным» [9, С. 2]. К подобному выводу приходят и современные исследователи. Так, Н. И. Горлова приходит к выводу: «Добровольческий труд учащихся был, с одной стороны, формой мобилизации необходимых трудовых ресурсов в условиях военного времени, с другой стороны – проявлением государственной молодежной политики» [5, С. 123]. Не ставя под сомнение это утверждение, попытаемся выяснить вопрос о характере вынужденности такого рода правительственных мер – что находилось на первом месте: экономическая составляющая или стремление адаптировать молодое поколение к военным условиям?

Современные исторические исследования достаточно убедительно доказали определенное единение российской власти и общества на начальном этапе Первой мировой войны. Отметим плодотворную работу В. В. Карповой, которая опубликовала более двадцати работ, посвященных проблемам создания и функционирования трудовых дружин учащихся.

Государство нуждалось в общественных инициативах, направленных на помощь раненым, на борьбу с угрозами эпидемий, на поддержку семей воевавших нижних чинов. В 1915 году со всей остротой встала проблема беженства и власти не в состоянии были её решить без соответствующей поддержки со стороны населения. При всем при том, «несмотря на патриотическую эйфорию, власть строго блюла свои жизненные принципы с первого дня существования общественных организаций» [18, С. 122].

Министерство народного просвещения в начале 1916 года опубликовало два циркуляра, посвященных трудовым дружинам. В первом, от 17 февраля 1916 года, отмечался достигнутый положительный результат их деятельности в предыдущем году, предлагалось усилить работу в этом направлении. Для этого рекомендовалось использовать «свой летний досуг на дело помощи в полевых работах» [16, С. 80]. Спустя месяц, 27 апреля 1916 года, в новом циркуляре министерства несколько запоздало отмечалась воспитательная роль участия молодежи в деятельности дружин. Утверждалось, что сельский труд способен укрепить «дух учащихся», восполнить «некоторую односторонность исключительно книжного знания, присущую нашей школьной молодежи» [17, С. 22–23].

Начавшись летом 1914 года, движение трудовых дружин учащихся продолжалось до середины 1917 года и при этом осуществлялось строго в соответствии с разработанными правилами. Авторы публикаций, посвященных деятельности молодежных трудовых дружин, едины в оценке сроков и места их возникновения. В брошюре, выпущенной в 1916 году Департаментом земледелия, содержится такая информация: «Трудовые отряды для работ в хозяйствах воинов были едва ли не впервые

применены в сельскохозяйственных учебных заведениях Министерства земледелия уже осенью 1914 года» [14, С. 1]. В журнале «Русская школа» содержится схожая информация: «Насколько позволяют судить литературные данные, ещё осенью 1914 года трудовая помощь в деревне на полях семей запасных была частично осуществлена учащимися сельскохозяйственных низших и средних учебных заведений ведомства Главного управления землеустройства и земледелия» [9, С. 1].

По мнению историка С. В. Букаловой, «...первые трудовые сельскохозяйственные дружины были устроены в Белоруссии студентами педагогических учебных заведений...» [3, С. 143]. Речь идёт о Витебском учительском институте и Полоцкой учительской семинарии, в которых в летне-осенний период 1914 года будущие учителя под руководством учебного начальства создали «трудовые ячейки» для оказания помощи в уборке урожая [3, С. 142].

И. В. Фомичев и В. М. Крюков также отмечают возникновение этой инициативы периодом летних каникул 1914 года. По их утверждению, учащиеся учебных заведений Виленского учебного округа добровольно стали оказывать посильную сельскохозяйственную помощь семьям нижних чинов, находившихся в действующей армии [1, С. 27–28].

В. В. Карпова и Л. Н. Семёнова в своей статье привели данные, в соответствии с которыми «Главное управление землеустройства и земледелия циркулярными распоряжениями от 28 июля, 2 августа и 9 октября 1914 года предложило инспекторам сельского хозяйства, губернским правительственным агрономам, директорам сельскохозяйственных учебных заведений оказать содействие в организации помощи семьям запасных и ратников» [8, С. 148].

Рассмотрение начального процесса созда-

ния трудовых дружин учащихся, на наш взгляд, оставляет за рамками причин их возникновения ситуацию, связанную с условиями развернувшихся военных действий, характеризовавшихся особыми отношениями гражданских и военных властей. В прифронтовых районах действовало Положение о полевом управлении войск в военное время, в соответствии с которым в руках военного командования находилась вся полнота власти. «Все местности и всё гражданское управление театра военных действий с объявлением мобилизации подчиняются главным начальникам соответствующих военных округов или военным генерал-губернаторам; <...> в местностях же, не объявленных на военном положении, гражданское управление подчиняется главным начальникам военных округов на правах генерал-губернаторов» [6, стлб. 3–5]. С этого документа начинался текст сборника «Законы, циркуляры и сенатские разъяснения по народному образованию».

Военным подчинялись не только губернские власти, но и значительная часть центральных государственных учреждений, интересы которых были так или иначе связаны с этими территориями. В таких условиях Министерство народного просвещения в части проведения своей политики должно было как минимум согласовывать ее с военными властями. В качестве определенного доказательства можно привести выдержку из письма на имя министра народного просвещения, направленного в декабре 1916 года из штаба Верховного главнокомандующего за подписью временно исполнявшего обязанности начальника штаба генерала В. И. Гурко и дежурного генерала генерал-лейтенанта П. К. Кондзеровского. В письме было сказано, что со стороны военных властей невозможно принять определенные «непременные обязательства» в том

или ином вопросе, так как вид и размер их всецело зависят от условий боевой обстановки на фронте и «удовлетворения прежде всего потребностей войск» (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3843. Л. 433–433 об.).

В этой связи показательным является признанное всеми авторами первенство Минской и Виленской губерний в создании трудовых дружин. Дело в том, что «...19 июля 1914 года, то есть перед самым началом войны, сложившаяся военно-окружная система претерпела изменения, и основная часть бывших Виленского и Варшавского округов вошла в состав вновь созданных Двинского и Минского. Официальное утверждение Двинского округа последовало 25 июля, а Минского – 28 июля 1914 года» [2, С. 31].

Подчиненные им территории включали в себя фронтовые и тыловые районы. От последних зависело снабжение материальными ресурсами армий, находившихся непосредственно на фронте. Между тем именно эти районы в наибольшей степени пострадали с точки зрения людских ресурсов, находясь в непосредственной близости от военных действий и пополняя состав войск. Вероятно, этими обстоятельствами объясняется активность Министерства земледелия и минского губернатора Алексея Фёдоровича Гирса в деле создания трудовых дружин.

В Минской губернии в трудовых дружинах в сезон работало 280 учащихся, представлявших 18 учебных заведений: Минскую классическую гимназию, Минское реальное училище, Минское железнодорожное высшее начальное училище, Бобруйскую частную гимназию, Матвеевское начальное училище, Мозырскую мужскую классическую гимназию, Пинское реальное училище, Паричское, Бобруйское, Докшицкое, Барановичское, Пинское, Игуменское, Брагинское, Мозырское, Городищенское,

Лоевское Романовское, Слуцкое высшие начальные училища (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 164–164 об.). Практически можно говорить о мобилизации учащихся на решение проблем, связанных с осуществлением сельскохозяйственных работ в пользу снабжения армии.

В ведомстве минского губернатора А. Ф. Гирса 18 апреля 1915 года были также созданы «Основные правила организации трудовых дружин учащихся старших классов учебных заведений Министерства народного просвещения в Минской губернии». Документ предусматривал формирование трудовых дружин исключительно на добровольной основе. В их состав входили учащиеся старших классов, причем первоначально подразумевалось использование только мужских учебных заведений. Контроль за процессом создания таких отрядов возлагался на местное училищное начальство. Требовалось подтверждение со стороны родителей их согласия на включение молодых людей в дружины.

Учащимся предстояло работать в хозяйствах запасных и ратников ополчения, нуждавшихся в рабочей силе. Распределение их по уездам осуществляли начальники учебных заведений, а контроль за работой проводили агрономы от уездных землеустроительных комиссий и «сельскохозяйственные старосты». «Основные правила» ограничивали численность каждой дружины 15–20 человеками. Во главе этих отрядов должен был находиться местный учитель или тот же «сельскохозяйственный староста». Учащиеся не должны были получать особое вознаграждение, довольствуясь помещением и питанием в обслуживаемом хозяйстве. Причем продовольственные расходы крестьянам предусматривалось компенсировать за счет Минского отделения Комитета великой княгини Елизаветы

Фёдоровны, а дружинники не имели права отказываться от выполнения «главнейших» сельскохозяйственных работ в крестьянских хозяйствах. Были также ограничены переезды учащихся из одной части уезда в другую. По итогам работы дружин предусматривалось составление полугодовых отчетов начальнику губернии. Уездная администрация во главе с предводителем дворянства обязана была оказывать всяческое содействие работе дружинников. Все вопросы, касавшиеся организации трудовых дружин и не нашедшие ответов от уездных властей, поступали для разрешения минскому губернатору (РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 29. Л. 165).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на начальном этапе войны государственное участие в процессе формирования и функционирования трудовых дружин, состоявших из учащейся молодежи, было непосредственно связано с интересами руководства русской армии. На наш взгляд, это являлось определяющим с точки зрения мотивации создания этого направления деятельности молодых людей. Исходя из такой оценки, трудовые дружины не следует рассматривать как исключительно воспитательное мероприятие, нацеленное на развитие трудовых, коллективистских начал, на потенциальное сближение города и деревни. В то же время в реальном процессе их использования для помощи деревне проявились и указанные аспекты. Неслучайно публицист журнала «Русская школа», имея в виду воспитательное влияние трудовых дружин на учащуюся молодежь, отмечал, что целый ряд проблем решались сами собой, «стихийно, иногда безотчетно, без заранее придуманного плана...» [9, С. 2].

В условиях войны участие учащихся в трудовой деятельности в целях защиты хозяйств

семей, потерявших на временной или постоянной основе своих кормильцев, ушедших на фронт, давало возможность молодым людям реализовать свои патриотические устремления и отдать гражданский долг стране, оказавшейся в сложной экономической ситуации. Движение, начавшись на западных территориях страны, распространилось на 48 губерний Российской империи.

Библиография / References:

1. Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы Первой мировой войны // Материалы Третьей Международной научно-практической конференции «Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы», 23–25 апреля 2009 года. – Пинск, 2009. – Ч. 2. – С. 27–28.
2. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый исторический вестник. – 2019. – № 3 (61). – С.29–43.
3. Букалова С.В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодёжной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. – 2015. – № 2 (17). – С. 141–147.
4. Волостные попечительства // Пермская земская неделя. – 1914. – № 37. – 11 сентября.
5. Горлова Н.И. История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 5 (194). – С. 123–128.
6. Законы, циркуляры и сенатские разъяснения по народному образованию // Ежемесячный справочный журнал. – 1916. – № 1. – Январь. – Стлб. 1–24.
7. Карпова В.В. К вопросу об организационных особенностях формирования ученических трудовых дружин в 1915 г. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – СПб.: Питер, 2016. – С. 61–67.
8. Карпова В.В., Семёнова Л.Н. Молодёжные трудовые дружины в годы Первой мировой войны // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы Всероссийской научной конференции. – СПб., 2014. – Вып. 5. – С. 148–157.
9. Лебедев С. Трудовые дружины учащейся молодежи в деревне // Русская школа. – 1916. – Январь. – Кн. 1. – С. 1–30.
10. Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Капитализм. Изд. 4-е. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – Т. 2. – 728 с.
11. Огановский Н.П. Положение труда в сельском хозяйстве в 1916 года // Известия Главного комитета Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. – 1916. – № 52–53. – С. 59–89.
12. Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
13. Семионкина Н.Г. Некоторые особенности организации государственного призрения нижних чинов в Российской империи начала XX века // Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика. Материалы ежегодной Международной научной конференции. – Рязань, 2015. – С. 107–109.
14. Трудовые дружины учащихся и их устройство. Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию,

- состоящей при Департаменте земледелия. – Пг., 1916. – 36 с.
15. Фомичев И.В. Школа и просвещение в России в условиях войны и революции. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001. – 363 с.
16. Циркуляр Министерства народного просвещения № 1350 «О трудовых дружинах» от 27.04.1916 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 7. – С. 22–23.
17. Циркуляр Министерства народного просвещения № 3952 «О трудовых дружинах» от 17.02.1916 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1916. – № 4. – С. 80.
18. Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917 гг): Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел отечественной и зарубежной истории. – М.: Норма, 2003. – 152 с.
19. Штильман Г. Война и патриотизм // Вестник Европы. – 1916. – Июль. – С. 223–227.
1. Belorusskii pochин po organizatsii trudovykh sel'skokhoziaistvennykh družhin uchashchikhsia v gody Pervoi mirovoi voiny [The Belarusian initiative to organize student labor agricultural brigades during World War I] // Materialy tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ustoichivoe razvitie ekonomiki: sostoianie, problemy, perspektivy», 23-25 apreliia 2009 g. – Pinsk, 2009. – Ch.2. – S.27–28. (In Russ.).
2. Blokhin V.F. (2019) Voennaia tsenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoi mirovoi voiny [Military censorship of the Minsk Military District and the outbreak of World War I] // Novyi istoricheskii vestnik. – 2019. – №3(61). – P.29–43. (In Russ.).
3. Bukalova S.V. (2015) Trudovye družiny uchashchikhsia kak forma realizatsii molodezhnoi politiki v gody Pervoi mirovoi voiny [Student labor brigades as a form of youth policy during World War I] // Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia. – №2(17). – S.141–147. (In Russ.).
4. Volostnye popechitel'stva [Township trusteeships] // Permskaia zemskaiia nedelia. – 1914. – №37. – 11 sentiabria. (In Russ.).
5. Gorlova N.I. (2018) Istoriia vozniknoveniia i razvitiia dobrovol'nykh trudovykh družin uchashchikhsia kak formy volonterskoi deiatel'nosti molodezhi na territorii Kurskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voiny [History of the emergence and development of voluntary student labor brigades as a form of volunteer activities of young people in Kursk Province during the First World War] // Vestnik TGPU. – №5(194). – S.123–128. (In Russ.).
6. Zakony tsirkuliary i senatskie raz"iasneniia po narodnomu obrazovaniiu. Ezhemesiachnyi spravochnyi zhurnal. – 1916. – №1. – Ianvar'. – Stlb.1–24. (In Russ.).
7. Karpova V.V. (2016) K voprosu ob organizatsionnykh osobennostiakh formirovaniia uchenicheskikh trudovykh družin v 1915g. [On the Organizational Peculiarities of the Formation of Pupil Labor Brigades in 1915] // Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniia tsentra i regionov v istorii Rossii. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. – SPb., – S. 61–67. (In Russ.).
8. Karpova V.V., Semenova L.N. (2014) Molodezhnye trudovye družiny v gody Pervoi mirovoi voiny [Youth labor brigades during World War I] // Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniia tsentra i regionov v istorii Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii. – SPb. – Vyp.5. – S.148–157. (In Russ.).

9. Lebedev S. (1916) Trudovye družiny uchashcheisia molodezhi v derevne [Labor brigades of students in the village] // Russkaia shkola. – Ianvar'. – Kn.1. – S.1–30. (In Russ.).
10. Liashchenko, P.I. (1956) Istoriia narodnogo khoziaistva SSSR [History of the USSR national economy]. Kapitalizm. Izd. 4-e. – M., 1956. – T.2. – 728s. (In Russ.).
11. Oganovskii, N.P. (1916) Polozhenie truda v sel'skom khoziaistve v 1916g. [The situation of labor in agriculture in 1916] // Izvestiia Glavnogo komiteta Vserossiiskogo zemskogo soiuza pomoshchi bol'nym i ranenym voenam. 1916. № 52–53. – P. 59–89. (In Russ.).
12. Porshneva, O.S. (2004) Krest'iane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny [Peasants, Workers, and Soldiers of Russia on the eve and during World War I]. – M.: Norma. – 368s. (In Russ.).
13. Semionkina, N.G. (2015) Nekotorye osobennosti organizatsii gosudarstvennogo prizreniia nizhnikh chinov v Rossiiskoi imperii nachala KhKh veka [Some Peculiarities of the Organization of State Welfare of the Lower Ranks in the Russian Empire in the Early Twentieth Century] // Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: teoreticheskie aspekty i iuridicheskaia praktika. Materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Riazan'. – S.107–109. (In Russ.).
14. Trudovye družiny uchashchikhsia i ikh ustroistvo [Students' labor brigades and their structure]. Sbornik spravocnykh svedenii, sostavlennyi Komissiei po vneshkol'nomu sel'skokhoziaistvennomu obrazovaniiu, sostoiashchei pri Departamente zemledelii. – Pg. 1916. – 36s. (In Russ.).
15. Fomichev I.V. (2001) Shkola i prosveshchenie v Rossii v usloviakh voiny i revoliutsii [School and Education in Russia in the War and Revolution]. – Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2001. – 363s. (In Russ.).
16. Tsirkuliar Ministerstva narodnogo prosveshcheniia № 1350 «O trudovykh družinakh» ot 27.04.1916 [Circular of the Ministry of Public Education] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. – 1916. – №7. – S.22–23. (In Russ.).
17. Tsirkuliar Ministerstva narodnogo prosveshcheniia № 3952 «O trudovykh družinakh» ot 17.02.1916 [Circular of the Ministry of Public Education] // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. 1916. № 4. – S.80. (In Russ.).
18. Shevyrin V.M. (2003) Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii (1914–1917gg.) [Power and Public Organizations in Russia (1914-1917gg.)]: Analiticheskii obzor / RAN. INION. Tsentr sotsial'nykh nauchno-informatsionnykh issledovani. Otdel otechestvennoi i zarubezhnoi istorii. – M.: Norma, – 152s. (In Russ.).
19. Shtil'man G. (1916) Voina i patriotizm [War and patriotism] // Vestnik Evropy. – liul'. – S.223–227. (In Russ.).

УДК 343.917(092)

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-3-78-84

БАУШОВ Руслан Борисович, аспирант, кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru, AuthorID: 1103527

BAUSHOV R.B., Postgraduate student, Department of History, Political Science and Public Policy, Central Russian Institute of Management - branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: bpds-ozo@yandex.ru, AuthorID:1103527

УТОЧНЕНИЕ К БИОГРАФИИ ДМИТРИЯ ТИМОФЕЕВИЧА БУЦИНСКОГО

UPDATE TO THE BIOGRAPHY OF DMITRY TIMOFEEVICH BUTSINSKY

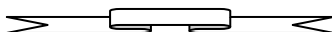
Аннотация. Целью статьи является уточнение биографических данных одного из известных революционеров-народников Дмитрия Тимофеевича Буцинского, а именно места его обучения после окончания Курского духовного училища. В процессе исследования изучалась и сравнивалась история Курской и Белгородской духовных семинарий, так как неясность в биографических данных не позволяла сказать с точностью, в какой из них обучался Дмитрий Тимофеевич после окончания Курского духовного училища и до поступления в Харьковский университет. Анализируя энциклопедические данные, можно сказать, что подобного уточнения не производилось, так как энциклопедические данные, ссылаясь на одни и те же библиографические источники, дают разную информацию по поднятому вопросу. В процессе исследования удалось уточнить учебное заведение, в котором Дмитрий Тимофеевич обучался после окончания Курского духовного училища.

Ключевые слова: духовное образование, Курская духовная семинария, Белгородская духовная семинария.

Abstract. The purpose of the article is to clarify the biography of one of the famous revolutionary populists Dmitry Timofeevich Butsinsky. The place of his studies after graduating from the Kursk Theological College is studied. The history of the Kursk and Belgorod theological seminaries are studied and compared. The lack of biographical data does not allow to say which of them D.T. Butsinsky studied at after graduating from the Kursk Theological College and before entering Kharkov University.

As a result, the author draws a conclusion that there were no such clarification before. The reference sources give different information about the issue, but after a deep analysis, the author can confidently name the D.T. Butsinsky's place of study after his graduating from the Kursk Theological College.

Keywords: spiritual education, Kursk Theological Seminary, Belgorod Theological Seminary.

ВВЕДЕНИЕ

Дмитрий Тимофеевич Буцинский родился в семье священнослужителя, окончил Курское духовное училище, а затем духовную семинарию и априори должен был доказывать своим поведением и воззрениями на жизнь полное соответствие христианской нравственности. Но его жизненный путь показывает иную направленность. Сразу после окончания семинарии он поступает в Харьковский университет, где становится организатором и лидером молодёжного революционного кружка, который в своих методах борьбы не исключал и террор. К примеру, основываясь на современной статистике, около 62 % россиян ассоциируют себя с православными, поэтому актуальным для настоящего времени является процесс становления взглядов молодого человека, который воспитывался в христианской среде, но не впитал в себя основных христианских ценностей. С этой позиции необходимо действительно немного уточнить информацию о месте его обучения, поскольку биографические данные разнятся. Местом обучения указывается как Курская, так и Белгородская духовная семинария. Для уточнения этого вопроса логично обратиться к истории возникновения и становления Курской и Белгородской духовных семинарий, сравнить их пути развития, обратиться к документальным материалам семинарий для уяснения вопроса обучения Дмитрия Тимофеевича после окончания Курского духовного училища. Интересен факт, что одним из членов землячества, а затем и «Кружка Буцинского» был однокашник Дмитрия Тимофеевича по семинарии Александр Преображенский, который также происходил из семьи священнослужителя, что не может не наводить на мысль о том, что революционные идеи зарождались в умах молодых людей уже при обучении в семинарии.

Очевидно, что даже воспитание в семье представителя духовенства не могло повлиять на молодых людей в строго христианском ключе.

При анализе энциклопедических данных становится очевидным, что при описании биографии Дмитрия Тимофеевича Буцинского составители опираются на воспоминания Михаила Радионовича Попова, опубликованные в журнале «Каторга и ссылка» в начале XX века. М. Р. Попов имел тесное общение с Д. Т. Буцинским особенно в последние годы его активной деятельности на свободе. Но, к удивлению, энциклопедии и словари дают разные сведения касательно обучения Дмитрия Тимофеевича в семинарии.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитрий Тимофеевич Буцинский является одним из известных выпускников Белгородской духовной семинарии. Родился он 9 января 1855 года в селе Гнездиловка Фатежского уезда Курской губернии в семье священнослужителя. Учился в Курском духовном училище, затем в Белгородской духовной семинарии. После семинарии поступил на медицинский факультет в Харьковский университет, из которого был исключен в 1878 году.

Обучаясь в университете, Буцинский сначала увлекался науками, но, перейдя на второй курс, стал вести более политизированный образ жизни, учёбе уделял меньше времени, поэтому на втором курсе университета обучался два года [8, С.127]. Сам Дмитрий Тимофеевич утверждал, что среди семинаристов составлялось мнение о студентах как об идеалах честности, благородства, гуманности. Будучи теперь членом студенческой среды, Буцинский в некоторых взглядах на студенчество разочаровался, но всё же считал студенчество перспективным и с прогрессив-

ными взглядами [8, С. 126]. В 1877 году он организовал кружок революционной молодёжи Харькова, который так и назывался «Кружок Буцинского». Изначально кружок состоял из земляков и ставил перед собой целью помочь соотечественникам, оказавшимся вдали от малой родины. Члены кружка проводили заседания, старались держаться вместе, имели кассу взаимопомощи. Со временем деятельность кружка стала выходить за рамки помощи землякам, темы собраний всё более приобретали политическую окраску. Впоследствии курское землячество объединилось с полтавским, так был образован «Кружок Буцинского», который имел уже политическую направленность [9, С. 85]. Члены кружка занимались не только распространением пропагандистской и агитационной литературы, но и участвовали в организации покушения на харьковского губернатора Кропоткина в 1879 году [8, С. 878].

Будучи по взглядам своим народовольцем, Буцинский переехал в Киев и примкнул к революционной организации «Народная воля». В 1880 году он был арестован и приговорён Киевским окружным судом к 20 годам каторжных работ. Сменив несколько мест заключения, Буцинский в 1884 году был переведён в Шлиссельбургскую крепость. В этом месте ссылки он пробыл семь лет, лишился рассудка и умер 16 июля 1891 года от отёка лёгких в возрасте 36 лет.

При анализе биографических данных Дмитрия Тимофеевича обнаружилось разночтение по поводу места его обучения после окончания Курского духовного училища. Одни источники указывают на то, что Буцинский после окончания Курского духовного училища обучался в Белгородской духовной семинарии и впоследствии на медицинском факультете Харьковского университета [2, С. 484]. Другие

говорят о том, что он окончил Курскую духовную семинарию. Так, по данным списков студентов и посторонних слушателей лекций Харьковского университета за 1875–1876 годы, Дмитрий Буцинский обучался на 1-м курсе медицинского факультета (поступил 11 сентября 1875 года), прежнее место обучения указано как Курская духовная семинария [9, С. 48]. Эта же информация присутствует и в двух других списках, где Буцинский числился среди студентов 2-го курса, на котором он учился в течение двух лет. В списках 1879–1880 годов Буцинского уже нет. М. Р. Попов в своей статье «К биографии Буцинского» объясняет это тем, что Дмитрий Тимофеевич был отчислен в 1878 году за участие в беспорядках [7, С. 233–237]. Третьи источники не упоминают об обучении в духовной семинарии [1, С. 1].

Остаётся неясным вопрос, в какой именно семинарии обучался Д. Т. Буцинский и обучался ли вообще, ведь источники разнятся и говорят, что обучался в Белгородской духовной семинарии или в Курской духовной семинарии, или вообще молчат об обучении в какой-либо семинарии.

Для прояснения этого вопроса обратимся к истории Белгородской и Курской духовных семинарий. Их история неразрывно связана с делением церкви на епархии и развитием духовного образования.

В 1667 году на Большом Московском соборе было принято решение об открытии Белгородской кафедры, которую возвели в ранг митрополии. Новая митрополия была довольно обширна и располагалась на территории современной Белгородской, Курской, Харьковской, Сумской областей. Первым её архиереем стал митрополит Феодосий, при его преемнике – митрополите Мисаиле – на Белгородчине стали появляться первые школы. С

устранением патриаршества при императоре Петре I изменился и статус Белгородской митрополии, она стала именоваться Белгородско-Обоянской епархией. Первым архиереем в новом статусе стал епископ Епифаний (Тихорский), который сразу озаботился созданием в Белгороде епархиальной духовной школы. «...Следуя постановлению Духовного Регламента от 25 января 1721 года и Указа Петра I от 19 января 1721 года, он открыл в Белгороде при архиерейском доме вместо «цифирной школы» новое учебное заведение славяно – российскую школу... для обучения детей духовного чину...» [3, С. 50]. Эта школа активно развивалась и могла перерасти в семинарию, но была переведена в Харьков, так как он считался более важным пунктом в военно-стратегическом плане. Новое учебное заведение стало называться Харьковским коллегиумом, а Белгородская школа так и осталась в статусе школы при архиерейском доме.

1 марта 1727 года Белгород получил статус губернского города. Несмотря на это, последующие архиереи особое внимание уделяли развитию Харьковского коллегиума. Своеобразная реформа духовных школ произошла при архиепископе Петре (Смеличе) в 1737 году. Все духовные школы епархии получили название семинарий, а школа при архиерейском доме – гимназии, в ней готовились кадры для Харьковского коллегиума. Потребность в духовном образовании будущего духовенства ощущали все архиереи, занимавшие Белгородско-Обоянскую кафедру, и старались развивать духовные школы. В 1765 году на территории епархии произошли серьезные административно-территориальные преобразования. Харьков получил статус губернского города, что вызвало определённые недоразумения при распределении вы-

пускников Харьковского коллегиума. Теперь Белгородскому архиерею приходилось взаимодействовать с двумя губернскими властями. Императрица Екатерина II своим специальным указом вводит в учебный план Харьковского коллегиума светские предметы, и он перестаёт быть сугубо духовным заведением, хотя находится в ведении Белгородской епархии.

Содержание Харьковского коллегиума и духовных школ тяжким бременем ложилось на плечи духовенства. Все церкви и монастыри в то пору должны были содержать Харьковский коллегиум, а если в губернском или уездном городе находилась духовная школа, то и её. В связи с этим стали закрываться духовные школы в Старом Осколе, Курске, Белгороде. Духовенство Белгородской губернии вынуждено было отправлять детей на обучение в школу Харькова. Такое неудобное положение вынудило епископа Аггея (Колосовского) открыть Малую семинарию на месте прежде существовавшей славяно-латинской школы. В ней предусматривался сокращённый курс семинарского обучения.

Роль и значение Белгорода менялись с течением времени. «...С присоединением к России Крыма в XVIII веке Белгород постепенно утрачивает свое военно-стратегическое значение. Границы империи расширяются далее на юго-запад и Белгород теряет роль пограничной крепости. В 1779 году губернским городом стал Курск, а Белгород стал уездным городом Курской губернии...» [3, С. 114]. Не сразу произошла трансформация Белгородской епархии, церковные процессы происходили намного инертнее. В 1787 году Белгородская епархия расширила свои границы, а правящий иерарх стал называться Белгородским и Курским. Первым и единственным архиереем с таким титулом стал архиепископ

Феоктист (Мочульский). Его заботами с 1790 года Малая семинария в Белгороде начала работать по полной программе и стала полноценной Белгородской семинарией.

В 1799 году также произошло ещё два важных административно-территориальных события: Харьковская епархия была выделена из состава Белгородской епархии и получила независимое управление, а Курск получил статус кафедрального города. Это было вполне логичным событием. История Церкви буквально с первых веков ее существования показывает, что важные в административном плане города зачастую становились и крупными церковными центрами. Например, желая придать особое значение Константинопольскому патриархату, в 381 году на втором Вселенском соборе Константинопольская церковь была поставлена на второе место в диптихе православных церквей, так как Константинополь был «городом царя и Синклита».

Белгородский архиерей стал в дальнейшем именоваться Курским и Белгородским. Несмотря на это, перенести все епархиальные учреждения в губернский город оказалось невозможным – этот процесс растянулся во времени. Для учебных корпусов семинарии в Белгороде в 1801 году было отстроено и облагорожено новое каменное двухэтажное здание. Сложилась парадоксальная ситуация, когда кафедральным городом считался Курск, а архиерейские покои, епархиальные учреждения, семинария находились в Белгороде. Архиепископ Феоктист (Мочульский) вынужден был объясняться с Синодом и пояснять трудности переезда всех епархиальных подразделений в Курск. Для переезда находилась целая масса препятствий. В Курске не было здания, подходящего для размещения архиерея со свитой, хором, иподиаконами. Даже в местном монастыре не нашлось необходимого

количества помещений. Своим указом от 15 июля 1805 года Святейший синод разрешил архиерейской кафедре, консистории и семинарии находиться в Белгороде до особого распоряжения. Но поскольку механизм перевода епархиальной кафедры из Белгорода в Курск был запущен, то все епархиальные учреждения, а также семинария находились в Белгороде, но именовались курскими.

Преобразования духовных учебных заведений 1808–1814 годов коснулись и Курско-Белгородской епархии, но были реализованы к 1817–1819 годам. Согласно этим реформам духовные учебные заведения теперь представляли четырёхступенчатую систему: приходские училища, уездные училища, семинарии, академии. К этим реформам после всех административно-территориальных делений Курская и Белгородская епархия подошла с одной семинарией в Белгороде, четырьмя уездными и девятью приходскими училищами.

Потребность в расширении семинарии была очевидна, численность некоторых классов составляла по 75 человек, в здании семинарии проводило занятия и Белгородское духовное училище. В семинарии обучалось до 700–800 человек. При епископе Владимире (Ужинском) происходит постройка ещё одного здания для семинарии, что только отчасти снимает проблему. В итоге «...семинария в Белгороде располагалась в двух небольших каменных корпусах напротив Свято-Троицкого мужского монастыря. В одном из них размещались учебные кабинеты, в другом – семинарское правление, библиотека, жилые комнаты для наставников и учеников. В шести флигелях находилась квартира инспектора, жилые комнаты воспитанников, столовая и кухня, больница с аптекой и отдельной кухней, две классные комнаты. Всего для учеников было выделено 26 комнат, но этого было не-

достаточно, многие учащиеся проживали в квартирах в разных частях города...» [3, С. 138].

В 1833 году архиепископу Илиодору (Чистякову) было предписано указом Священного Синода, безотлагательно начать переезд в Курск. Неимение собственного здания было основной причиной, по которой архиерейская кафедра не переезжала в кафедральный город на протяжении почти 30 лет. На эту озабоченность откликнулись купцы и мещане Курска, которые построили двухэтажное каменное здание для духовной консистории и попечительства бедных духовного звания. В этом же году епархиальные учреждения со своим штатом переселились в Курск. С переездом семинарии дела обстояли сложнее по той же причине – в Курске не имелось необходимых зданий и помещений.

В 1879 году епископ Курский и Белгородский Сергей (Ляпидевский) поднял вопрос о перемещении семинарии из Белгорода в Курск. Этот вопрос бурно обсуждался, нашлись как сторонники переноса семинарии, так и противники этого. В Курске было построено новое здание семинарии и общежитие, а при следующем архиерее – Ефреме (Рязанове) – в 1882 году семинария в полном составе была переведена в город Курск. Освободившееся здание в Белгороде использовали под духовное училище. С этого времени Курская семинария не только называлась Курской по наименованию кафедры, но и территориально находилась в Курске.

Таким образом, Белгородская и Курская семинарии представляют собой одну и ту же духовную школу Курско-Белгородской епархии, которая определённый период своего существования – более 80 лет – находилась в Белгороде, но именовалась Курской.

Следующий интересующий вопрос: обу-

чался ли Дмитрий Тимофеевич Буцинский в духовной семинарии? Дело в том, что в списках выпускников Курской духовной семинарии Буцинский Дмитрий не числится в качестве студента. Присвоение звания студента, которого удостоивались лучшие ученики, давало возможность дальнейшего поступления в духовные академии. Согласно перечню учеников Курской духовной семинарии, составленному после проведения испытаний выпускных и переводных, за 1875 год Дмитрию Буцинскому присвоен 2-й разряд второго среднего отделения [4, С. 666]. Присвоенный разряд говорит о посредственных способностях Буцинского или же повествует о нём, как о не особо прилежном ученике, который мог бы учиться лучше. По всей видимости, более справедливо второе утверждение: вероятно, предметы семинарского курса не особо интересовали Дмитрия Тимофеевича, так как о его умственных способностях довольно лестно отзывался начальник Харьковского жандармского управления Дмитрий Михайлович Ковалинский, считая, что Буцинский обладает отличными умственными способностями, научным образованием и энергией [7, С. 93]. Тем не менее, упоминание о Буцинском среди учеников, окончивших Курскую духовную семинарию, говорит о том, что после окончания Курского духовного училища он всё же обучался в Курской духовной семинарии и окончил её, пусть даже и не среди лучших учеников. Стоит подчеркнуть, что вместе с Дмитрием Тимофеевичем в Курской духовной семинарии учился Александр Преображенский. Он также происходил из семьи священнослужителя Курской губернии и являлся одним из организаторов «Кружка Буцинского», был другом и соратником Дмитрия Тимофеевича, подвергся осуждению на каторгу. Отдельного рассмотрения требует вопрос погружения в среду Курской

духовной семинарии середины и конца XIX века с целью понимания процессов, приведших к происхождению из её среды не богоязыченных священнослужителей, а ярких революционеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя исследование, можно отметить, что Белгородская и Курская семинарии имеют общие корни, а на момент обучения Буцинского представляли одну и ту же духовную школу, которая территориально находилась в Белгороде, но именовалась Курской по кафедральному городу Курско-Белгородской епархии. Разночтения в биографии Дмитрия Тимофеевича Буцинского на самом деле кажущиеся, но во избежание путаницы должно считаться с официальными документами, которые называют семинарию периода обучения Буцинского Курской духовной семинарией.

Интересно отметить, что в этот период вместе с Дмитрием Тимофеевичем Буцинским в семинарии учился его четвероюродный брат – впоследствии профессор Харьковского университета Пётр Никитич Буцинский, но в его биографии таких разночтений не найдено, есть однозначные указания на обучение в Курской духовной семинарии.

Библиография / References:

1. Большая Биографическая энциклопедия // [Электронный ресурс]. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/14714/Буцинский (дата обращения: 10.05.2022.).

2. Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма / Под ред. Вл. Виленского-Сибирякова, Феликса Кона, А.А. Шилова [и др.]; Всесоюзное общество политических ка-

торжан и ссыльно-поселенцев. – Т. 3. Вып.1. – М.: Всесоюзное общество политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. – 690 с.

3. Кобец Олег протоиерей, Крупенков А.Н., Крупенков Н.Ф. История Белгородской Епархии. – Белгород: Белгородская областная типография, 2006. – 400 с.

4. Курские Епархиальные Ведомости. – 1875. – № 14. – С. 664–669.

5. Ливцов В.А. История формирования духовных начал в образовательной системе России в XVIII веке // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. – № 6 (35). – С. 57–60.

6. Ливцов В.А. Механизм государственного влияния на Русскую Православную церковь и Всемирный Совет церквей в середине XX столетия // Общество и человек. – 2013. – № 2(5). – С. 61–66.

7. Попов М.Р. К биографии Буцинского. Каторга и ссылка. – 1923. – №5. – С. 233–237.

8. Революционное народничество 70-х годов XIX века (1876–1882гг.). – Т. 2. / Под ред. С.С. Волка. – М.: Наука. – 1965. – 472 с.

9. Седов М.Г. Героический период революционного народничества. – М.: Мысль. – 1966. – 365с.

10. Советская историческая энциклопедия. – Т. 2. – М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1962. – 1023 с.

11. Список студентов и посторонних слушателей лекций Императорского Харьковского университета на 1875–1876 академический год. – М.: Университетская типография, 1875. – 48 с.

1. Bol'shaya Biograficheskaya entsiklopediya [Big Biographical Encyclopedia] // [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa:

- https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/14714/Butsinskiy (Data obrashcheniya: 10.05.2022g.). (In Russ.).
2. Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii: Biobibliograficheskiy slovar': Ot predshestvennikov dekabristov do padeniya tsarizma [Figures of the revolutionary movement in Russia: Bio-bibliographic dictionary: From the predecessors of the Decembrists to the fall of tsarism] / Pod red. VI. Vilenskogo-Sibiryakova, Feliksa Kona, A.A. Shilova [i dr.]; Vsesoyuznoye obshchestvo politicheskikh katorzhan i ssyl'no-poselentsev. – T. 3. Vyp.1. – M.: Vsesoyuznoye oshchestvo politicheskikh katorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1933. – 690s. (In Russ.).
3. Kobets Oleg protoiyerey, Krupenkov A.N., Krupenkov N.F. (2006) Istoriya Belgorodskoy Yeparkhii [History of the Belgorod Diocese]. – Belgorod: Belgorodskaya oblastnaya tipografiya. – 400s. (In Russ.).
4. Kurskiye Yeparkhial'nyye Vedomosti [Kursk Diocesan Vedomosti]. – 1875. – № 14. – S. 664–669. (In Russ.).
5. Livtsov V.A. (2013) Istoriya formirovaniya dukhovnykh nachal v obrazovatel'noy sisteme Rossii v XVIII veke [The history of the formation of spiritual principles in the educational system of Russia in the XVIII century] // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novyye gumanitarnyye issledovaniya. – № 6 (35). – S. 57–60. (In Russ.).
6. Livtsov V.A. (2013) Mekhanizm gosudarstvennogo vliyaniya na Russkuyu Pravoslavnyuyu tserkov' i Vsemirnyy Sovet tserkvey v seredine XX stoletiya [The Mechanism of State Influence on the Russian Orthodox Church and the World Council of Churches in the Middle of the 20th Century] // Obshchestvo i chelovek. – № 2(5). – S. 61–66. (In Russ.).
7. Popov M.R. (1923) K biografii Butsinskogo. Katorga i ssylka [To the biography of Butsinsky. Hard labor and exile]. – №5. – S. 233–237. (In Russ.).
8. Revolyutsionnoye narodnichestvo 70-kh godov XIX veka (1876–1882gg.) [Revolutionary populism in the 70s of the XIX century (1876–1882)]. – T. 2. / Pod red. S.S.Volka. – M.: Nauka. – 1965. – 472s. (In Russ.).
9. Sedov M.G. (1966) Geroicheskiy period revolyutsionnogo narodnichestva [The heroic period of revolutionary pop]. – M.: Mysl'. – 365s. (In Russ.).
10. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya [Soviet Historical Encyclopedia]. – T.2. – M.: Gosudarstvennoye nauchnoye izdatel'stvo «Sovetskaya entsiklopediya», 1962. – 1023s. (In Russ.).
11. Spisok studentov i postoronnikh slushateley lektsiy Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta na 1875–1876 akademicheskiiy god [List of students and outside listeners of lectures of the Imperial Kharkov University for 1875–1876 academic year]. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1875. – 48s. (In Russ.).

УДК 257"1851/..."(470.316)

ИЕРУСАЛИМСКАЯ Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ», Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Россия, Ярославль), e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru, AuthorID: 829774

ИЕРУСАЛИМСКИЙ Юрий Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной средневековой и новой истории, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (Россия, Ярославль), e-mail: ierusl@uniyar.ac.ru, AuthorID: 330812

DOI:10.22394/2225-8272-2022-11-3-86-97

IERUSALIMSKAYA S.Y., Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the laboratory "Russia and Europe: Comparative Study of Pre-industrial Societies", P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru, AuthorID: 829774

IERUSALIMSKIY Y. Y., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Medieval and Modern History, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: ierusl@uniyar.ac.ru, AuthorID: 330812

**СОСТОЯНИЕ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ ДУХОВНОГО ВЕДОМСТВА
РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ)**

**THE STATE OF PRIMARY SCHOOLS OF THE SPIRITUAL DEPARTMENT OF
THE RUSSIAN PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE YAROSLAVL DIOCESE)**

Аннотация. В статье на основе анализа законодательных, делопроизводственных и статистических материалов, периодической печати, а также публикации анализируется социокультурная деятельность Ярославской епархии Русской православной церкви на примере функционирования системы начальных школ, подведомственных данной епархии. Хронологические рамки статьи ограничены 1861–1900 гг., т. е. временем, определяемым рядом исследователей как пореформенное. Приводятся постоянные сравнения местных данных с общеимперскими, что позволяет выделить общероссийские закономерности и местную специфику. Определяется роль начальных школ духовного ведомства в развитии начального образования Ярославской губернии. В статье дается классификация видов начальных школ: церковно-приходские училища и школы грамоты. Дан анализ изменения в динамике численности церковно-приходских школ в 60–90-х гг. XIX в. – от уменьшения до существенного увеличения в конце столетия. Показаны проблемы в развитии начальной школы духовного ведомства (недостаточная методическая подготовка преподавателей, слабая материальная база и т. д.) и положительные моменты (увеличение количества грамотных, расширение школьной сети и др.).

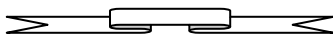
Abstract. The article analyzes the socio-cultural activities of the Yaroslavl Diocese of the Russian Orthodox Church on the basis of the analysis of legislative, clerical and statistical materials, periodicals, as well as journalism on the example of the functioning of the primary school system subordinate to this diocese. The chronological scope of the article is limited to 1861-1900, i.e. the time defined by a number of researchers as post-reform. Constant comparisons of local data with general imperial data are given, which makes it possible to identify all-Russian patterns and local specifics. The role of primary schools of the spiritual department in the development of primary education of the Yaroslavl province is determined. The article gives a classification of the types of primary schools: parochial schools and literacy schools. The analysis of changes in the dynamics of the number of parochial schools from the 60s - 90s of the XIX century, from a decrease to a significant increase at the end of the century, is given. The problems in the development of the primary school of the spiritual department (insufficient methodological training of teachers, weak material base, etc.) and positive aspects (increase in the number of literates, expansion of the school network, etc.) are shown.

На примере деятельности Ярославской епархии раскрыта роль Русской православной церкви в развитии начальной школы. Отмечена работа специальных органов епархии, таких как Ярославский епархиальный училищный совет и его уездные отделения, по контролю за становлением начального образования и помощью в развитии начальной школы губернии. (Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-01231, <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>).

Ключевые слова: Ярославская епархия, начальное образование, церковно-приходские училища, школы грамоты, социокультурная деятельность.

The role of the Russian Orthodox Church in the development of primary schools is revealed by the example of the activities of the Yaroslavl diocese. The work of special bodies of the diocese, such as the Yaroslavl Diocesan School Council and its county branches, to monitor the formation of primary education and assistance in the development of primary schools in the province was noted. (The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation №22-28-01231, <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>).

Keywords: Yaroslavl diocese, primary education, parochial schools, literacy schools, socio-cultural activities

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время возрастает актуальность исследований в области истории различных конфессий, существующих в Российской Федерации, прежде всего Русской православной церкви (РПЦ). Это связано с той важной ролью, которую играли традиционные конфессии в тысячелетней истории нашего Отечества и продолжают играть сейчас, в 20-е гг. XXI в. Без Русской православной церкви и её институтов трудно представить прошлое, настоящее и будущее России.

Очень важно изучить во многом ключевую роль религиозных организаций в социокультурном развитии регионов России в пореформенный период, который ряд исследователей ограничивает временными рамками 1861–1900 гг. В настоящем исследовании первоочередное внимание будет уделено одному из важных компонентов социокультурной деятельности Русской православной церкви, а именно развитию начального образования Российской империи, подведомственного духовному ведомству. Начальные школы всех губерний России, которые находились в ведении соответствующей епархии РПЦ, прежде всего церковно-приходские школы и школы

грамоты, научили основам грамотности и арифметики сотни тысяч подданных империи.

Целью статьи является изучение начальных школ духовного ведомства в российской провинции на примере деятельности Ярославской епархии РПЦ во второй половине XIX в.

Научная новизна исследования определяется отсутствием комплексного изучения заявленной темы, а также широким использованием в работе над проектом неопубликованных источников из федеральных и региональных архивов, впервые вводимых в научный оборот.

После отмены крепостного права в Российской империи в 1861 г. начался новый период в развитии народного образования. Пореформенная эпоха характеризуется новыми явлениями в системе народного просвещения, теснейшим образом связанными с великими реформами 1860–1870-х гг.

Это время характеризуется новым этапом в развитии народного образования, связанным во многом со своеобразным соперничеством вновь созданных органов местного самоуправления – земств и Русской православной церкви – в деле народного просве-

щения.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Историография темы делится на два направления: труды по истории начального народного образования в Ярославской губернии и исследования по истории Ярославской епархии Русской православной церкви. В работах по истории Ярославской епархии, как в вышедших во второй половине XIX – начале XX в., так и в современных исследованиях, изучение указанной проблемы не получило должного освещения, а в советский период отсутствовало вовсе. В революционной и либеральной публицистике начала XX в. и в советской исторической литературе роль Русской православной церкви в деле развития начального народного образования в пореформенный период подавалась исключительно в отрицательном ракурсе. Негативные моменты в начальной школе, подведомственной РПЦ, действительно имели место (проблемы в тот период времени имелись во всех типах учебных заведений), но критический подход в советской историографии по отношению к церковно-приходским школам, монастырским школам и школам грамоты был определяющим.

Изучение данной темы в общероссийском и региональном масштабах существенно активизировалось после 1991 г. Начальное духовное образование в общероссийском масштабе и отдельно по Владимирской и Костромской губерниям в пореформенное время были рассмотрены в трудах О. В. Кузьминой, Е. В. Крутицкой и Т. А. Красницкой соответственно [8; 9; 10]. Начальная школа духовного ведомства Ярославской губернии во второй половине XIX в. была проанализирована в кандидатской диссертации Е. С. Веденского [2] и кандидатской, а также докторской диссертациях

С. Ю. Иерусалимской [6; 7]. В них начальные школы Ярославской губернии второй половины XIX столетия, подведомственные РПЦ, рассматривались в комплексе с другими регионами. Вместе с тем вплоть до настоящего времени не существует специальных монографических исследований начальной школы пореформенного периода, построенных на материалах Ярославской епархии.

Основные источники по теме нашей статьи следует разделить на несколько групп: 1) законодательные акты; 2) делопроизводительные материалы; 3) статистические источники; 4) периодическая печать.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

До 1865 г. – времени появления первых земских школ – у Русской православной церкви практически не было конкурентов в деле развития начального народного образования, за исключением уездных училищ и училищ министерства государственных имуществ. Уездные училища были призваны обучать детей купцов, младших офицерских чинов и дворян. Данные учебные заведения давали повышенное начальное образование. Уездных училищ было немного в масштабах огромной империи. С 1842 г. по всей стране стали организовываться училища министерства государственных имуществ. Последние предназначались только для детей государственных крестьян, так же как и уездные, не стали массовым явлением в системе начальной школы России и имели многочисленные проблемы [7].

Основным типом начальной школы, за который отвечал Святейший Правительствующий Синод, являлись церковно-приходские школы (ЦПШ), в которых обучались дети обоего пола, принадлежавшие в основном к

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

крестьянскому сословию. Начиная со времени возникновения земств происходит константное снижение количества церковно-приходских учебных заведений по всей империи, в результате чего за каких-то 15 лет, к концу 1870-х гг., оно уменьшилось в 5 раз при одновременном снижении численности уча-

щихся в них примерно в 4 раза. На их место приходят земские школы, а количество учебных заведений подведомственных Синоду и численность обучающихся в 1865–1880 гг. неуклонно сокращается с каждым годом. Об этом свидетельствуют статистические сведения (см. табл. 1).

Таблица 1 – Динамика развития церковно-приходских школ и численности учащихся в них на территории Российской империи в 1865–1880 гг. [12, С. 72–73]

Table 1 – The dynamics of the development of parochial schools and the number of students in them on the territory of the Russian Empire in 1865–1880 [12, pp. 72–73]

Год	Число ЦПШ	Количество учащихся обоого пола
1865	21 420	413 524
1866	19 436	383 181
1867	17 189	391 106
1868	16 287	390 049
1869	15 914	378 354
1870	13 007	293 164
1871	10 381	253 413
1872	9059	228 036
1873	8028	197 861
1874	7672	193 713
1875	7402	205 559
1876	6811	197 191
1877	6321	180 771
1878	5974	171 937
1879	4681	118 230
1880	4348	108 990

Таким образом, общероссийские данные показывают уменьшение значимости церковно-приходских школ в 1865–1880 гг., резкое сокращение их количества и численности учеников.

Проведём корреляцию вышеприведённых общероссийских данных с региональным ярославским контентом. В Ярославской губернии на следующий год после реформы 1861 г. общее количество образовательных учреждений составляло 483 [16, С. 85], в которых обучалось

11 373 учащихся, из них 9494 мальчика и 1879 девочек (Ярославские епархиальные ведомости (ЯЕВ). 1897. Ч. оф. № 3). Из них численность начальных светских школ составляла 130 (5269 учеников, 4041 мальчик и 1228 девочек), а училищ, деятельность которых курировала Ярославская епархия Русской православной церкви, – 343 (3917 учеников, 3326 мальчиков и 591 девочка) [4, С. 94]. В 1865–1880 гг. в Ярославской губернии продолжили функционировать церковно-приходские и монастырские

школы, а также школы грамоты, но их роль в деле развития народного образования по количественным показателям (численность учебных заведений, количество учащихся) и по отношению к земским образовательным учреждениям являлась не столь значительной. Эти же процессы, как показывают вышеприведённые статистические материалы, происходили на территории всей Российской империи.

До введения «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. учебные заведения духовного ведомства существенно уступали в количественных параметрах светской школе, например земским училищам. Вместе с тем Ярославская епархия РПЦ не только прилагала определённые усилия для развития начального образования силами церковных приходов и священников приходских церквей, но и старалась использовать возможности монастырей и монашескую школу. Этот вопрос интересовал не только церковное, но и гражданское начальство. Так, в вопросных листках за 1877 г., хранящихся в ростовском Спасо-Яковлевском монастыре, был пункт о наличии отдельно стоявших школьных зданий на соответствующих территориях (РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 612. Л. 18, 20 об.). В то же время стоит отметить, что

данное предписание далеко не всегда выполнялось (РГАДА. Ф. 1407. Оп. 1. Д. 612. Л. 23) и исполнялось священнослужителями по возможности.

С середины 1880-х гг. государственная власть резко активизировала свои усилия по формированию нового типа школ духовного ведомства – ЦПШ. На данном этапе консервативная политика Александра III, угроза обострения социально-политических отношений в российском обществе заставили власть обратиться к Русской православной церкви. Еще в конце правления Александра II, в 1879 г., Комитетом министров было заявлено, что «духовно-нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведении народными школами» [14, С. 126–127].

Таким образом, с 1881 г. количество ЦПШ начинает постепенно расти, а после принятия «Правил...» 1884 г. резко увеличивается. В 1885–1886 гг. в России вследствие поддержки со стороны правительства заметно выросло число школ духовного ведомства и количество учащихся в них (см. табл. 2).

Таблица 2 – Динамика развития церковно-приходских школ и числа учащихся в них на территории Российской империи в 1881–1886 гг. [12, С. 73]

Table 2 – The dynamics of the development of parochial schools and the number of students in them on the territory of the Russian Empire in 1881–1886 [12, p. 73]

Год	Число ЦПШ	Количество учащихся обоего пола
1881	4404	104 781
1882	4521	115 804
1883	5942	118 599
1884	4640	112 114
1885	8351	202 350
1886	11 693	318 652

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Также начинается рост числа школ грамоты. В итоге в 1887 г. в империи насчитывалось уже 15 471 школа духовного ведомства, из них 7595 школ грамоты. В этот год число учащихся в ЦПШ составляло 172 419 чел., а в школах

грамоты – 99 963 чел. Дальнейшие изменение количества ЦПШ и школ грамоты, а также учащихся в них показан в табл. 3.

Таблица 3 – Динамика развития ЦПШ и школ грамоты с числом учащихся в них на территории Российской империи в 1889–1894 гг. [12, С. 73]

Table 3 – The dynamics of the development of the CPSh and literacy schools with the number of students in them on the territory of the Russian Empire in 1889–1894

Год	Число ЦПШ	Количество учащихся	Число школ грамоты	Количество учащихся
1889	8498	294 097	9217	179 178
1892	11 342	480 208	15 922	379 948
1894	12 970	–	18 865	–

Таким образом, с 1880-х гг. на территории Российской империи наблюдается рост числа школ духовного ведомства, причем в ущерб ЦПШ множится самый низший тип учебных заведений данного типа – школы грамоты. Вместе с тем количество начальных учебных заведений, подведомственных РПЦ, не всегда соответствовало качеству обучения. Особенно это следует отнести к школам грамоты, имевшим небольшое просветительское значение. Их задача была научить подрастающее поколение элементарным приемам чтения, письма и счёта.

Рассмотрим деятельность ЦПШ в пределах Ярославской епархии. Обучение в данных школах производили местные священники или другие (по соглашению) члены причта, а также специально назначенные (с утверждения владыки) преподаватели [1, С. 335–336] под наблюдением священника (См., например: ЯЕВ. 1888. № 24. Ч. оф. 13 июля). Вместе с тем по «Правилам...» 1884 г. преподавательские должности в ЦПШ

замещались в основном выпускниками духовных учебных заведений и женских училищ духовного ведомства [15].

Так, в 1895–1900 гг. на службе в ЦПШ Рыбинского уезда Ярославской губернии, как и во всех других уездах, состояли лица духовного сословия, причем в целом ряде случаев сын сменял отца как на церковном амвоне, так и за учительским столом (РБФ ГАЯО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 7–8 и др.). Педагогический персонал ЦПШ нередко получал разного рода награды «за труды по народному образованию» от епархиального начальства (ЯЕВ. 1901. № 19; 1900. № 20).

Зарботная плата педагогического персонала ЦПШ на рубеже XIX – начала XX в. составляла в год от 160 до 300 руб. для учителя и от 120 до 150 руб. для помощника учителя; при этом законоучитель получал 50 руб., а квартирные деньги начислялись в сумме от 20 до 30 руб.

Проанализировав многочисленные отчёты наблюдателей о состоянии церковно-приходских школ, можно создать условную

модель стандартной ЦПШ на территории Верхней Волги в 1880-х гг. Это сельская школа, существовавшая примерно с осени 1881 г. (утверждённая в середине 1880-х гг.), основанная священником церкви данного села. Последний и занимался в ней обучением детей, обычно совместно с супругой – через некоторое время его утверждали в должности законоучителя, а её – учительницей. На батюшке и его супруге также лежали многочисленные «обременения» по поддержанию ЦПШ в рабочем состоянии. Так, сохранились свидетельства, что даже в начале XX в. священник нередко продолжал выполнять обязанности завхоза и коменданта школы, в частности заготавливал дрова для отопления училища (ГАЯО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–1 об.). Учебный курс продолжался с ноября по май, количество учащихся в такой школе – примерно 20–30 чел., подавляющая часть мужского пола. Школьники являлись детьми приходских крестьян православного вероисповедания, небольшая часть (двое–трое) учится второй год, остальные – первый. Ученики все приходящие, на ночь возвращались в дома родителей.

Подобная ЦПШ, как правило, находилась в доме священника или в специально отведённом для её нужд здании (иногда таким зданием становилось не совсем приспособленное для этого помещение: например, Заозерская ЦПШ, открытая в 1891 г., находилась в каменной сторожке церковной ограды [11, С. 64]).

В ряде школ имелись библиотеки. Там же, где их не было, ключевыми учебными книгами служили «Родное слово» Углицкого, Святое Евангелие и Псалтирь (две последних по возможности приобретались родителями учащихся). Школа получала денежное

вспомоществование от епархиального училищного совета, частных средств или уездного земства (примерно 25–30 руб.), учебные пособия и книги получала реже или не получала вообще. С учащихся взималась плата за обучение – в среднем 3 руб. с человека (вместе с тем, ввиду получения земского вспомоществования, отдельные священники сочли возможным снизить плату).

В ряде случаев ЦПШ возникали не как противовес земской школе, а в качестве единственно возможного учебного заведения в наиболее глухих, провинциальных местностях Ярославской епархии.

Срок обучения в ЦПШ составлял два года в одноклассных и четыре года в двухклассных школах. Детей обучали Закону Божию (изучение молитв, священная история, краткий катехизис), письму, чтению церковной и гражданской печати, начальным арифметическим действиям, церковному пению, а девочек – рукоделию. Например, в Заозерской ЦПШ Угличского уезда Ярославской губернии девочки обучались рукоделию, а деньги за это в сумме 10 руб. платило попечительство [11, С. 64]. В двухклассных школах в дополнение к указанным предметам давались начальные сведения из церковной и отечественной истории, географии, черчения и по возможности преподавали рисование [13, С. 2483–2484].

По мнению ряда церковных деятелей, пение должно было играть важную роль в воспитании подрастающего поколения. Так, епархиальный наблюдатель ЦПШ И. П. Успенский писал в Ярославский епархиальный училищный совет 9 марта 1898 г.: «По отзывам ... уездных наблюдателей и по моим личным наблюдениям из всех предметов курса церковно-приходские школы [стилистика по ис-

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК: ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

точнику – С. И., Ю. И.] менее удовлетворительно поставлено пение. Несмотря на то, что по программе для церковно-приходских школ церковное пение должно занимать второе место после Закона Божия, несмотря на высокое воспитательное значение пения, оно в большинстве существующих церковно-приходских школ занимает последнее место» (РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 135. Л. 41).

Изучение ЦПШ Ярославской губернии показало, что большая часть учащихся в них достигала определённых успехов в освоении

учебной программы. Вместе с тем в ряде отчётов отмечалось, что программа Святейшего Синода для ЦПШ из-за занятости учеников сельхозработами на дому не была выполнена. Что касается средств, которыми располагали школы духовного ведомства, то они черпались из различных источников. Для ознакомления с ними и размером сумм, отпускаемых на народное образование, приведём данные за три пятилетия, начиная с 1885 г.

Таблица 4 – Сравнительный анализ сумм финансирования учебных заведений духовного ведомства в России с пятилетней разницей во времени (в 1885/1890/1895 гг.) [12, С. 74]

Table 4 – Comparative analysis of the amounts of funding for educational institutions of the spiritual department in Russia with a five-year time difference (in 1885/1890/1895)

Источники поступления средств	Год		
	1885 г.	1890 г.	1895 г.
Государственное казначейство	55 500 руб.	175 500 руб.	875 500 руб.
От волостей и сельских обществ	190 000 руб.	508 000 руб.	851 575 руб.
Пожертвования	80 163 руб.	290 000 руб.	488 297 руб.
Из губернских земских сборов	–	286 285 руб.	459 729 руб.
От церквей и из церковных сборов } 30 303 руб.			
От монастырей		207 000 руб.	360 360 руб.
		57 000 руб.	96 683 руб.
От губернских и уездных земств	31 993 руб.	146 000 руб.	294 035 руб.
Плата за обучение	80 526 руб.	110 000 руб.	180 045 руб.
От церковных братств и миссионерских обществ }	55 500 руб.	–	143 337 руб.
От приходских обществ		46 000 руб.	90 809 руб.
Разных платежей	–	810 215 руб.	118 920 руб.
От городских обществ и дум	–	39 000 руб.	61 279 руб.
Остаток от предыдущего года	–	–	–
ИТОГО	524 889 руб.	2 675 000 руб.	4 020 569 руб.

Как видим, наибольшие суммы на развитие ЦПШ и школ грамоты поступали в общероссийском масштабе от волостей и сельских обществ.

Сравним общероссийские источники финансирования начальной школы духовного

ведомства с данными по Ярославской епархии. По свидетельству Ярославских епархиальных ведомостей, с 1871 г. и все последующие 80–90-е гг. XIX в. на обеспечение духовно-учебных заведений приходское духовенство отчисляло 21 % с кружечных, свеч-

ных и арендных сумм (См., например: ЯЕВ. 1887. Ч. оф. № 9; 1888. Ч. оф. № 24). Монастыри Ярославской епархии также вносили определённые суммы в пользу духовных школ, однако эти сборы не были строго регламентированы и больше походили на добровольные пожертвования [3, С. 21].

На территории Ярославской губернии также располагались такие ЦПШ, к которым с практически равным вниманием относилась светская и духовная власть. Находились такие школы, как правило, в крупных сёлах, поблизости от уездного или губернского города. Пример подобного училища представляет собой Покровская ЦПШ в Угличском уезде, открытая в 1889 г. Она располагалась в собственном двухэтажном здании (первый этаж – каменный, второй – деревянный). Школа занимала второй этаж, на первом было волостное управление. Своим появлением данное училище было обязано щедрости купца Буштуева, жившего в столице, но приехавшего к себе на родину – в д. Черны, расположенную недалеко от с. Покровского.

В ЦПШ было два класса, работали две учительницы, жившие прямо в школе, в отдельном помещении. Данное училище содержалось на процент от школьного капитала, пособия из угличского отделения Ярославского епархиального училищного совета и на средства графа, обер-егермейстера, председателя Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III (с 1895 г.), Археологической комиссии (1900–1918 гг.) С. Д. Шереметева (1844–1918 гг.). Школьный капитал училища составлял 6000 руб. При ЦПШ располагалась библиотека. Школьный этаж включал в себя две классные комнаты, две комнаты с отдельным входом для учите-

лей, кухню и ночлежную. Земли при ЦПШ не имелось. Здание школы, по постановлению крестьянского схода, было застраховано на общественные средства в Ярославском губернском ведомстве на 3000 руб. [1, С. 335–336].

Аналогичные процессы происходили в конце XIX в. в ЦПШ Рыбинского уезда. Отчеты о состоянии рыбинских церковно-приходских училищ раскрывают примерный паритет в затратах на их содержание от светских и церковных органов. Так, в 1895–1898 гг. доходные статьи одного из типичных бюджетов ЦПШ состояли: в процентах с капитала – 201 руб. 60 коп., поступлений от земства – 1012 руб. 50 коп. – и от церковного ведомства, включая поддержку монастырей, – 1005 руб. 60 копеек (РБФ ГАЯО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 13. Л. 35 об.). Подобные цифры свидетельствуют о достаточно крепком финансовом положении церковно-приходских школ, располагавшихся на территории Ярославского, Рыбинского, Угличского и ряда других уездов Ярославской губернии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в социокультурной деятельности Ярославской епархии Русской православной церкви во второй половине XIX в. существенное место занимала работа по развитию начального образования. Занимаясь вопросами функционирования церковно-приходских училищ, школ грамоты и монастырских школ, Ярославская епархия в пореформенное время уделяла большое внимание организации и деятельности начальных училищ, состоянию педагогических кадров в них, заботилась о совершенствовании их материальной базы. Так же как и по всей Российской империи, резкое увеличение количества школ духовного ведомства и уча-

щихся в них в Ярославской епархии произошло после внедрения в жизнь «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. Значение деятельности Ярославской епархии для развития народного образования региона во второй половине XIX в. сложно переоценить, так как именно благодаря ее усилиям десятки тысяч ярославцев научились чтению, письму и арифметике. Особенно стоит отметить тот факт, что в церковно-приходских школах и школах грамоты обучалась примерно половина учащихся всей начальной школы губернии.

Библиография / References:

1. Багдасарьян В.А. Народное образование в Угличе и районе. – Углич, 2005. – 380 с.
2. Веденский Е.С. Деятельность Русской православной церкви в области начального народного образования во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Ярославской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2003. – 314 с.
3. Дашковская О.Д. Ярославская епархия в конце XVIII – начале XX в.: проблемы экономического развития: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ярославль, 2005. – 27 с.
4. Дружинин П.Н. Просвещение в Ярославской губернии в пореформенный период // Очерки истории Ярославского края. – Ярославль, 1974. – С. 94–136.
5. Иерусалимская С.Ю. Исторический опыт функционирования системы народного образования Верхнего Поволжья в XIX в.: от становления до модернизации: автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М., 2015. – 49 с.
6. Иерусалимская С.Ю. Развитие народного образования в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (по уг-

личским материалам): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2005. – 27 с.

7. Калинина Е.А. Училища Министерства государственных имуществ в системе народного просвещения // Вопросы образования. – 2011. – № 1. – С. 229–241.
8. Красницкая Т.А. Начальное духовное образование в провинциальной России XIX – начала XX в. (на материалах Владимирской и Костромской губерний): дис. ... канд. ист. наук. – Иваново, 2003. – 233 с.
9. Крутицкая Е.В. Церковно-приходские школы России в конце XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – 246 с.
10. Кузьмина О.В. Государственная политика в области начального образования в России в первой половине 60-х годов XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – 19 с.
11. Летопись села Заозерья Ярославской губернии, Угличского уезда, с его двумя храмами и приходом. Историко-археологический очерк со второй четверти XVIII столетия до 1912 года. – Углич, 1913. – 90 с.
12. Народное образование в России // Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. – Т. X. – М., 1912. – 346 с.
13. Настольная книга по народному образованию / сост. Г. Фальброк и В. Чарнолуцкий. – Т. III. – СПб., 1904.– 1539–2623 с.
14. Полунов А.Ю. Церковь, власть и общество в России (1880-е – первая половина 1890-х годов) // Вопросы истории. – 1997. – № 11. – С. 126–127.
15. Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. – СПб.: Синод. тип., 1894. – 112 с.
16. Успенский В.Б. История образования. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 1996. – 139с.

1. Bagdasar'ian V.A. (2005) Narodnoe obrazovanie v Ugliche i raione [Public education in Uglich and the region]. – Uglich. – 380 s. (In Russ.).

2. Vedenskii E.S. (2003) Deiatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v oblasti nachal'nogo narodnogo obrazovaniia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (po materialam Iaroslavskoi i Kostromskoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk [The activity of the Russian Orthodox Church in the field of primary public education in the second half of the 19th - early 20th centuries. (Based on the materials of the Yaroslavl and Kostroma provinces)]. – Iaroslavl'. – 314 s. (In Russ.).

3. Dashkovskaia O.D. (2005) Iaroslavskaiia eparkhiia v kontse XVIII – nachale XX vv.: problemy ekonomicheskogo razvitiia: Avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [Yaroslavl diocese in the late 18th - early 20th centuries: problems of economic development]. – Iaroslavl'. – 27 s. (In Russ.).

4. Druzhinin P.N. (1974) Prosveshchenie v Iaroslavskoi gubernii v poreformennyi period [Enlightenment in the Yaroslavl province in the post-reform period]// Ocherki istorii Iaroslavskogo kraia. – Iaroslavl'. – S. 94–136. (In Russ.).

5. Ierusalimskaia S.Iu. (2015) Istoricheskii opyt funktsionirovaniia sistemy narodnogo obrazovaniia Verkhnego Povolzh'ia v XIX v.: ot stanovleniia do modernizatsii: avtoref. dis. ... dokt. ist. Nauk [The historical experience of the functioning of the system of public education in the Upper Volga region in the 19th century: from formation to modernization]. – M. – 49 s. (In Russ.).

6. Ierusalimskaia S.Iu. (2005) Razvitie narodnogo obrazovaniia v rossiiskoi provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (po uglich-

skim materialam): avtoref. dis. ... kand. ist. Nauk [The development of public education in the Russian provinces in the second half of the 19th - early 20th centuries (based on Uglich materials)]. – Ivanovo. – 27 s. (In Russ.).

7. Kalinina E.A. Uchilishcha Ministerstva gosudarstvennykh imushchestv v sisteme narodnogo prosveshcheniia [Schools of the Ministry of State Property in the system of public education]// Voprosy obrazovaniia. – 2011. – № 1. – S. 229–241. (In Russ.).

8. Krasnitskaia T.A. (2003) Nachal'noe dukhovnoe obrazovanie v provintsial'noi Rossii XIX – nachala XX vv. (na materialakh Vladimirskoi i Kostromskoi gubernii): dis. ... kand. ist. Nauk [Primary spiritual education in provincial Russia in the 19th - early 20th centuries. (on the materials of the Vladimir and Kostroma provinces)]. – Ivanovo. – 233 s. (In Russ.).

9. Krutitskaia E.V. (2004) Tserkovno-prikhodskie shkoly Rossii v kontse XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. Nauk [Church-parochial schools in Russia in the late 19th - early 20th centuries]. – M. – 246 s. (In Russ.).

10. Kuz'mina O.V. (2000) Gosudarstvennaia politika v oblasti nachal'nogo obrazovaniia v Rossii v pervoi polovine 60-kh godov XIX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [State policy in the field of primary education in Russia in the first half of the 60s of the XIX century]. – SPb. – 19 s. (In Russ.).

11. Letopis' sela Zaozer'ia Iaroslavskoi gubernii, Uglichskogo uezda s ego dvumia khramami i prikhodom. Istoriko-arkheologicheskii ocherk so vtoroi chetverti XVIII stoletii do 1912 goda [Chronicle of the village of Zaozerye, Yaroslavl province, Uglich district with its two churches and parish. Historical and archaeological essay from the second quarter of the 18th century to 1912.]. – Uglich, 1913. – 90 s. (In Russ.).

12. Narodnoe obrazovanie v Rossii [Public education in Russia] // Narodnaia entsiklopediia nauchnykh i prikladnykh znaniy. – T.X. – M., 1912. – 346 s. (In Russ.).

13. Nastol'naia kniga po narodnomu obrazovaniiu [Handbook on public education]/ sost. G. Fal'brok i V. Charnoluskii. – T. III. – SPb., 1904.– 1539-2623 s. (In Russ.).

14. Polunov A.Iu. Tserkov', vlast' i obshchestvo v Rossii (1880-e – pervaiia polovina 1890-kh godov) [Church, power and society in Russia (1880s - first half of the 1890s)] // Voprosy istorii. – 1997. – № 11. – S. 126 – 127. (In Russ.).

15. Pravila i programmy dlia tserkovno-prikhodskikh shkol i shkol gramoty [Rules and programs for parochial and literacy schools]. – SPb.: Sinod. tip., 1894. – 112, 20 s. (In Russ.).

16. Uspenskii V.B. (1996) Istoriiia obrazovaniia [History of education.]. – Iaroslavl': Izd-vo IaGPU. – 139 s. (In Russ.).

ИСАЕВ Алексей Владимирович, кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин и социального обеспечения, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, Орёл), e-mail: isaevLesha@yandex.ru, AuthorID: 716259

МАТВИЕНКО Валентина Анатольевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, доцент, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина (Россия, Елец), e-mail: vamatv@mail.ru, AuthorID: 716259

ISAEV A.V., Candidate of Political Science, Docent, Associate Professor at the Department of Civil Law disciplines and Social Security, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: isaevLesha@yandex.ru, AuthorID: 716259

MATVIENKO V.A., Candidate of Political sciences, Associate Professor, Bunin Yelets State University (Russian Federation, Yelets), e-mail: vamatv@mail.ru, AuthorID: 716259

**СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ПАРТНЁРСТВО ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИЙ
В РЕТРОСПЕКТИВЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ «НОВОЙ» РОССИИ**

**SOCIALLY-ORIENTED PARTNERSHIP OF THE STATE AND RELIGIONS IN THE
RETROSPECTIVE OF THE TRANSFORMATIONS OF THE «NEW» RUSSIA**

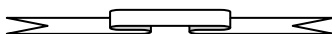
Аннотация. Цель статьи состоит в исследовании отдельных вопросов социально-ориентированного партнерства российского государства и религиозных конфессий во второй половине XX – начале XXI века. Методологической основой исследования является единство содержательной составляющей ряда взаимосвязанных понятий: «социальная политика», «социальное служение», «социально-политическое партнерство», «социально-ориентированное партнерство». Именно их непосредственный синергизм в теории создаёт необходимые условия для эффективного сотрудничества на практике всех вовлеченных в него сторон (органы государственной власти и местного самоуправления, бизнес, религиозные конфессии и т. п.). Авторы приходят к выводу, что социально-ориентированное партнерство позволило не только более адресно оказывать психологическую, материальную помощь обездоленным людям, но и совмещать эту деятельность с духовной помощью, к примеру, в моральной поддержке военнослужащих, или в воспитании подрастающего поколения и т. п.

Ключевые слова: социально ориентированное партнёрство, религиозные конфессии, Российское государство, социальная политика, религиозные организации, социальная помощь, православное молодёжное движение. населения.

Abstract. The purpose of the article is to study certain issues of socially-oriented partnership between the Russian state and religions in the second half of the 20th – early 21st century. The methodological basis of the study is the unity of the substantive component of a number of interrelated concepts: «social policy», «social service», «socio-political partnership», «socially-oriented partnership». The authors emphasize that their direct synergy creates the necessary conditions for effective cooperation of all the parties involved such as public authorities and local self-government, business, religious denominations, etc.

The authors conclude that a socially-oriented partnership made it possible not only to provide more targeted psychological and material assistance to disadvantaged people, but also to combine this activity with spiritual assistance in moral support for military personnel, or in educating the younger generation, etc.

Keywords: socially-oriented partnership, religions, Russian state, social policy, religious organizations, social power, orthodox youth movement.

ВВЕДЕНИЕ

Практически каждое (из существующих на данный момент времени) государство в процессе своего зарождения и дальнейшей эволюции переживало различные по своей направленности и интенсивности изменения. В большинстве своем они прямо или косвенно затрагивали вопросы, связанные с различными аспектами преобразований (политических, экономических, культурных и т. п.) государственной сферы, и вне зависимости от характера и вовлеченности в них различных слоев населения оказывали свое разноплановое воздействие на общество в целом и государственную социальную политику в частности. В этих процессах активное участие принимала религия как деятельный социальный институт, оказывая значительное воздействие как на частную жизнь отдельных людей, так и на различные сферы государственной жизни.

Длительное время религия существовала в состоянии интеграции с изменяющимися обществами и государствами, очень тесно сближаясь в числе прочего с их политической подсистемой. К примеру, христианство, изначально рецепированное древнерусской государственностью, было очень тесно связано с ее политическими институтами, априори влияя на функционирование политической системы, имеющих в ней коммуникаций и норм.

Ретроспективный анализ показывает, что зарубежные мыслители и религиозные деятели придерживались зачастую диаметрально противоположных точек зрения по обозначенному кругу вопросов. Так, блаженный Феофилакт Болгарский, рассматривая эволюционный потенциал православного христианства, отмечал его значительные интеграционные возможности, проистекающие из личной ответственности, соборности и, самое главное, общей веры. Практически все христианские церкви признают

также прогресс духовный, необходимость принесения божественной составляющей в различную человеческую деятельность (преобразование природы, творчество и человеческий труд). Хотя, к примеру, революция как способ изменения социальной действительности не признается христианством в качестве механизма развития общества. Согласно взглядам идеологов православия, к примеру митрополита Иоанна (Снычева), революция «...не может служить преобразованиям... словом, скорее способствует уничтожению общества» [9, С. 297].

Ислам, несмотря на сложившиеся стереотипы, нельзя считать бескомпромиссной религиозной системой. Он не отторгает материальные и научные успехи и достижения западного мира, а сами исламские страны включены в международные политические, культурные, экономические взаимодействия. Исламские богословы смогли разработать и вполне успешно воплотить на практике работающую систему, содействующую мусульманам в адаптации к иноконфессиональной среде, а также к изменениям, происходящим в ней.

В отличие от религиозных интерпретаций обозначенного круга вопросов, отдельные представители западноевропейских кругов, находившиеся под влиянием идеологии эпохи Просвещения, считали религию фактором, отрицательно влияющим на общественный прогресс, в частности, помогающим господствующим классам сохранять существующий порядок вещей, затрудняющим революционные преобразования посредством классовой борьбы (К. Маркс) и т. п.

В прошлом положительные оценки роли религии как одного из акциональных факторов политической жизни общества имели различные истоки, смыслы и определяли ее, к примеру, как: детерминанту интеграции общества и

дальнейшего общественного развития (Э. Дюркгейм); стимул общественного развития, влияющего на формирование идеалов (М. Вебер); социальный институт, способствующий процессу социальной дифференциации или социального развития (Т. Парсонс); заслон для американского народа, мешающий делать ему всё, что заблагорассудится (А. де Токвиль); средство навязывания национального единства и подавления личности отдельно взятого человека (К. Шмитт); институт, необходимый для существования общества (наиболее заметные события в сфере интересов друг друга. Отчасти именно имеющиеся между этими двумя социальными институтами тесные функциональные связи и взаимоотношения, ориентированные на обеспечение коммуникации, интеграцию общества, социализацию личности, разработку проектов социального развития (в том числе социально-политических утопий), созидательную деятельность, рационализацию конфликтов, распределение и перераспределение материальных благ, отражают их взаимообусловленность как регулятивных подсистем общества, располагающих собственными ресурсами стабилизации социальных порядков и ослабления политической напряженности.

На протяжении всей истории существования человечества постоянно возникали различные религии, в том числе близкие по типу к народным религиям и тесно связанные с национально-государственными структурами. Эти разновидности мировых религий (буддизм, христианство, ислам) осуществляли функции целеполагания и социальной поддержки каждого конкретного общества, особенно в переломные для него периоды. Ф. Хайек, и многие другие.

Религия и политика (всё, что она в себя включает), сформировавшись как социальные институты и одновременно являясь идиосинкратическими формами человеческой деятель-

ности, на протяжении длительного времени находились во множественном взаимодействии, молниеносно реагируя.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опыт далекого прошлого многократно свидетельствует, что Российская Федерация, как и большинство современных государств, в процессе своего возникновения и дальнейшего развития переживала критичные условия для существовавшего тогда политического устройства и, как правило, осложнявшегося системным кризисом большинства сфер жизнедеятельности.

Одним из таких поворотных моментов в мировой истории стала вторая половина XX века, ознаменованная радикальными социальными и политическими изменениями, сначала сопровождавшимися крахом колониальных империй, а затем и социалистического строя (1989–1991 гг.), с возникновением новых национальных государств, нацеленных на формирование демократической политической системы и рыночной экономики по западному образцу. Хотя ряд стран Африки, Азии (Индия, Китай, Южная Корея) уже в тот момент времени отказались от этого и предприняли весьма успешную попытку собственного пути развития. Политическое переустройство новых государств, возникших на территории бывшего СССР, изначально не предусматривало устройства демократических режимов по европейскому или американскому образцу. К тому же в отдельных случаях безуспешные попытки модернизации некоторых новых государств, появившихся на территории бывшего СССР, повлекли за собой системный кризис – культуры, духовной жизни, экономической сферы, национальной идентичности и политических институтов, который в дальнейшем распространился на всё постсоветское

пространство.

Кроме того, в государствах исламского мира активизировались политические силы, занявшие враждебную позицию по отношению к политическим преобразованиям подобного толка, продемонстрировав факт того, что «религия не утратила своих позиций в общественной жизни мусульманских стран» [2, С. 170–178], а, наоборот, как бы «возродилась» в политике ряда (в том числе вновь возникших) государств [2, С. 170–178]. И все эти глобальные реорганизации сопровождались ростом социальной напряженности и необходимостью пересмотра сущностных основ государственной социальной политики в соответствии с современными этой ситуации реалиями.

Тема социально ориентированного партнерства государства и традиционных религиозных конфессий в один из сложнейших и драматичных по своему содержанию и значимости для будущих поколений периодов истории нашей страны продолжает быть актуальной и в настоящее время и требует современного научного осмысления.

За достаточно длительный период существования СССР в стране под влиянием господствующей атеистической идеологии было практически утеряно большинство форм социально ориентированного партнерства государства и религиозных организаций (благотворительность, добровольческая бескорыстная деятельность, социальное служение и т. п.), а сама религия как мощный духовный бастион и весомый социальный институт была оттеснена из политической жизни на второй план и (или) находилась под жестким контролем, а в определенные периоды – под запретом.

Курс на перестройку в «новой» России повлек за собой кардинальные изменения в различных общественных сферах, в том числе и в государственно-конфессиональных отноше-

ях, а также в переоценке роли религиозного фактора в политической жизни российского общества постсоветского периода.

Перед «новым» Российским государством в самом начале преобразований 90-х годов XX века в связи с произошедшими всеобъемлющими трансформациями, вызвавшими расслоение населения, также встала задача формирования социальной политики, включавшей возможные направления и формы сотрудничества с традиционными для страны религиозными конфессиями.

Согласно официальным данным в начале эпохи преобразований самой крупной и влиятельной религиозной организацией на территории Российской Федерации была Русская православная церковь. Под ее эгидой начало действовать «Всецерковное православное молодёжное движение». Кроме того, в стране функционировали небольшие по численности старообрядческие объединения и церкви, а также Российская православная свободная церковь (или Русская православная церковь за границей), Истинно-православная церковь Киевского патриархата, группы истинно-православных христиан, иоаннитов.

Протестанты, жившие в России, относились к различным течениям и организациям. В стране существовали также довольно многочисленные объединения католиков. В ряде регионов Российской Федерации проживали последователи буддизма в форме ламаизма.

В обозначенный период времени, а именно в 1990-х годах, на территории России активизировались многочисленные исламские организации. Уже в начале и первой половине 90-х гг. XX века в России наблюдался фиксированный резкий рост числа людей, относящих себя к верующим (табл. 1).

ГОСУДАРСТВО, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

Таблица 1 – Сведения о государственной регистрации религиозных организаций в Российской Федерации по состоянию на 1.01.1999 года (извлечения)

Table 1 – Information on state registration of religious organizations in the Russian Federation as of January 1, 1999 (extracts)

Конфессия	Количество религиозных организаций
Русская православная церковь	8897
Русская православная церковь за границей	132
Истинно-православная церковь	106
Российская православная свободная церковь	16
Старообрядцы	206
Римско-католическая церковь	227
Ислам	3072
Буддизм	167
Евангельские христиане-баптисты	766
Совет церквей ЕХБ	43
Адвентисты седьмого дня	348
Лютеране	187

В обозначенный период времени, а именно в 1990-х годах, на территории России активизировались многочисленные исламские организации. Уже в начале и первой половине 90-х гг. XX века в России наблюдался фиксированный резкий рост числа людей, относя-

щих себя к верующим [11, с. 31-41]. Кроме того, возникшая тенденция роста количества религиозных организаций сохранялась в Российской Федерации на протяжении длительного времени, о чем свидетельствуют следующие данные (таб. 2).

Таблица 2 – Динамика роста численности религиозных организаций за 2000–2004 гг.

Table 2 – Dynamics of growth in the number of religious organizations in 2000–2004

Конфессиональная принадлежность религиозной организации	2000	2001	2002	2003	2004
Православные	145	161	166	166	181
Иной конфессиональной принадлежности	34	39	41	41	41

Данные 2000 года показывали, что «к верующим в Бога на тот момент времени относили 43,4 % опрошенных; 28,6 % респондентов заявили о своей безрелигиозной миро-

воззренческой ориентации (неверующие или безразличные к религии); к категории колеблющихся между верой и неверием отнесли себя 23,9 %; верующими в сверхъестествен-

ное признали себя 3,9 %» [11, С. 31–41]. Более половины опрошенных (55,9 %) назвали себя православными; 2,9 % позиционировали себя приверженцами ислама; 1,7 % респондентов причислились к другим конфессиям; о своей внеконфессиональной религиозности заявили 6,6 % [11, С. 31–41].

Из всех религиозных направлений и организаций наиболее реальное участие в выработке основных принципов социально ориентированного партнерства государства и «традиционных» религий были и по-прежнему остаются «политизированные» православие и ислам.

Возникшая в стране ситуация к тому же осложнялась тем, что преодоление социальной напряженности и сочлененных с ней кризисных явлений, а также выработка реально работающей социальной парадигмы, способной на постоянной основе поддерживать политическую стабильность, были связаны с фактом существования в стране определенного советского опыта решения социальных проблем. Последний, в реальности практически исключал участие религии в социально ориентированных мероприятиях и акциях. В этот период без должного внимания оставались многие возможности подобного тесного взаимодействия государственных структур и традиционных для России религиозных организаций: совместная поддержка культурно-просветительских учебных и научных проектов; организация помощи больницам и детским домам, а также семьям погибших и раненых военнослужащих и другим категориям нуждающихся, в том числе через вновь созданные совместные благотворительные фонды.

Наличие же у населения в самом начале эпохи преобразований некоторого запаса прочности, преимущественно финансового и

материального плана, спровоцировало в стране опасную картину, в которой неоправданные конкретными позитивными условиями по решению существующих многочисленных проблем идеалистические ожидания и настроения какое-то время соседствовали с отсутствием новой ресурсной базы развития социальной сферы в условиях российской государственности, совершенно отличной от советского типа. Данные обстоятельства, а также недооценка необходимости первоочередного преодоления кризисных социальных явлений, отсутствие опыта и нежелание предпринимать конкретные действия ответственными за социальную политику людьми и структурами в дальнейшем приводят к усугублению кризисного состояния страны. На данном этапе развития российской государственности можно выделить несколько особенно острых периодов в нарастании национальных и собственно социальных проблем, осмысление масштабности и значимости которых кардинальным образом изменило отношение к необходимости их незамедлительного решения у всех вовлеченных сторон: первый кризис – ноябрь – декабрь 1997 года; второй – самый мощный – приходится на август 1998 года; третий – октябрь 1998 года и четвертый – апрель 1999 года. Но именно августовский кризис и последующие за ним противоречивые «социально-экономические процессы, как таковые, серьезно повлияли на собственно мировоззренческо-религиозные или атеистические воззрения» [8, С. 69–79] различных групп населения, но они проявились, к примеру, в особенностях отношения различных возрастных групп к тем или иным социальным, политическим, экономическим и нравственным реалиям. Именно в это время религия в лице РПЦ «заявила о себе как о важнейшем социальном институте,

взявшем на себя роль консолидирующей силы, осуществляющей заботу о нравственном и духовном состоянии общества» [8, С. 69–79].

Во многом обозначенные нами обстоятельства оказали серьёзное влияние на актуализацию пристального интереса научного сообщества постсоветского периода к обозначенному кругу насущных социальных проблем, который не утихает до настоящего времени. Исследование вопросов, связанных с анализом основных тенденций взаимодействия органов государственной власти различного уровня, прежде всего федерального и регионального, а также органов местного самоуправления с религиозными конфессиями в контексте выработки основ, а затем и успешной реализации государственной социальной политики, стало предметом рассмотрения разноплановых и многоаспектных исследований отечественных ученых и обществоведов постперестроечного периода: А. В. Алексеева, И. В. Астэр, Е. А. Безнощенко, В. Н. Белик, Р. И. Богатырева, Е. В. Воропаева, Б. В. Вовченко, К. В. Воденко, А. А. Высоцкого, А. Ю. Галачинской, Я. В. Григорьевой, О. В. Глацких, К. С. Дёмина, М. В. Ефремовой, А. П. Ештокина, С. О. Елишева, В. А. Зверевой, Д. Ю. Зацепиной, Н. А. Зарубиной, А. Р. Зенкова, С. В. Иванченко, Т. В. Игнатова, А. В. Исаева, М. Ш. Иксанова, Ю. В. Ирхина, И. А. Калачян, М. Ю. Карелиной, А. В. Карпова, Т. А. Кармизовой, В. С. Кохтачева, С. С. Комарова, Е. В. Кривцовой, Д. Л. Лапина, Р. Н. Лункина, Т. Е. Леонтьевой, З. Х. Лепшоковой, Т. П. Лисовской, В. В. Ломакина, Л. В. Макаровой, М. Ю. Мартынова, В. А. Матвиенко, Т. М. Мурзабекова, Н. В. Михайловой, Е. А. Михайловой, Ю. В. Мачневой, А. И. Мирярова, М. М. Мчедловой, А. В. Павловой, А. В. Петрянина, Л. И. Поздняковой, А. В. Прокopenко, Е. Ю. Присакарь, А. В. Ростокинского,

М. Б. Рыбальченко, Т. И. Рудченко, Т. Н. Савиной, О. В. Селезнёва, А. В. Ситникова, Т. В. Склярской, В. О. Скатькова, О. А. Сударгина, М. С. Тимофеева, Л. Б. Томилиной, В. Б. Устиненко, Н. В. Ушаковой, Н. В. Филиной, П. Б. Чуприкова, И. Г. Шаркова, Э. З. Шакировой, П. П. Шикова, О. К. Шиманской, Р. А. Хутыз и многих других.

Проявленный научным сообществом интерес к проблемам организации различных по масштабу совокупности мер по подготовке, модернизации и практической реализации форм оказания помощи социально незащищенным слоям населения совместными усилиями государства и религиозных конфессий в постсоветский период позволил ему выявить ряд острейших проблем, которые возникли в этой сфере с началом в нашей стране эпохи перестройки, а затем и со строительством новой российской государственности. Среди них в первую очередь были выделены рост нищеты, безработица, неудовлетворенность развитием социальной сферы, несвоевременные выплаты заработной платы и пенсий, а также многие другие негативные явления в экономической сфере страны, оказавшие отрицательное воздействие на адекватное развитие образования, здравоохранения, культуры. Всё это, вместе взятое, привело к повышению уровня общего социального напряжения среди всех без исключения слоев населения, ещё более ухудшив нравственно-психологический фон в стране.

В этих сложных условиях в Российском государстве стало наблюдаться повышение роли религии и усиление ее влияния на все сферы государственной и общественной жизни, в том числе социальной помощи, особенно на фоне разворачивания процессов мировоззренческой неопределенности.

Собственная точка зрения на необходи-

мость участия религиозных конфессий в реализации совместных с государством социально ориентированных мероприятий и разнообразных программ была сформирована в индуизме, иудаизме, буддизме, христианстве, исламе и других религиях [7, С. 79–85].

Так, к примеру, сложно оспорить слова епископа Пантелеимона (в миру Аркадия Викторовича Шатова): «...социальная деятельность никогда не была для Церкви самоцелью. ...эта деятельность – выражение сострадания и любви к ближнему. Так и наше служение должно распространяться на всех нуждающихся в помощи» [3, С. 10–15]. А, по словам протоиерея Георгия Феклистова, «...миссионерство – это свидетельство о любви христианина ко Христу, а вследствие этого, и к ближнему» [1, С. 67–70].

Большинство верующих в «новой» России придерживалось «традиционных» для страны исповеданий. Однако длительное жесткое подавление религии и планомерное насаждение атеизма создали ситуацию, когда, во-первых, значительная часть населения стала относить себя к неопределенной категории верующих вообще; во-вторых, многие, относившие себя к тому или иному вероисповеданию, имели слабое представление о сути традиционного учения.

Методологической основой предпринятого исследования является единство содержательной составляющей нескольких взаимосвязанных понятий: «социальная политика», «социальное служение», «социально-политическое партнёрство», «социально ориентированное партнёрство». Именно их непосредственный синергизм в теории создаёт необходимые условия для эффективного сотрудничества на практике всех вовлечённых в него сторон (органы государственной власти и местного самоуправления, биз-

нес, религиозные конфессии и т. п.). Особенно важен в этом контексте их детальный анализ в соотношении друг с другом.

Так, «социальная политика» стала тем понятием, которое является центральным в контексте строящегося взаимодействия государства и религий. В начале эпохи преобразований в самом простом варианте она определялась как массовая политика (включала максимальное количество социальных слоев и групп), касалась устоявшегося образа жизни, предполагала четкое разделение ролей (государство – источник материальных благ, привилегий и льгот; население – иждивенцы, потребители). Позднее она стала интерпретироваться как «...политика, направленная на регуляцию отношений между обществом и личностью посредством управления интересами и через интересы людей» [5, С. 183–187]. Наиболее полной и близкой реалиям нашего времени стала трактовка социальной политики как «...реализации социальной функции государства, направленной на достижение баланса прав, обязанностей, возможностей и гарантий всех участников общественного производства...» [6, С. 199–207].

Понятие «социальное служение» в научной литературе наиболее часто употребляется для характеристики социальной деятельности преимущественно Русской православной церкви. Наиболее популярная трактовка этого понятия определяет его как «...исторически сложившуюся совокупность организационных форм социальной деятельности религиозных организаций, заключающихся в проведении благотворительных, безвозмездных мероприятий в отношении нуждающихся в помощи людей» [10, С. 88–91].

Дефиниция «социально-политическое партнёрство» определяется как «...форма

взаимодействия его участников на взаимовыгодных условиях (с учетом общих интересов)» [4, С. 103–110].

Социально ориентированное партнёрство является наиболее актуальным и всеобъемлющим для нашего времени институциональным понятием, включающим в себя весь комплекс солидарных мер государства и традиционных религиозных конфессий по решению социальных проблем современности.

Безусловно, осознанный интерес к вопросам поэтапного формирования социально ориентированного партнёрства органов государственной власти и религиозных конфессий в эпоху преобразований российской государственности пришелся именно на период, последовавший за августовским кризисом 1998 года, и перманентно, в отдельных её аспектах и проявлениях, продолжается в наши дни.

Социально-ориентированное партнёрство государства и религий в ретроспективе преобразований «новой» России, направленное на решение остро вставших социальных проблем, изначально осуществляется всеми вовлеченными в это взаимодействие акторами (органами государственной власти, религиозными конфессиями и т. п.) совместно, лишь в отдельных случаях самостоятельно или с привлечением сторонних общественных организаций, представителей бизнес-сообществ.

В российских реалиях недалекого времени полноценное и эффективное взаимодействие в социальной сфере в своем развитии прошло сложный путь становления – от разрозненных и даже противоречивых по своей направленности форм оказания помощи нуждающимся до оформленной по всем правилам стратегии социально ориентированного партнёрства, позволяющей оптимизиро-

вать все имеющиеся ресурсы и направить их на социальную поддержку широких слоёв населения.

Перестройка навсегда изменила отношение официальной власти к не единожды высказанному желанию религиозных деятелей, представляющих традиционные для России конфессии, принять посильное участие в решении социальных проблем. Социальное партнёрство в указанном направлении при грамотном подходе к его реализации позволило не только более адресно оказывать психологическую, материальную помощь обездоленным людям, но и совмещать эту деятельность с духовной помощью, к примеру в моральной поддержке военнослужащих или в воспитании подрастающего поколения и т. п.

Одними из первых шагов в налаживании социально ориентированного партнёрства государства и религий стали решения по формализации данного типа сотрудничества, вылившиеся со стороны государства в оптимизацию законодательной базы, а со стороны религиозных организаций – в ее создание. За достаточно короткий промежуток времени в стране был разработан и принят целый ряд законодательных актов о различных аспектах деятельности религиозных организаций, важнейшим из которых стал ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 года. Органами государственной власти разного уровня была разработана и стала активно применяться договорная форма координации сотрудничества с религиозными конфессиями в социальной сфере. На федеральном уровне это, к примеру, Договор о сотрудничестве Министерства образования Российской Федерации и Московской Патриархии Русской Православной Церкви от 2 августа 1999 года;

а на региональном – Соглашение Чебоксарско-Чувашской епархии с МВД по Чувашии, заключенное в ноябре 2005 года, Соглашение о сотрудничестве Духовного управления мусульман Татарстана и республиканского УФСКН о совместной работе по профилактике наркомании от 21 марта 2011 года и многие другие.

Традиционные для Российского государства религиозные конфессии в 2000-х гг. также осознали необходимость формального закрепления своих позиций по решению вопросов социальной политики, разработав и приняв собственные концептуальные документы: «Социальная позиция протестантских церквей в России» (2003 г.), «Основы социальной концепции Русской православной церкви» (2001 г.), «Основные положения социальной программы российских мусульман» (2001 г.) и т. п.

Ещё одним направлением, но уже более практического плана стало конструирование институциональных форм социально ориентированного партнерства, предполагающее объединение и координацию действующих на тот момент времени заинтересованных акторов в деле преодоления социальной напряженности. Так, к примеру, на территории Липецкой области в начале 2000-х было зарегистрировано 25 благотворительных фондов, которые на основе сотрудничества с региональной властью, местным самоуправлением и представителями крупного, среднего и мелкого бизнеса вносили свой посильный вклад в дело духовного возрождения общества и помощь больным (физически и духовно) людям преклонного возраста, лицам, освободившимся из мест лишения свободы или находящимся там, детям-сиротам, ветеранам боевых действий, инвалидам и т. д.

Спектр задач межрегиональной благотво-

рительной еврейской общественной организации «Общинно-благотворительный центр «Нэшер», зарегистрированной на территории Орловской области 16 ноября 2000 года, для осуществления материальной поддержки и реализации социальных программ весьма широк. Центр оказывал помощь разным слоям населения в виде покупки для них продуктов, оплаты медикаментов, сезонной одежды для детей из малообеспеченных семей, экстренной помощи в особых ситуациях. Для этого он сотрудничал с администрациями города и области, различными НКО.

Волонтерское молодёжное православное движение «Богоявленская семья», начавшее свою работу при Богоявленском соборе города Орла не так давно, уже успело организовать ряд успешных социальных проектов и благотворительных акций (поездки для детей-инвалидов по святым местам, подарки для онкобольных детей и т. п.).

Безусловно, не менее важным направлением в контексте складывающегося сотрудничества Российского государства и традиционных для него религий стало взаимодействие по духовно-нравственному просвещению населения. Практически в каждом субъекте Российской Федерации сформировался положительный опыт подобного вида деятельности. К примеру, в Астраханской области АРДУМ («Астраханское региональное духовное управление мусульман») в 2000-х гг. предпринимало значительные усилия «для просвещения, образования, участия в решении социальных проблемам, а также вопросах мира и взаимопонимания в стране» [12, С. 62–64].

В Орловской области успешными примерами реализации направления этого социального взаимодействия стала реализуемая в городе Орле с 2010 года благотворительная

программа «Женское здоровье», в рамках которой регулярно проводились духовно-просветительские встречи, акции «День здоровья» в Шаховской колонии и многое другое.

В целом практически во всех регионах в тот сложный для России период осуществлялась совместная духовно-просветительская работа государства и традиционных религий, нацеленная, прежде всего, на формирование личности человека с высокими моральными и нравственными качествами, обладающей устойчивой системой внутреннего самоконтроля и живущего по законам совести.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная ретроспектива нескольких аспектов социально ориентированного партнерства государства и религий эпохи радикальных преобразований страны позволяет оценить возникшую коммуникацию как достаточно сложившуюся и одновременно эволюционирующую форму сотрудничества активных его участников.

Несомненно, процесс выработки оптимальной модели эффективного взаимодействия в социальной сфере далек от своего логического завершения и по-прежнему имеет нерешенные задачи, среди которых недостаток квалифицированных в социально-религиозных вопросах кадров, рост религиозного экстремизма, активизация связанного с ним терроризма, в конечном итоге влияющих на корректность выстраиваемого диалога, и многие другие. Отмеченные нами в рамках данного исследования моменты, безусловно, санкционируют использование приобретенного опыта, особенно в деле избавления общества от антигуманных тенденций и наметившейся в современном российском обществе разобщенности людей, отчасти имеющей свои истоки в девяностых годах XX века.

Библиография /References:

1. Бондаренко Л.Ф. О главных принципах православного миссионерства и их проявлении в деятельности Алтайской Духовной Миссии // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – №324. – С. 67–70.
2. Евкочев Ш. Ислам и модели политического и социально-экономического развития государств мусульманского мира // Центральная Азия и Кавказ. – 2008. – №1(55). – С.170–178.
3. Епископ Пантелеимон (Шатов) Социальное служение как основная форма участия мирян в жизни Церкви // Приход. Православный вестник. – 2010. – №3(93). – С.10–15.
4. Исаев А. В. Социально-политическое партнерство органов государственной власти и Русской Православной Церкви в современной России: проблемы и пути оптимизации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – №1(18). – С.103–110.
5. Кривцова Е.В., Мачнева Ю.В. Взаимосвязь благотворительности и государственной социальной политики // Система ценностей современного общества. – 2008. – № 1. – С. 183-187.
6. Лобазова О.Ф. Религия и социальная политика: диалектика взаимосвязи / Социальная политика и социология. – 2015. – Т.14. – №6(113). – С.199-207.
7. Матвиенко В.А. Репрезентация социальной политики в государственном и религиозном дискурсах: опыт политико-правового анализа // Вестник Поволжского института управления. – 2018. – Т.18. – №2. – С.79–85.
8. Махно Л.Л. Социальное служение русской православной церкви: история и современность // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2020. – №4. – С.69-79.

9. Митрополит Иоанн (Снычев). Посох духовный. Выбранные места из трудов Архипастыря. – СПб.: Царское дело, 1998. – 480с.
10. Сипягина Е. А. Социальное служение Русской православной церкви в современной историографии (1988-2008 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – Т.25. – № 1. – С.88–91.
11. Стецкевич М.С., Шахнович М.М. Религиозная ситуация в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. – 2006. – №4. – С.30-41.
12. Сызранов А. В. «Мусульманское возрождение» в регионах Поволжья (1991–2008гг.) // Клио. – 2013. – №4(76). – С.62–64.
1. Bondarenko L.F. (2009) O glavnyh principah pravoslavnogo missionerstva i ih proyavlenii v deyatel'nosti Altajskoj Duhovnoj Missii [On the main principles of Orthodox missionary work and their manifestation in the activities of the Altai Spiritual Mission] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – №324. – S.67–70. (In Russ.).
2. Evkachev Sh. (2008) Islam i modeli politicheskogo i social'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstv musul'manskogo mira [Islam and models of political and socio-economic development of the Muslim world States] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – №1(55). – S.170–178. (In Russ.).
3. Bishop Panteleimon (Shatov) (2010) Social'noe sluzhenie kak osnovnaya forma uchastiya miryan v zhizni Cerkvi [Social service as the main form of lay participation in the life of the Church] // Prihod. Pravoslavnyj vestnik. – №3(93). – S.10–15. (In Russ.).
4. Isaev A.V. (2011) Social'no-politicheskoe partnerstvo organov gosudarstvennoj vlasti i Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi v sovremennoj Rossii: problemy i puti optimizacii [Socio-political partnership of state authorities and the Russian Orthodox Church in modern Russia: problems and ways of optimization] // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. – №1(18). – S.103–110. (In Russ.).
5. Krivtsova E.V., Machneva Yu.V. (2008) Vzaimosvyaz' blagotvoritel'nosti i gosudarstvennoj social'noj politiki [Interrelation of charity and state social policy] // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. – №1. – S.183–187. (In Russ.).
6. Lobazova, O. F. (2015) Religiya i social'naya politika: dialektika vzaimosvyazi [Religion and social policy: dialectics of interrelation] // Social'naya politika i sociologiya. – Т.14. – №6(113). – S.199-207. (In Russ.).
7. Matvienko V.A. (2018) Rerezentaciya social'noj politiki v gosudarstvennom i religioznom diskursah: opyt politiko-pravovogo analiza [Representation of social policy in state and religious discourses: experience of political and legal analysis] // Vestnik Povolzh-skogo instituta upravleniya. – Vol.18, – №2. – S.79–85. (In Russ.).
8. Makhno L.L. (2020) Social'noe sluzhenie russkoj pravoslavnoj cerkvi: istoriya i sovremenost' [Social service of the Russian Orthodox Church: history and modernity] // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitar-nye nauki. – №4. – S.69–79. (In Russ.).
9. Metropolitan John (Snychev) (1998) Posoh duhovnyj. Vybrannye mesta iz trudov Arhipastyrya [The staff is spiritual. Selected places from the writings of the Archpastor]. – St. Petersburg: Tsarskoe delo. – 480s. (In Russ.).
10. Sipyagina E.A. (2019) Social'noe sluzhenie Russkoj pravoslavnoj cerkvi v sovremennoj istoriografii (1988-2008gg.) [Social

service of the Russian Orthodox Church in contemporary historiography (1988-2008)] // Vestnik Kostromskogo gosudarstven-nogo universiteta. – Vol.25. – №1. – S.88–91. (In Russ.).

11. Stetskevich M.S., Shakhnovich M.M. (2006) Religioznaya situatsiya v sovremennoj Rossii [The religious situation in modern Russia] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhduna-rodnye otnosheniya. – №4. – S.30–41. (In Russ.).

12. Syzranov A.V. (2013) «Musul'manskoe vozrozhdenie» v regionah Povolzh'ya (1991-2008gg.) ["Muslim revival" in the Volga region regions (1991-2008)] // Klio. – №4(76). – S.62–64. (In Russ.).

ТИУНЧИК Андрей Михайлович, мл. научный сотрудник, аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия, Ярославль), e-mail: praprog83@mail.ru, AuthorID: 1158126

ХАРИТОНОВ Герман Павлович, младший научный сотрудник, аспирант, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Россия, Ярославль), e-mail: german.kharitnv@rambler.ru, AuthorID: 1038577

TIUNCHIK A.M., Research Assistant, Postgraduate student at the Department of Russian Medieval and Modern History, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: praprog83@mail.ru, AuthorID: 1158126

KHARITONOV G.P., Research Assistant, Postgraduate student at the Department of Russian Medieval and Modern History, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: german.kharitnv@rambler.ru, AuthorID: 1158126

**КРЕСТНЫЕ ХОДЫ В ЯРОСЛАВСКОЙ ЕПАРХИИ
КАК ФЕНОМЕН СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РЕГИОНА**

**CROSS PROCESSIONS IN YAROSLAVL DIOCESE
AS A PHENOMENON OF SOCIO-CULTURAL LIFE OF THE REGION**

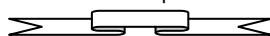
Аннотация Цель статьи заключается в анализе неопубликованных архивных источников, местной периодической печати и трудов краеведов XIX века, раскрывающих многообразие крестных ходов Ярославской епархии второй половины XIX – начале XX вв. Авторами определяется место и роль крестных ходов в религиозной и социокультурной жизни епархии, их взаимосвязь с почитанием чудотворных икон и святых. В статье даётся подробная классификация основных видов крестных ходов по территории и по причинам их возникновения. На примере Ростовского уезда Ярославской губернии впервые исследована степень распространения в епархии такого явления, как сельские крестные ходы. В исследовании выявлена специфика их проведения и изучено отношение к ним местного крестьянского населения. Особое внимание в статье уделяется изучению епархиальных миссионерских крестных ходов с иконой святой княгини Анны Кашинской, получивших распространение в начале XX века

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда №22-28-01231, <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>.

Ключевые слова: Ярославская епархия, крестный ход, почитание святых, миссионерский крестный ход, сельский крестный ход, Ярославская губерния.

Abstract. Based on the analysis of unpublished archival sources, local periodicals, works of local historians of the 19th century, the article analyzes the variety of religious processions performed in the Yaroslavl diocese in the second half of the 19th - early 20th centuries. The place and role of religious processions in the religious and socio-cultural life of the diocese, their relationship with the veneration of miraculous icons and saints is determined. The article provides a detailed classification of the main types of religious processions according to the territory covered and the reasons for their occurrence. On the example of the Rostov district of the Yaroslavl province the degree of distribution in the diocese of such a phenomenon as a rural religious procession was studied, the specifics of their conduct were revealed, and the attitude of the local peasant population towards them was studied. Particular attention is paid to the study of diocesan missionary religious processions with the icon of the Holy Princess Anna of Kashinskaya, which became widespread at the beginning of the 20th century (*The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation №22-28-01231, <https://rscf.ru/project/22-28-01231/>.*)

Keywords: Yaroslavl diocese, religious procession, veneration of saints, missionary religious procession, village religious procession, Yaroslavl province.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из широко распространенных и массовых форм религиозной и социокультурной деятельности духовенства и мирян в Ярославской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. являлась организация и проведение крестных ходов. Под крестным ходом в Православной Церкви понимается торжественное шествие духовенства и мирян с крестом, иконами, хоругвями и иными святынями, сопровождаемое пением молебнов, проводящееся по тому или иному случаю (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIa. СПб, 1895. С. 648–649.). Традиция проведения крестных ходов была заимствована на Русь из Византии в первые годы распространения христианства и все последующие столетия занимала важное место в религиозной обрядности Русской Православной Церкви. Во второй половине XIX века она получает большое распространение. Крестные ходы становятся массовыми явлениями, а в некоторых городах и крупных населенных пунктах число ежегодно проводимых шествий достигает нескольких десятков.

В трудах по истории Ярославской епархии, как вышедших в конце XIX – начале XX вв., так и современных исследованиях, изучение крестных ходов не получило широкого распространения. Единственным наиболее проработанным аспектом темы на данный момент является организация и проведение наиболее масштабных и популярных у населения монастырских крестных ходов с почитаемыми иконами, которые организовывались крупными обителями Ярославской епархии [9; 1; и др.].

Сведения о подобных крестных ходах встречаются в дореволюционных изданиях по истории монастырей, сообщениях мест-

ных периодических изданий. Значительный вклад в разработку этого аспекта темы был сделан исследователем В.В. Денисовым, выявившим особенности законодательного регулирования, причины возникновения и преследуемые духовенством цели при проведении монастырских крестных ходов, их роль в обеспечении финансового благополучия обителей [3; 4; 5; и др.]. В отдельных немногочисленных работах исследовались общегородские крестные ходы в крупных центрах Ярославской епархии, таких как Ярославль, Углич, Ростов и Рыбинск [См., например: 8, С. 234–240]. При этом до настоящего времени неизученными остаются существовавшие в XIX – начале XX века в огромном множестве местные крестные ходы в сельской местности, миссионерские крестные ходы с целью борьбы с расколом и сектантством, а также некоторые другие виды крестных ходов, распространенных в Ярославской епархии.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сведения о крестных ходах, совершаемых в Ярославской губернии, содержатся в разнообразных источниках, лишь комплексное использование которых позволяет всесторонне изучить разновидности, специфику организации и проведения, а также социокультурное значение этого религиозного обряда. Архивные материалы о молитвенных шествиях в основном сосредоточены в фонде Ярославской Духовной консистории Государственного архива Ярославской области (Ф. 230), однако, как правило, они содержат лишь бюрократическую переписку о разрешении или воспрещении устройства тех или иных крестных ходов, преимущественно го-

родских и монастырских. Сведения о местных крестных ходах крайне малочисленны и скудны.

Архивные материалы дополняются публикациями в местной периодической печати. В газетах «Ярославские губернские ведомости» и «Ярославские епархиальные ведомости» во второй половине XIX – начале XX вв. регулярно помещались краткие сообщения и описания наиболее значимых крестных ходов в губернском центре и крупных уездных городах. Другим ценным источником по данной теме выступают «Памятные» и «Справочные» книги Ярославской губернии, на страницах которых ежегодно публиковалась справочная информация о совершаемых крестных ходах.

Особое знание для изучения сельских приходских крестных ходов Ярославской епархии имеет фундаментальный труд ростовского коллекционера и краеведа, знатока местной истории А.А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии», представляющий собой историко-археологическое и статистическое описание всех населенных пунктов уезда с перечислением крестных ходов по каждому церковному приходу [11]. Анализ материалов данной работы дает возможность на примере одного из десяти уездов Ярославской губернии выявить степень распространения такого явления, как сельские крестные ходы, в крестьянской среде, а также установить основные причины их появления. Специфику проведения сельских приходских крестных ходов, отношение к ним местного крестьянского населения, а также их социокультурное значение помогают установить этнографические описания, подготовленные в конце XIX века местными корреспондентами в рамках деятельности Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева

[10].

Все многообразие существовавших в Ярославской епархии в конце XIX – начале XX вв. крестных ходов можно классифицировать по нескольким основаниям. При классификации по охватываемой территории выделяются общецерковные, епархиальные, общегородские и местные (приходские) крестные ходы.

Общецерковные крестные ходы проводились повсеместно, во всех городах и селах Российской империи и приурочивались к общецерковным праздникам. Ярославская епархия не являлась исключением. Ежегодно 6 января (здесь и далее даты даны по юлианскому календарю) в праздник Богоявления совершался крестный ход к ближайшему водоему для освящения воды в память крещения Иисуса Христа. В Ярославле главный водосвятный крестный ход проводился из Спасского монастыря, где располагался архиерейский дом, на иордань на реке Которосль [12, С. 95], а в Ростове из Успенского собора на иордань на озере Неро близ Борисоглебской церкви (Календарь Ярославской губернии на 1879 год. Ярославль, 1879. С. 62). В пасхальную неделю повсеместно совершались крестные ходы вокруг храмов. Например, в городе Мологе общегородской крестный ход вокруг собора проводился на Пасхальной неделе в понедельник (Календарь Ярославской губернии на 1879 год. Ярославль, 1879. С. 59). В праздник Преполовления (25-ый день по Пасхе) вновь организовывались крестные ходы к водоемам для освящения воды. В Ростове в этот день совершалось особенно торжественное шествие из Успенского собора к озеру Неро, откуда после обряда водоосвящения, крестный ход возвращался в собор вокруг Кремля по городскому земляному валу (Календарь

Ярославской губернии на 1878 год. Ярославль, 1878. С. 35.). 1 августа, в день Происхождения честных древ Животворящего Креста из соборных храмов городов организовывались крестные ходы также с целью освящения воды. Например, в Ярославле в этот день ежегодно совершался крестный ход из Успенского собора к иордани на реке Волге [12, С. 95].

Епархиальные крестные ходы, маршруты которых затрагивали сразу несколько уездов и проходили через крупные города и села, были длительными и совершались по несколько недель. К ним, как правило, относились монастырские крестные ходы, в ходе которых по населенным пунктам губернии переносились особо чтимые среди местного населения чудотворные иконы. В Ярославской епархии к таким иконам относились: Толгская икона Божией матери из Толгского мужского монастыря, Казанская икона Божией Матери из ярославского Казанского женского монастыря; Тихвинская икона Божией Матери из ростовского Рождественского женского монастыря; Югская икона Божией Матери из Югской Дорофеевой пустыни (Рыбинский уезд); икона Рождества Богородицы из Исаковой пустыни (Пошехонский уезд); икона преподобного мученика Адриана и икона Успения Богоматери из Адрианова Успенского монастыря (Пошехонский уезд); икона Покрова Божией Матери и икона Преподобного Паисия из угличского Покровского Паисьева монастыря, Тихвинская икона Божией Матери из мологского Афанасьевского монастыря. Все перечисленные иконы принимали участие в многодневных крестных ходах, ежегодно в летнее время перемещаясь по ставшим к рассматриваемому времени традиционным маршрутам.

Например, чудотворная Толгская икона

Божией Матери, особо почитаемая среди ярославцев, каждый год совершала несколько различных по длительности и маршруту крестных ходов. Ежегодно с 1728 г. в четвертое воскресенье после Пасхи икона приносилась в Ярославль, где находилась до 1 июля. Затем на протяжении июля совершался второй длительный крестный ход, в ходе которого Толгскую икону доставляли в село Вятское Даниловского уезда (с 1826 г.), село Давыдково Романово-Борисоглебского уезда (с 1835 г.) и село Федоровское Ярославского уезда (с 1832 г.). Третий крестный ход, установленный в 1800 года, совершался в Норский посад, а с 1870 года далее вверх по Волге до города Рыбинска продолжался с 14 августа до 13 сентября. Последний крестный ход, совершаемый осенью с 16 сентября по 20 ноября, доставлял чудотворную икону в село Диево-Городище [16, С. 25–27]. Таким образом, как видно из маршрутов следования иконы, почти все летние и осенние месяцы Толгская святыня проводила вне стен своей обители.

Иногда крестные ходы могли выходить за границы одной губернии и затрагивать территорию соседних епархий, но эти случаи являлись редкостью, т.к. для организации подобного рода мероприятий требовалась длительная переписка между епархиальными архиереями и Святейшим Синодом с целью согласования шествия. Единственным примером такого рода ходов в Ярославской епархии являлись крестные ходы с иконой Николая Чудотворца из Николо-Бабаевского монастыря Костромской епархии, расположенного на границе Ярославской и Костромской губерний, недалеко от Ярославля. Указом Святейшего Синода от 4 июля 1866 года эту святыню разрешено было доставлять крестным ходом в Ярославский Успенский

собор, где она ежегодно пребывала месяц с середины сентября до середины октября (Ярославские епархиальные ведомости. Ч. Неоф. 1868. №38. С. 318). Из-за осенней распутицы, затруднявшей проведение сухопутного крестного хода, транспортировка иконы в Ярославль и обратно в монастырь осуществлялась по Волге на пароходе, бесплатно предоставляемом для этой цели ярославскими купцами братьями Тихомировыми (Ярославские губернские ведомости. Ч. Неоф. 1886. №71. С.5). С 1876 года та же икона стала доставляться в город Данилов Ярославской губернии. Кроме того, известно, что нерегулярные крестные ходы с иконой Николая Чудотворца из Николо-Бабаевского монастыря совершались и в другие населенные пункты Ярославской епархии [3, С. 227–228].

Массовые епархиальные крестные ходы с чудотворными монастырскими иконами играли важную роль в религиозной жизни Ярославской епархии, способствуя еще более широкому распространению почитания святынь, раскрытию и укреплению религиозных чувств верующих. Для монастырей подобные крестные ходы имели еще и чисто прагматическое значение: в рамках крестных ходов традиционно собирались пожертвования на нужды обитателей, приносящие им значительный доход. Пожертвования могли представлять собой как единовременный вклад на нужды монастыря от добровольного жертвователя, так и носить форму оплаты за проведение богослужения с чудотворной иконой на дому, причем первый вариант был более распространен и приносил большой доход [3, С. 230].

Следующим видом крестных ходов являлись общегородские крестные ходы, устраиваемые в честь локальных церковных празд-

ников, почитаемых святынь и местночтимых святых или в память значимых для горожан событий прошлого: крупных пожаров, избавлений от эпидемий, военных событий. «Это суть памятники проникнутого истинным благочестием покаяния наших предков в години грозного посещения Божия и их твердой веры, сохраняющиеся в назидание грядущим» [6, С. 279] – отмечал ярославский краевед А.П. Крылов, оценивая религиозное и историко-культурное значение подобных крестных ходов.

Наибольшее число крестных ходов данного вида проводилось в губернском центре – Ярославле. 2 мая, в день святого Афанасия, патриарха Александрийского, совершался крестный ход из Успенского собора в Афанасьевский монастырь.

23 мая в день Святого Леонтия, Епископа Ростовского, которому была посвящена ярославская кладбищенская церковь, совершался большой крестный ход с соборными иконами на Леонтьевское кладбище. После литургии ярославским архиереем совершалась панихида по всем усопшим. По завершении богослужения многочисленные горожане посещали могилы своих родственников, а духовенство со всех городских приходов по приглашению своих прихожан совершали панихиды и литии над могилами покойников (Ярославские губернские ведомости. Ч. Неоф. 1856. №52. С. 491).

22 июня ежегодно в день переложения в новую раку мощей благоверных князей Ярославских Федора, Давида и Константина проводился крестный ход из Успенского собора в бывший Спасский монастырь, где хранились мощи святых. 3 июля, в день памяти Благоверных Князей Ярославских Василия и Константина совершался крестный ход вокруг Рубленного города – территории

несохранившегося древнего ярославского кремля. 16 августа, в день празднования иконы Спаса Нерукотворного, совершался крестный ход из Успенского собора в Спасо-пробоинскую церковь, где хранился особого почитаемый среди Ярославцев образ Спаса Нерукотворного. В день памяти Великомученицы Параскевы Пятницы, 28 октября, совершался крестный ход в Пятницкую церковь на Туговой горе с соборными иконами.

В июле в память избавления Ярославля от чумы, бушевавшей в 1771-1772 гг., проходила целая серия крестных ходов, вместе охватывавших территорию всего города. Первый крестный ход в первое воскресенье Петрова поста из Кафедрального собора проходил вокруг центральной и северной частей города (1 и 2 части). Из Собора на Ильинскую площадь, направлялся по Волжской набережной, затем мимо Загородного сада через Сенную площадь по Спасской улице, а далее вдоль реки Которосль до Успенского собора. Спустя неделю, во второе воскресенье июля, после Казанской, совершался крестный ход из церкви Иоанна Предтечи по 3 части города, расположенной на правом берегу реки Которосль до Московского шоссе. В этой местности находился густонаселенный рабочий район Ярославской Большой Мануфактуры, для которого данный крестный ход открывал трехдневное народное гулянье, на время которого фабрика полностью останавливалась (Ярославские губернские ведомости. Ч. Неоф. 1887. №55. С.1). Гуляния сопровождалось различными увеселениями: акробатами, музыкой, песнями, состязаниями на призы в лазании на столб, в беге в мешках и т.д. По воспоминаниям современников, пьянство во время этого праздника «было великое» [2, С. 211], несмотря на то, что руководство фабрики

стремилось устраивать гуляния в поле, вдали от питейных заведений. В конце XIX века трехдневные гуляния, в ходе которых фабрика простаивала, отчего несли убытки как владельцы, так и рабочие, недополучавшие зарплату, были ограничены одним воскресным выходным днем. Желавшие продолжать праздновать три дня могли взять отгулы, остальные рабочие, среди которых становилось все больше неместного населения, более сдержанно относившегося к традиционному празднику, выходили на работу [2, С. 211]. Завершалась серия июльских крестных ходов в третье воскресенье месяца шествием из Успенского собора вокруг Коровницкой слободы. В этом крестном ходе участвовали три прихода: Злотоустовской церкви, Николо-Тропинской и Туговской [6, С. 288].

Всего в конце XIX века в Ярославле проводилось около 30 общегородских крестных ходов. Все они были массовыми: в каждом из них принимали участие тысячи жителей города и крестьян из окрестных местностей, стекавшихся в губернский центр в дни церковных торжеств. Ярославский краевед А.П. Крылов отмечал: «...Отрадно для сердца сказать о жителях Ярославля, что не быть в крестном ходу по какой-либо крайности многие считают горьким лишением: ни чрезвычайная пыль при удушливом жаре, ни дождь при ненастной погоде не в состоянии уменьшить в крестных ходах обычное множество усердных богомольцев...» [6, С. 282].

Последним, четвертым видом церковных шествий являлись местные (приходские) крестные ходы, не выходившие за рамки одного церковного прихода. В Ярославской губернии такие крестные ходы были распространены как в городской, так и сельской местности. Редкий приходской праздник в

городских церквях обходился без крестного хода, однако в отличие от перечисленных выше общегородских крестных ходов, они имели, как правило, более локальный характер и затрагивали только территорию своего прихода. В масштабе всего города десятки локальных приходских молитвенных шествий составляли, по словам современников, «непрерывную цепь небольших шествий, начинающихся апрелем и оканчивающихся не ранее октября» (ГАЯО. Ф.509. Оп.1. Д. 8. Л. 10).

Сотни местных крестных ходов регулярно проводились в сельских приходах по всей Ярославской епархии. О распространенности этого явления можно судить по сведениям, изложенным ростовским краеведом А.А. Титовым на страницах труда «Ростовский уезд Ярославской губернии». В этой книге автор, давая краткие характеристики населенным пунктам уезда, упомянул о 707 ежегодных местных крестных ходах, проводимых в уезде. Причем данная цифра не является исчерпывающей, т.к. по некоторым приходам А.А. Титов не привел конкретные даты, а лишь ограничился указанием, что крестные ходы совершаются по несколько раз в каждое селение, что делает невозможным более точный подсчет. Сведения о крестных ходах ростовский краевед собрал из имевшихся в его распоряжении источников, а также рассказов местных жителей и духовенства.

В среднем в Ростовском уезде в каждом приходе проводилось 5-6 крестных ходов. В некоторых приходах крестные ходы совершались во все деревни, приписанные к данной церкви, а в приходе села Нажеро по два раза в каждое из 12 селений [11, С. 317]. В то же время встречались приходы, где существовал только один крестный ход. Он чаще

всего приурочивался к храмовому празднику.

Процедура проведения крестного хода в сельской местности в конце XIX века, по свидетельствам современников, была в целом одинаковой во всех уездах губернии. Он совершался после окончания обедни. В начале процессии выносился фонарь с зажженной свечой, за ним запрестольный крест, хоругви, подсвечники по числу несомых за ними икон. Носителями церковных атрибутов и икон назначались прихожане, пользовавшиеся всеобщим уважением и обладавшие безупречной репутацией. За иконами следовали певчие, за ними люди, несшие еще один подсвечник, после которых шли священнослужители. Позади них и по бокам двигалась толпа простого народа.

В процессе крестного хода некоторые из верующих «припадали» перед иконами, выбегая предварительно вперед шествия и становясь на колени или наклоняясь перед святынями, которые проносились над их головами. При продвижении по маршруту делались остановки, на время которых прекращался звон колоколов, иконы выставлялись полукругом и перед ними совершалось краткое молитвословие, после чего священник крестообразно осенял крестом восток, запад, север и юг, а дьякон при каждом осенении кадил и перед крестом возглашал: «...Господу помолимся, рцем вси!», певчие, в свою очередь, трижды пели «Господи помилуй». После этого крестный ход двигался дальше до следующей остановки [10, С. 77]. В конце процессия возвращалась в церковь, где священник произносил краткий отпуск и богослужение на этом завершалось.

Маршруты следования и протяженность сельских приходских крестных ходов были разнообразными. В одних случаях обходили только церковь или церкви, если их в прихо-

де было две, в других – церковь и кладбище, в третьих – процессия обходила все село или селения прихода, в четвертых – шествие выходило даже на поля. Все зависело от сложившейся в конкретном приходе традиции проведения крестного хода, а также воли настоятеля храма [10, С. 77].

В качестве другой классификации практикуемых в Ярославской епархии в конце XIX – начале XX веков крестных ходов следует рассмотреть причины их возникновения или посвящение.

Наиболее популярная причина проведения крестных ходов была связана с почитанием православных святынь: икон, мощей святых, плащаниц, крестов. В Ярославской епархии наибольшее распространение получили крестные ходы, посвященные почитанию чудотворных икон, причём преимущественно Богородицы. Чудотворные иконы, как правило, хранились в монастырях. О почитании монастырских икон уже говорилось выше.

Другой не менее распространенной причиной проведения крестных ходов являлись церковные и храмовые праздники отдельных приходов.

Часть крестных ходов была посвящена важным событиям из жизни императора и членов царской семьи. Например, Указом Святейшего Правительствующего Синода от 20 апреля 1866 г. в память о спасении императора Александра II от покушения на его жизнь революционера Д. Каракозова повсеместно во всех городах Российской империи 4 апреля были учреждены ежегодные благодарственные крестные ходы (ГАЯО. Ф. 230. Оп.3. Д. 1701. Л. 1). Они должны были совершаться из городских соборов на центральную площадь, где организовывался молебен с коленопреклонением. Во всех сельских приходах в этот день в церквях должны были

совершаться молебны. В Ярославле с 1867 г. традиционно 4 апреля совершался крестный ход из Успенского собора на Ильинскую площадь, на которой при большом стечении народа, «с глубоким чувством воссылавшего свои молитвы о сохранении драгоценной жизни Монарха», проводился общегородской молебен (Ярославские губернские ведомости. Ч. Неоф. 1867. № 16. С. 5). В этот день даже отменялись занятия в учебных заведениях города. С 1881 года после гибели императора Александра II данный крестный ход, потеряв свое значение, больше не проводился.

Крестным ходом из кафедрального Успенского собора и торжественным молебном на площади перед Мытным Рынком было отмечено в Ярославле 25 октября 1888 года чудесное спасение императора Александра III и его семьи при крушении поезда у станции Борки под Харьковом. Пышное торжество было организовано по инициативе общества торговцев всех торговых рядов г. Ярославля. Этот крестный ход и молебен интересны тем, что сочетали в себе одновременно как традиционные элементы церковного обряда, так и гражданского торжества. Так, после завершения молебна был исполнен гимн «Боже Царя храни», на площади играл военный оркестр, а толпа громко выкрикивала «Ура!» (Ярославские епархиальные ведомости. Ч. Оф. 1888. № 45. С. 374). Все это свидетельствует о тенденции к постепенному обмирщению церемоний государственных и городских празднований и торжеств, наблюдаемой в конце XIX – начале XX века.

В сельских приходах также встречались случаи организации крестных ходов, связанных с проявлением верноподданнических чувств местного крестьянского населения. В

июле 1883 года вскоре после коронации императора Александра III и его супруги императрицы Марии Федоровны, состоявшейся 15 мая, крестьяне деревни Марьино Мологского уезда обратились к архиепископу Ярославскому и Ростовскому Ионафану с прошением о разрешении проведения ежегодного крестного хода вокруг приходской Покровской церкви села Раменье и на окрестные поля в день коронавания их императорских величеств. Любопытно, что учреждаемый в память коронации государя крестный ход, по мнению крестьян, которое они выразили в прошении, должен был кроме всего прочего помочь им сохранить и приумножить свои посевы (ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д. 2136. Л. 1-2.). Таким образом, в данном случае молебствие о здравии императора органично сочеталось с крестьянской традицией проведения весенних умиловительных крестных ходов.

В конце XIX века получают распространение крестные ходы, приуроченные к важным историческим событиям, государственным и церковным юбилеям. Они не носили постоянно характера, совершались разово, но при этом отличались особой торжественностью и массовостью, становясь заметными событиями в религиозной и культурной жизни города и губернии. К этому виду крестных ходов, например, стоит отнести состоявшийся в Ярославле 6 апреля 1885 года общегородской крестный ход из приходских церквей к Успенскому собору для молебна в память тысячелетия со дня кончины славянского просветителя святого Мефодия, архиепископа Моравского (Ярославские губернские ведомости. Ч. Неоф. 1885. № 25. С. 4.). Другим примером может служить большой общегородской крестный ход, посвященный 900-летию крещения Руси, прошедший в Ярославле 15 июля 1888 года. В этот день от

Успенского собора, у которого собрались группы священнослужителей и верующих от всех приходских церквей города, общегородской крестный ход прошел до Семеновского спуска к Волге. Там священниками был произведен обряд водоосвящения, а дальше шествие проследовало обратно на Соборную площадь, где состоялся торжественный молебен (Ярославские губернские ведомости. Ч. Неоф. 1888. № 53. С.3). Встречаются также упоминания о проведении в некоторых сельских населенных пунктах ежегодных крестных ходов в память об отмене крепостного права в 1861 года [11, С. 374].

Как свидетельствуют источники, возникновение значительной части крестных ходов было связано со стихийными бедствиями: пожарами, эпидемиями, эпизоотиями, градобитиями и засухами. Во всех перечисленных случаях, оказываясь в безвыходной ситуации, сталкиваясь со смертельной опасностью, верующие обращались за помощью к Богу, заступничеству святых, моля об избавлении от бедствий [15, С. 102]. Чрезвычайные крестные ходы, проводимые в годы испытаний, впоследствии часто превращались в регулярные, и в дальнейшем пользовались большой популярностью у местного населения, искренне верящего, что проведение таких молитвенных шествий являлось залогом не повторения трагических ситуаций прошлого в будущем.

С течением времени таких крестных ходов становилось все больше. В крупных городах местное духовенство во второй половине XIX в. даже испытывало недовольство от чрезмерного, на их взгляд, количества ежегодно совершаемых шествий и всячески препятствовало установлению новых, несмотря на настойчивые просьбы горожан. Так, в Ярославле 11 июля 1871 года в разгар

свирепствующей в городе холерной эпидемии, сопровождавшейся засухой и зноем, с разрешения архиепископа Нила был проведен общегородской крестный ход со святыми иконами всех церквей и ежегодно приносимой из Ростова Чудотворной иконой Богоматери Владимирской. Организовав молитвенное шествие для отвращения бедствия, горожане поступили, по их же собственным словам, «путем уже изведанным и завешанным предками» (ГАЯО. Ф.230. Оп. 3. Д. 1789. Л. 6). После совершения крестного хода холера значительно уменьшилась и вскоре совсем прекратилась. Восприняв завершение эпидемии как божественное чудо, активные горожане собрали более 540 подписей под прошением к местному архиерею об учреждении нового ежегодного крестного хода 11 июля в память об избавлении от эпидемии 1871 года (ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–6). Несмотря на горячее желание горожан, архиепископ Нил отказал просителям, сославшись на значительное число уже существовавших городских и приходских крестных ходов, среди которых были и посвященные избавлению от эпидемий. По мнению Духовной Консистории, учреждение нового крестного хода отяготило бы местное духовенство, отвлекло бы его от исполнения своих непосредственных обязанностей, негативно бы отразилось на сохранности облачений священнослужителей, используемых при совершении длительного и изнурительного обряда.

Любопытно, что вместо учреждения очередного крестного хода Консистория предложила горожанам, желавшим увековечить память о чудесном избавлении от эпидемии в 1871 году, сделать это путем создания богоугодного заведения, присвоив ему имя ярославского губернатора И.С. Унковского,

внесшего, по мнению епархиального начальства, значительный вклад в борьбу с эпидемией. Отказ местных духовных властей был подтвержден и решением Святейшего Синода (ГАЯО. Ф.230. Оп.3. Д.1789. Л.6). В 1875 году настойчивые горожане, воспользовавшись сменой архиерея, попытались вновь поднять вопрос об учреждении крестного хода, но и в этот раз им было отказано (ГАЯО. Ф.230. Оп.3. Д.1789. Л.33).

Вывод о широкой распространенности в сельской местности крестных ходов, возникновение которых было связано с бушевавшими в прошлом стихийными бедствиями, можно сделать на основании анализа сведений из уже использовавшегося выше труда А.А. Титова «Ростовский уезд Ярославской губернии». Так, ростовский краевед упоминает о существовании в уезде 156 ежегодных сельских крестных ходов в память об эпидемиях, причем большинство из подобных шествий были посвящены событиям 1848 и 1871 годов, когда распространение холеры в Ярославской губернии принимало наиболее катастрофические масштабы. На втором месте среди причин возникновения местных крестных ходов шел падеж скота. Титов приводит сведения о 134 подобных крестных ходах в Ростовском уезде. Третий часто встречающийся причиной проведения молитвенных шествий являлись воспоминания о сильных пожарах, уничтожавших деревни и села. Такие шествия, проводившиеся на пастбищах, сопровождались, освящением стад сельскохозяйственных животных. Среди других причин возникновения крестных ходов в Ростовском уезде следует назвать: градобития (16 крестных ходов), нашествия червей на посевы (18 крестных ходов), засухи (6 крестных ходов) и бури (1 крестный ход). Большинство

же крестных сельских ходов, существовали с древности, по этой причине местные жители не могли вспомнить обстоятельства их возникновения.

Следующим видом крестных ходов являлись торжественные шествия, приуроченные к освящению церквей, открытию государственных, земских и частных учреждений, ярмарок или визитам должностных лиц. Упоминания о подобных крестных ходах во множестве встречаются на страницах местных периодических изданий. Во второй половине XIX – начале XX века подобные шествия стали традиционной частью церемониала торжественных мероприятий, придававшим им большую значимость и парадность.

В начале XX века в Ярославской епархии появляется еще одна специфическая разновидность крестных ходов – миссионерские. Их возникновение было связано с активной деятельностью Ярославского православного церковного братства святителя Димитрия Ростовского, созданного в епархии в 1883 году по инициативе архиепископа Ионафана. Основной целью деятельности Братства признавалось содействие «обращению раскольников в недра Св. Церкви, предохранение православных от соращения в раскол и искоренение таким образом раскола в Ярославской епархии» (Устав православного церковного братства святителя Димитрия Ростовского Чудотворца в г. Ярославле. [Ярославль, 1884]. С. 1-2). Для достижения данной цели Братство применяло различные формы и методы работы: занималось устройством библиотек и распространением православной литературы среди крестьянского населения, открытием и поддержкой церковно-приходских школ, содействием и материальным обеспечением при-

хода приходских церквей [14, С.143]. В 1911 году в Совет Братства поступило предложение епархиального миссионера иеромонаха Корнилия активизировать миссионерскую деятельность в епархии путем организации крестных ходов с иконой святой княгини Анны Кашинской (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3145. Л. 1). Первоочередными задачами проведения миссионерских крестных ходов, по его мнению, должно было стать укрепление религиозных чувств верующих, борьба с сектантством и народными религиозными предрассудками, содействие возвращению старообрядцев в лоно Православной Церкви.

Выбор несомой иконы для миссионерского крестного хода был неслучаен, а напротив, глубоко символичен. Святая княгиня Анна Кашинская, супруга святого князя Михаила Тверского, земная жизнь которой приходилась на тяжелый для Руси период рубежа XIII-XIV вв. пережила мужа, детей, внука, после чего приняла постриг и многие годы провела в монастыре. В середине XVII в. она была канонизирована, а в Кашине были обретены ее мощи, которые спустя два десятилетия, в 1677 году, стали основанием для ее деканонизации, что явилось прецедентом в истории Русской Православной церкви. Старообрядцы стали использовать сложную княгиней двуперстно правую руку в качестве одного из доказательств истинности своих обрядов и религиозных убеждений. В 1909 году с разрешения императора Николая II Святейший Синод восстановил почитание святой, популярность которой среди верующих резко возросла [7, С. 20–23]. Канонизация святой Анны Кашинской, по мнению церковных властей, должна была способствовать укреплению связей между Православной Церковью и единоверцами, а так-

же содействовать приобщению старообрядцев и сектантов к официальному православию [13, С. 212–213].

Первый крестный ход с иконой Анны Кашинской в Ярославской епархии состоялся в апреле-мае 1911 года на родине святой – в г. Ростове и Ростовском уезде. Положительный опыт проведения позволил продлить его на весь летний и осенний период и охватить миссионерским служением территории Пошехонского, Угличского и Рыбинского уездов (ГАЯО. Ф.230. Оп.3. Д.3145. Л.25.).

Во всех церковных приходах верующие встречали образ св. Анны Кашинской с религиозным воодушевлением многочисленными крестными ходами во главе с местным духовенством. В приходских храмах, встречающихся на маршруте следования миссионерского крестного хода, совершались торжественные богослужения, после которых епархиальный миссионер иеромонах Корнилий произносил религиозно-нравственные речи и заводил миссионерские беседы с местными жителями. В беседах на примере праведной жизни святой книги Анны он делал нравственно-вероучительные наставления слушателям о том, как нужно благочестиво жить и как спасительно веровать. Особое внимание, в расчете на присутствующих старообрядцев и сектантов, иеромонах Корнилий уделял возможности спасения в православной церкви даже при разности перстосложений и других обрядов. Попутно рассказывалась история происхождения церковного раскола и обличались различные старообрядческие учения, распространённые в Ярославской губернии. Во время бесед во многих приходах бесплатно раздавались миссионерские брошюры и листки, издаваемые братством святителя Димитрия Ростовского (Ярославские епархиальные

ведомости. Ч. Оф. 1912. № 27. С. 516.).

На богослужениях во многих приходах присутствовали старообрядцы разных течений, которые внимательно выслушивали выступления епархиального миссионера. «Старообрядцы неотлучно были за всеми богослужениями и беседами и даже подходили к помазанию елеем и только некоторые, приложившись к образу, отвертывались от помазующего священника, носили образ св. Анны и принимали окропление освященной водой. Так примирительно действовало на старообрядцев наше торжество» – отмечал в своем рапорте архиепископу Ярославскому и Ростовскому Тихону иеромонах Корнилий (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3200. Л. 28-29.). Миссионерские беседы велись не только в храмах, но и на открытом воздухе в деревнях, зараженных расколом, через которые проходил крестный ход. В этих местах крестный ход останавливался, совершалось молебное пение, после чего архимандрит Корнилий произносил свои речи. «...40 дней хождения мне показались одним сплошным праздником, в продолжение которого я старался по мере сил своих сиять слово Божие, находя опору в сем многотрудном деянии в молитвенном общении с многочисленными богомольцами...» – вспоминал иеромонах Корнилий (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д.3200. Л. 29).

Успешный опыт проведения епархиального крестного хода в 1911 году показал эффективность и действенность такой формы миссионерской деятельности среди старообрядцев, поэтому в последующие годы миссионерские крестные ходы с иконой святой Анны Кашинской получили еще большее распространение в губернии, а маршруты их следования были значительно увеличены. В 1912 году крестный ход затронул населен-

ные пункты Ярославского, Даниловского и Романов-Борисоглебского уездов (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3200. Л. 16.). В 1913 году состоялись два миссионерских крестных хода, продолжительностью 30 дней каждый: весной через Мышкин в приходы на реке Юхоть Угличского уезда, и осенью – в Романовский уезд и заозерные селения Ростовского уезда (Ярославские епархиальные ведомости. Ч. Неоф. 1913. № 45. С. 908). В 1914 году крестный ход с иконой святой княгини Анны Кашинской посетил сельские приходы Мологского, Мышкинского, Рыбинского, Романов-Борисоглебского и Ярославского уездов (ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3267. Л. 8).

В процессе совершения крестных ходов с иконой Анны Кашинской иеромонахом Корнилием был инициирован сбор пожертвований от местного населения на строительство православных храмов в отдаленных уголках епархии, где крестьяне, лишённые возможности духовного окормления в приходской церкви, оказывались более подвержены идеям старообрядчества и сектантства. Все собираемые пожертвования поступали в фонд миссионерского отдела братства святителя Димитрия Ростовского. На протяжении трех лет проведения крестных ходов миссионерским отделом было собрано 3320 рублей, на которые в деревне Станово Даниловского уезда по проекту губернского архитектора Г.В. Саренко был построен деревянный храм во имя Всемиловитого Спаса, освященный лично инициатором его возведения архимандритом Корнилием 20 июля 1914 года (Ярославские епархиальные ведомости. Ч. Неоф. 1914. № 50. С. 1056-1058).

С началом Первой Мировой войны интенсивность проведения и продолжительность летних епархиальных миссионерских крестных ходов с иконой святой Анны Ка-

шинской значительно снизилась, но полностью они прекращены не были, просуществовав вплоть до революции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, стоит отметить, что крестные ходы представляли собой значительное культурное и социальное явление в повседневной жизни населения Ярославской епархии, являясь неотъемлемой частью богослужебной практики Русской Православной Церкви. Проведенное исследование показало существовавшее в Ярославской епархии богатое многообразие крестных ходов: от массовых межепархиальных и монастырских до небольших сельских приходских. Торжественные крестные ходы сопровождали религиозные мероприятия, гражданские праздники. В дни испытаний и чрезвычайных ситуаций – пожаров, эпидемий, природных катаклизмов – крестные ходы консолидировали общество, давали надежду и веру в благополучное разрешение существовавших проблем. Верующие бережно относились к сохранению традиций проведения ходов, стремились, по подобию предков, стать организаторами новых шествий, в чем не всегда их интересы совпадали с желаниями духовенства, обремененного значительным числом крестных ходов. Подавляющее большинство крестных ходов приходилось на летние месяцы, значительно меньше на весну и раннюю осень, что было связано с невозможностью проведения длительных шествий в зимний период из-за суровых природно-климатических условий.

Библиография/ References:

1. Вахрина В.И. Рождества Богородицы женский монастырь в Ростове Великом. – М.:

Издательство Отчий Дом, 2007. – 96 с.

2. Грязнов А.Ф. Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 гг. – М.: Синодская типография, 1910. – 554 с.

3. Денисов В.В. История монастырей Верхнего Поволжья (вторая половина XVIII – начало XX вв.) / Науч. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. – Ярославль: «Ещё не поздно», 2012. – 256с.

4. Денисов В.В. Крестные ходы в монастырях Ярославской епархии в XVIII – начале XX вв. К постановке вопроса / В сборнике: История и культура Ростовской земли – 2002. – Ростов, 2003. – С.162–167.

5. Денисов В.В. Крестные ходы из угличских монастырей в XIX – начале XX веков // Краеведческие записки: материалы 8 и 9 Тихомировских чтений. Вып. 8. – Ярославль, 2005. – С. 419–425.

6. Крылов А.П. Церковно-археологическое описание города Ярославля. – Ярославль: Типография Германа Фалька, 1860. – 288 с.

7. Манухина Т.И. Святая Благоверная княгиня Анна Кашинская. – Тверь: Издательство: Сивер, 2009. – 359 с.

8. Михайлов А.В. Храмы и культовые сооружения Рыбинска. – Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2014. – 269 с.

9. Полякова О.Б. Крестные ходы в женских монастырях Ярославской епархии в XVIII – нач. XX вв. / В сборнике: История и культура Ростовской земли – 2012. Ростов, 2013. – С. 344–348.

10. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н.Тенишева. Т.2. Ярославская губерния. Ч.2. Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. – СПб.: Деловая полиграфия, 2006. – 551 с.

11. Титов А.А. Ростовский уезд Ярославской губернии. Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. – М. Синодальная типография, 1885. – 630с.

12. Титов А.А. Ярославль: путеводитель по г. Ярославлю с планом города и родословными таблицами князей ярославских. – М. Синодальная типография. – 170с.

13. Уайт Джеймс М. Единоверие и официальное православие: неудавшийся опыт объединения в практике публичных церемоний (1900-1913) // Quaestio Rossica. – 2015. – № 2. – С.201-223.

14. Харитонов Г.П. Социокультурная деятельность Ярославского православного церковного братства святителя Димитрия Ростовского в конце XIX – начале XX вв. / Сборник научных статей: Духовная миссия, цивилизационная идентичность и ценностно-смысловые аспекты истории Ярославско-Ростовской епархии в X–XXI вв. – Ярославль, 2022. – С. 141–149.

15. Царёва Т.В. Крестные ходы во время эпидемий как форма социальной и духовной мобилизации: от прошлого к настоящему // Традиции и современность. – 2021. – № 27. – С. 101–109.

16. Ярославский Толгский монастырь. – Ярославль, 1873. – 82 с.

1. Vakhrina V.I. (2007) Rozhdestva Bogoroditsy zhenskiy monastyr' v Rostove Velikom [Nativity of the Virgin Convent in Rostov the Great]. – М.: Izdatel'stvo Otchiy Dom. – 96s. (In Russ.).

2. Gryaznov A.F. (1910) Yaroslavskaya bol'shaya manufaktura za vremya s 1722 po 1856 g. [Yaroslavl large manufactory during the

- period from 1722 to 1856]. – M.: Sinodskaya tipografiya. – 554s. (In Russ.).
3. Denisov V.V. (2012) Istoriya monastyrey Verkhnego Povolzh'ya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX vv.) [History of the monasteries of the Upper Volga region (second half of the 18th – early 20th centuries)] / Nauch. red. Y.Y. Iyerusalimskiy. – Yaroslavl': «Yeshchë ne pozдно». – 256s. (In Russ.).
4. Denisov V.V. (2003) Krestnyye khody v monastyryakh Yaroslavskoy yeparkhii v XVIII – nachale XX vv. K postanovke voprosa [Religious processions in the monasteries of the Yaroslavl diocese in the 18th - early 20th centuries. To the formulation of the question] / V sbornike: Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli – 2002. – Rostov. – S.162–167. (In Russ.).
5. Denisov V.V. (2005) Krestnyye khody iz uglichskikh monastyrey v XIX – nachale XX vekov [Processions from the Uglich monasteries in the 19th – early 20th centuries] // Krayevedcheskiye zapiski: materialy 8 i 9 Tikhomirovskikh chteniy. Vyp. 8. – Yaroslavl'. – S.419–425. (In Russ.).
6. Krylov A.P. (1860) Tserkovno-arkheologicheskoye opisaniye goroda Yaroslavlya [Church-archaeological description of the city of Yaroslavl]. – Yaroslavl': Tipografiya Germana Fal'ka. – 288s. (In Russ.).
7. Manukhina T.I. (2009) Svyataya Blagovernaya knyaginya Anna Kashinskaya [Holy Blessed Princess Anna Kashinskaya]. – Tver': Izdatel'stvo: Siver. – 359s. (In Russ.).
8. Mikhaylov A.V. (2014) Khramy i kul'tovyye sooruzheniya Rybinska [Temples and places of worship in Rybinsk]. – Rybinsk: Rybinskiy dom pečhati. – 269s. (In Russ.).
9. Polyakova O.B. (2013) Krestnyye khodya v zhenskikh monastyryakh Yaroslavskoy yeparkhii v XVIII – nach. XX v. [Godparents walking in the women's monasteries of the Yaroslavl diocese in the XVIII - early. 20th century] / V sbornike: Istoriya i kul'tura Rostovskoy zemli – 2012. Rostov. – S. 344–348. (In Russ.).
10. Russkiye krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy. Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva [Russian peasants. Life. Gen. Morals. Materials of the "Ethnographic Bureau" of Prince V.N. Tenisheva]. T. 2. Yaroslavskaya guberniya. Ch. 2. Danilovskiy, Lyubimskiy, Romanovo-Borisoglebskiy, Rostovskiy i Yaroslavskiy uyezdy. – SPb.: Delovaya poligrafiya, 2006. – 551s. (In Russ.).
11. Titov A.A. (1885) Rostovskiy uyezd Yaroslavskoy gubernii. Istoriko-arkheologicheskoye i statisticheskoye opisaniye s risunkami i kartoy uyezda [Rostov district of the Yaroslavl province. Historical, archaeological and statistical description with drawings and a map of the county]. – M. Sinodal'naya tipografiya, 1885. – 630s. (In Russ.).
12. Titov A.A. (1895) Yaroslavl': putevoditel' po g. Yaroslavlyu s planom goroda i rodoslovnymi tablitsami knyazey yaroslavskikh [Yaroslavl: a guide to the city of Yaroslavl with a city plan and genealogical tables of the princes of Yaroslavl]. – M. Sinodal'naya tipografiya. – 170s. (In Russ.).
13. Uayt Dzheyms M. Yedinoveriye i ofitsial'noye pravoslaviye: neudavshiysya opyt ob"yedeneniya v praktike publichnykh tseremoniy (1900-1913) [White, James M. Edinoverie and official Orthodoxy: the failed experience of unification in the practice of public ceremonies (1900-1913)] // Quaestio Rossica. – 2015. – №2. – S.201-223. (In Russ.).
14. Kharitonov G.P. (2022) Sotsiokul'turnaya deyatel'nost' Yaroslavskogo pravoslavnogo tserkovnogo brat'stva svyatitelya Dimitriya Rostovskogo v kontse XIX – nachale XX vv. [Sociocultural activities of the Yaroslavl Orthodox Church Brotherhood of St. Demetrius

of Rostov in the late 19th - early 20th centuries] / Sbornik nauchnykh statey: Dukhovnaya missiya, tsivilizatsionnaya identichnost' i tsennostno-smyslovyye aspekty istorii Yaroslavo-Rostovskoy yeparkhii v X-XXI vv. – Yaroslavl'. – S. 141–149. (In Russ.).

15. Tsarëva T.V. (2021) Krestnyye khody vo vremya epidemiy kak forma sotsial'noy i dukhovnoy mobilizatsii: ot proshlogo k nastoyashchemu [Processions during epidemics as a form of social and spiritual mobilization: from the past to the present] // Traditsii i sovremennost'. – 2021. – №27. – S.101–109. (In Russ.).

16. Yaroslavskiy Tolgskiy monastyr' [Yaroslavl Tolga Monastery]. – Yaroslavl', 1873. – 82 s. (In Russ.).

БАЦУКИН Алексей Александрович, аспирант Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: batsukin.alexei@yandex.ru, AuthorID: 1034494

КУЗНЕЦОВА Елена Викторовна, аспирант Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Орёл), e-mail: timokhinelena@yandex.ru, AuthorID: 1047544

BATSUKIN A.A., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail:batsukin.alexei@yandex.ru, AuthorID: 1034494

KUZNETSOVA E. V., Postgraduate student, Central Russian Institute of Management – branch of RANEPА (Russian Federation, Orel), e-mail: timokhinelena@yandex.ru, AuthorID: 1047544

**СТАНОВЛЕНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПО ВОПРОСУ
НАЗНАЧЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД**

**THE FORMATION OF ETHICAL CONCEPTS ON THE IMPOSITION
OF LIFE IMPRISONMENT IN THE MODERN PERIOD**

Аннотация. Целью статьи является анализ и историко-правовой обзор возникновения этических представлений по вопросу назначения пожизненного лишения свободы в России. Рассматривая правовую этику по отношению к назначению пожизненного лишения свободы, исследователи сталкиваются с внутренней и внешней стороной этого наказания. Во-первых, доказано, что признание такой суровой меры наказания меняет не только личность самого заключённого, но и его психофизическое состояние. Во-вторых, отношение общественности к данной мере наказания также неоднозначно до настоящего периода. Имея достаточно длительную историю применения, пожизненное лишение свободы является сейчас самой строгой мерой наказания ввиду отказа от смертной казни. В данном контексте авторы приходят к выводу, что в этом прослеживается подчинение права морали, что в некоторой степени всё же ведёт к разрушению общих представлений о понятии пожизненного лишения свободы.

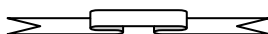
Ключевые слова: правовая этика, ссылка, пожизненное лишение свободы, личность преступника, асоциальный.

Abstract. The purpose of the article is to analyze the emergence of ethical concepts on the imposition of life imprisonment in Russia. The author makes a historical and legal review.

Much attention is given to the legal ethics in relation to imposition of life imprisonment. The authors emphasized that they faces with the internal and external side of this punishment. First, the authors prove that the imposition of such severe punishment changes not only the personality of the prisoner, but also his psychophysical state. Second, the public attitude to this measure of punishment is also ambiguous. The author point out that the imposition of life imprisonment has a long history; the imposition of life imprisonment is now the most severe punishment due to the refusal of the death penalty.

As a result, the authors draw a conclusion that the analysis shows the subordination of law to morality, which leads to the destruction of general concepts on the imposition of life imprisonment.

Keywords: legal ethics, exile, life imprisonment, criminal identity, antisocial.

ВВЕДЕНИЕ

Становление представлений о пожизненном лишении свободы, как отдельного вида наказания, на территории России происходит достаточно давно. Постепенная гуманизация российского уголовного права и системы наказаний XVIII–XIX веков привела к сокращению числа различного рода телесных и позорящих наказаний. Поэтому лишение свободы становится практически приоритетным способом исправления. При этом ведущие отечественные правоведы всё же дискутировали о сроках заключения и о том, как должно быть устроено место лишения свободы, чтобы исправить нравственно больший процент заключённых [13, С. 27] арестантов.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Определение цели исправления – в определённой степени философский вопрос, интересовавший даже древних мыслителей. Сама по себе смертная казнь и пожизненное содержание под стражей постоянно пересекались, сменяли друг друга и т.д. Относительно российского законодательства рубеж XVIII–XIX веков определил осознанное понимание этого вопроса. По мнению Ч. Беккария «...цель наказания заключается не в истязании и мучении человека... цель наказания должна заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь принести вред обществу и удержать других от совершения того же...» [2, С. 127]. Формирующаяся система исправления отмечала в данном контексте, что относительно пожизненного заключения важна постановка вопроса – достигнута ли основная цель исправления или нет? Н.С. Таганцев в контексте исправляющих целей наказания также отмечал трудности ввиду субъективности представлений об исправлении. Однообразно меру и срок

наказания трудно присудить, истинные нравственные и этические мотивы могут раскрыться только в процессе исполнения наказания [16].

Современный период развития законодательства по пожизненному лишению свободы начался с принятием дополнений в УК РСФСР 1992 года, по которым вместо смертной казни по особому порядку помилования, может появиться и пожизненное содержание. Эта схема действовала не сама по себе, а только на основании указа Президента о помиловании. Отдельно эта мера наказания получила распространение только с 1996 года, когда Россия вступила в Совет Европы. Протокол № 6 Европейской Конвенции закрепил отмену смертной казни, и как следствие акцент сместился на общечеловеческие ценности.

Сейчас понимание пожизненного лишения свободы преследует основной своей целью исправление преступника. Эти аспекты не для всех авторов являются убедительными, поэтому есть ряд мнений. Пожизненное содержание может ли восприниматься с точки зрения справедливости, этичности или гуманности? Вся тяжесть и строгость подобного наказания в отношении преступника находит своё отражение в воздействии на него многочисленных психотравмирующих проявлений. И хотя способы и условия исполнения наказания сейчас совершенно другие, по сравнению хотя бы с дореволюционным периодом, но индивидуально-психические проблемы остались те же. Так, одним из неблагоприятных факторов влияния на индивида, является нахождение его в постоянной изоляции от социума. Ограничение взаимодействия преступника с внешним миром также проявляется в лишении его возможности взаимодействия с другими людьми при получении и обмене с ними информацией [1].

Длительное нахождение в исправительном

учреждении, в связи с лишением свободы связано и с вынужденной необходимостью подчинения иному режиму жизни, связанному с подчинением правилам и нормам, установленным в исправительном учреждении. Эти ограничения, способствуют невозможности использования лицом своего свободного времени, вызывая у него дополнительный дискомфорт и в совокупности своей, приводя к возможности образования конфликтных ситуаций, связанных с наличием для преступника многочисленных запретов.

Историки и теоретики права ввиду возникновения новых обстоятельств современного законодательства постоянно возвращаются к изучению влияния лишения свободы на психологическое состояние преступника. Особенно ярко они прослеживаются через угнетающую обстановку пандемии. Применение обновлённых научным прогрессом методов изучения личности позволяет составить определённый психологический портрет влияния пожизненно-го заключения на преступника, выявить связанные с ним психофизиологические проблемы и пути их решения.

Хотя мнения учёных носят разрозненный характер, основываясь на многообразии личностных типажей и характеристик, в научных кругах сильно развито стремление к составлению единого и исчерпывающего образа личности преступника, приговорённого к пожизненному заключению. Множественные отличительные личностные черты осложняют применение самой возможности определённого, соответствующего всем требованиям «шаблона», отражающего всю сложность и многоструктурность личности каждого индивида. Многие авторы представляют крайне сомнительным саму идею и стремление учёных к упорядочиванию чего-то столь хаотичного как личность кого бы то ни было [9]. И всё же в

научных кругах предложенная тема изучения является весьма актуальной.

Многочисленные проекты, стремящиеся изучить и понять личность преступника, приговорённого к пожизненному заключению, основываются на разных методиках, исследованиях, обследованиях и тестированиях. Несмотря на масштабность и, казалось бы, невыполнимость задачи в связи с её монументальностью, получилось выявить определённые повторяющиеся личностные черты в лицах, лишённых свободы на период всей их жизни. На сегодняшний момент, результаты исследования помогли структурировать и составить подобие наброска личностных критериев, объясняющих и уточняющих влияние воздействия внешних ограничений на психологическое состояние лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Негативное влияние внешних ограничений на личность давно доказано. Так, наиболее тревожные из преступников изначально, с течением времени проведённого в местах лишения свободы, приобретали в своих чертах дополнительную мнительность, тревожность и недоверчивость. Выявлено, что лишение лица возможности контактировать с окружающей средой деструктивно влияет на личность, также развивая в ней такие черты как замкнутость и дальнейшее лишение рассудка.

При наличии определённых дополнительных раздражающих факторов, в личности преступника происходят изменения, повышающие имеющийся у него изначально уровень агрессии. Многие преступники становятся также излишне пессимистичными, во многом впадающими в депрессивное состояние и находящимися в нем практически непрерывно.

На основании результатов проводимых наблюдений очевидным также становится развитие сильного комплекса вины у преступников. Принимая во внимание приведённые вы-

ше данные изучения личности заключённого на протяжении долгого времени, а также учитывая общую негативную реакцию лица, приговоренного к заключению, на сам приговор, становится заметна тенденция к постепенной асоциализации преступника под гнётом обстоятельств [3].

В подобной ситуации, изначально воспринимающий исключительно антисоциальные нормы, роли и ценностные ориентиры преступник впадает в дополнительные ограничения, устанавливаемые законом и в связи с этим окончательно замыкается в себе и отторгается от окружающего мира. Рассматриваемая реакция на внешние раздражители является типичной защитной реакцией на негативные проявления воздействия, но опять же учитывая радикальность такого вида наказания как пожизненное заключение, и предполагая неприятие лицом смены обстановки и замену своей свободы вынужденными ограничениями, есть основания полагать, что столь сильный стресс, пускай и продиктованный благими намерениями, разрушает личность преступника столь резко и окончательно, что говорить о самой возможности возврата преступного лица в общество, в качестве законопослушного гражданина не представляется возможным.

Такие обстоятельства отмечают, что приговорённые к пожизненной изоляции, тем более одиночного содержания, с учётом изученных обстоятельств, с трудом, если только такое вообще возможно, подлежат реабилитации. Опираясь на результаты обследований, установлено также понижение уровня интеллектуального развития лиц, в связи с длительным заключением и снижением общего уровня самоконтроля и волевых проявлений, становится ещё более очевидным губительное влияние пожизненного заключения на формирование здоровой и правосознательной личности [7].

Хотя, если проводить параллели, то в современный период этот рубеж невозврата развития личности возникает гораздо позже, по сравнению с дореволюционным периодом. Одиночное содержание в подземелье монастыря, камере без освещения или вообще в земляной яме уже через 1–2 года могли привести к умственным и психическим отклонениям личности, которые трудно соизмерить с процессом исправления [6].

Под влиянием внешних обстоятельств в виде лишения свободы, становится заметна постепенная деградация личности. Волевые стремления человека как личности постепенно угасают и на смену им приходит механизация и роботизация действий и общего поведения индивида.

Однообразие места нахождения и режима жизни приводит заключённых к снижению общего уровня мыслительной активности, становится заметным их учащающаяся волнительность, неловкость и сильная неуверенность в себе. Заключение способствует также проявлению подавленного настроения. Постоянное вынужденное стремление к контролю за своими действиями и поведением в связи с требованиями учреждения лишения свободы вызывает различные аффективные и невротические настроения у заключённых, ещё больше усиливая их мнительность и замкнутость в себе.

Но не все лишённые свободы преступники склонны впадать в столь дисгармоничные состояния. Выдержка и стойкость психической реакции в данном случае обуславливается сильными волевыми принципами, не исключая, в свою очередь, наличие у приведенных лиц таких отличительных черт как пониженный уровень эмпатии, нетипичность поведенческих реакций и мышления, отсутствие привязанностей к чему-либо и каких-либо желаний, эмоциональная обледенелость и чрез-

мерная жестокость.

Лица, обладающие сильной сдерживающей волей редки и на практике составляют примерно три сотых от общего числа, приговорённых к лишению свободы.

Достаточно неординарной может быть реакция заключённого на пожизненного лишения свободы, получившего условно досрочное освобождение, ввиду примерного поведения в течении длительного времени или каких-либо других обстоятельств. Если рассматривать этот вариант, то исследователи обнаруживают определённую поэтапность в действиях и поведении наблюдаемых лиц. Постепенно, из первичного состояния замкнутости и отгороженности от внешнего мира, личности приходят в состояние схожее с пробуждением от крепкого сна. И далее это состояние сменяется в контексте реакции на новую окружающую используя приспособленческие действия адаптационного характера. Современное назначение пожизненного лишения свободы для приговорённого связано с появлением стрессового состояния и возникновением у лица переосмысление поведения, смирения и принятии этого приговора [8].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование позволяет достоверно утверждать, что институт пожизненного лишения свободы в российском уголовном законодательстве имеет длительную историю становления. Применение пожизненного лишения свободы в качестве исключительной меры стало возможным благодаря изменениям основных принципов общественной жизни. Большая часть приговоренных лиц к пожизненному заключению с принятым решением категорически не согласна и надеется на смягчение приговора либо на его окончательную отмену в ближайшем будущем. Помимо боль-

шинства, определённая группа респондентов склонна придерживаться иного мнения и считать своё наказание в высшей степени заслуженным и не подлежащим отмене и пересмотру. Результаты исследования выявили также определённую группу преступников, которые предпочли бы смертную казнь лишению свободы. Последнее положение особенно интересно в современной истории и в который раз затрагивает тему излишней строгости исследуемого вида наказания, пред которым даже смерть предпочтительнее, чем жизнь.

Библиография / References:

1. Баламут А.Н. Психологическая помощь осужденным к пожизненному лишению свободы: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник ВИЭП: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 20. – С.48–51.
2. Беккариа Чезаре. О преступлениях и наказаниях / пер. с фр. А. Хрущов. СПб.: Типография И. Глазунова, 1806. – 200 с.
3. Бунулу В.В. Личность условно осужденного-рецидивиста: криминологический портрет // Вестник ННГУ. – 2017. – № 3. – С. 124–126.
4. Держивицкий Е.В., Ларионов И.Ю., Перов В.Ю. К вопросу об этике права // Вестник СПбГУ. Сер. 17. – 2016. – Вып.4. – С. 33–45.
5. Детков А.П., Уткин В.А. Пожизненное лишение свободы / в ред. И.Я. Козаченко. – Томск: Издательство НТЛ, 1997. – 136 с.
6. Елисеев А.Л., Матвеева Е.С. Вопросы модернизации церковно-пенитенциарной системы России второй половины XIX века // Заметки учёного. – 2015. – № 1–1. – С. 38–43.
7. Карапетян Р.А. Институт пожизненного лишения свободы как структурный блок правовых отношений // Вестник КРУ МВД России. – 2013. – №2(20). – С. 29-30.

8. Кузнецов А.В. Социально-политическое значение изучения правового положения осужденных к лишению свободы // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 10. – С. 246–250.
9. Ливцов В.А., Исаев А.В., Власов Ю.И. Религиозный экстремизм в Орловской области // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т.11. – №1. – С. 99-106.
10. Мадаев Х.Т. Институты гражданского общества и исправление осужденных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы // Юридическая психология. – 2012. – №1 (50). – С. 122–125.
11. Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. – 24 с.
12. Матвеева Е.С. Несовершеннолетние осужденные в России на рубеже XIX–XX вв.: проблемы установления ответственного присмотра // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9-2 (59). – С. 105-110.
13. Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. – М.: Издательство Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнёва, 1915. – 299 с.
14. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанствомъ (к вопросу о вѣротерпимости). – М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и К, 1905. – 130 с.
15. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. Т.2 / отв. ред.: А.Д. Горский, под общ. ред.: О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.
16. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть общая. Лекции 2-е изд., пересмотр. и доп. Т. 1. – СПб: Государственная Типография, 1902. – 823 с.
17. Щеголев С.Д., Исаев А.В. Молодежный парламентаризм как форма политического участия молодежи: зарубежные практики // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. – Т.16. – №6. – С.32-47.
1. Balamut A.N. Psikhologicheskaya pomoshch' osuzhdennym k pozhiznennomu lisheniyu svobody: sovremennoye sostoyaniye, problemy i perspektivy // Vestnik VIEIP: prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye. – 2012. – № 20. – S.48–51. (In Russ.).
2. Bekkaria Chezare. O prestupleniyakh i nakazaniyakh / per. s fr. A. Khrushchov. SPb.: Tipografiya I. Glazunova, 1806. – 200 s. (In Russ.).
3. Bunulu V.V. Lichnost' uslovno osuzhdennogo-retsivista: kriminologicheskii portret // Vestnik NNGU. – 2017. – № 3. – S. 124–126. (In Russ.).
4. Derzhivitskiy Ye.V., Larionov I.YU., Perov V.YU. K voprosu ob etike prava // Vestnik SPbGU. Ser. 17. – 2016. – Vyp.4. – S. 33–45. (In Russ.).
5. Detkov A.P., Utkin V.A. Pozhiznennoye lisheniye svobody / v red. I.YA. Kozachenko. – Tomsk: Izdatel'stvo NTL, 1997. – 136 s. (In Russ.).
6. Yeliseyev A.L., Matveyeva Ye.S. Voprosy modernizatsii tserkovno-penitentsiarnoy sistemy Rossii vtoroy poloviny XIX veka // Zametki uchonogo. – 2015. – № 1–1. – S. 38–43. (In Russ.).
7. Karapetyan R.A. Institut pozhiznennogo lisheniya svobody kak strukturnyy blok pravovykh otnosheniy // Vestnik KRU MVD Rossii. – 2013. – №2(20). – S. 29-30. (In Russ.).
8. Kuznetsov A.V. Sotsial'no-politicheskoye znachenie izucheniya pravovogo polozheniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. – 2011. –

№ 10. – S. 246–250. (In Russ.).

9. Livtsov V.A., Isayev A.V., Vlasov YU.I. Religioznyy ekstremizm v Orlovskoy oblasti // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. – 2016. – T.11. – №1. – S. 99-106. (In Russ.).

10. Madayev KH.T. Instituty grazhdanskogo obshchestva i ispravleniye osuzhdennykh, ot-byvayushchikh nakazaniye v vide pozhiznennogo lisheniya svobody // Yuridicheskaya psikhologiya. – 2012. – №1 (50). – S. 122–125. (In Russ.).

11. Mazurina YU.Ye. Ugolovnoye nakazaniye v vide pozhiznennogo lisheniya svobody i yego ob'yekt: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Ryazan', 2010. – 24 s. (In Russ.).

12. Matveyeva Ye.S. Nesovershennoletniye osuzhdennyye v Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: problemy ustanovleniya otvetstvennogo prisma // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – 2015. – № 9-2 (59). – S. 105-110. (In Russ.).

13. Poznyshev S.V. Ocherki tyur'movedeniya. – M.: Izdatel'stvo G.A. Lemana i B.D. Pletnova, 1915. – 299 s.

14. Prugavin A.S. Monastyrskkiye tyur'my v bor'be s sektantstvomЪ (k voprosu o vЪroterpimosti). – M.: Tippo-litografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerev i K, 1905. – 130 s. (In Russ.).

15. Rossiyskoye zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: v 9 t. T.2 / otv. red.: A.D. Gorskiy, pod obshch. red.: O.I. Chistyakova. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1985. – 520 s. (In Russ.).

16. Tagantsev N.S. Russkoye ugolovnoye pravo: Chast' obshchaya. Lektsii 2-ye izd., per-esmotr. i dop. T. 1. – SPb: Gosudarstvennaya Tipografiya, 1902. – 823 s. (In Russ.).

17. Shchegolev S.D., Isayev A.V. Molodezhnyy parlamentarizm kak forma politicheskogo

uchastiya molodezhi: zarubezhnyye praktiki [Youth parliamentarism as a form of political participation of youth: foreign practices] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 2021. – T.16. – №6. – S.32-47. (In Russ.).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Цель журнала – создание коммуникационной площадки для обсуждения и изучения проблем истории развития государственного и муниципального управления; эволюции социальных институтов, таких как традиции, мораль, право, семья, общественные объединения, государство и другие, и их влияния на формирование и реализацию реформ в области государственного, муниципального, корпоративного управления, а также аккумуляцию исторического опыта российской государственности и развития государственных и социальных институтов.

Журнал адресован научному сообществу, студентам, аспирантам и преподавателям, ученым, экспертам и управленцам-практикам.

Журнал «Вестник государственного и муниципального управления» приглашает к сотрудничеству и творческому диалогу преподавателей вузов, аспирантов, соискателей научных степеней, практических работников органов власти и управления.

Статьи авторов рецензируются. Требования к оформлению статей см.:

<http://orel.ranepa.ru/the-structure-of-the-academy/journal>

Приглашаем вас к сотрудничеству и ждем ваших материалов

по адресу: e-mail: vestnik-gmu@orel.ranepa.ru

Точка зрения авторов необязательно отражает мнение редакции.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Среднерусский вестник общественных наук» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации.

Отрасли, по которым журнал входит в перечень ВАК:

07.00.02 – Отечественная история

07.00.03 – Всеобщая история

DEAR READERS!

The purpose of the Journal is to create communication platform for discussing and studying the problems of history development of state and municipal government; the evolution of social institutions, such as traditions, morality, law, family, public associations, the state and others, and their impact on the formation and implementation of reforms in state, municipal, corporate governance, as well as the accumulation of historical experience of Russian statehood and the development of state and social institutions.

The Journal is addressed to the scientific community, students, graduate students and teachers, scientists, experts and practical managers.

"Journal of Public and Municipal administration" invites you to cooperation and creative dialogue of university teachers, graduate students, applicants for scientific degrees, practitioners of government and administration.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации».

119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

**Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Рег. ПИ № ФС77-71949 от 26.12.2017.**

**При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник государственного и муниципального управления» обязательна.**

Главный редактор П. А. Меркулов

**Ответственный секретарь Е. С. Матвеева
Переводчик Е. А. Князькова
Корректор И. Л. Кургузова**

**Подписной индекс в общероссийском
каталоге «Пресса России» – 15166.**

Выходит четыре раза в год.

Адрес редакции и издателя: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Тел./факс 8(4862)43-20-28.

Издатель: Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС

Отпечатано в типографии издательства Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС
по адресу: 3020001, Орловская область, г. Орёл, ул. Панчука, д. 1.

Подписано в печать 30.09.2022. Дата выхода тиража в свет 11.10.2022.

Усл. п. л. 12,4.

Формат 70x100 1/16

Тираж 100 экз. Заказ № ____.

Цена свободная.

© **Вестник государственного и муниципального управления**

Научно-образовательное издание

№ 3 (45) 2022г.